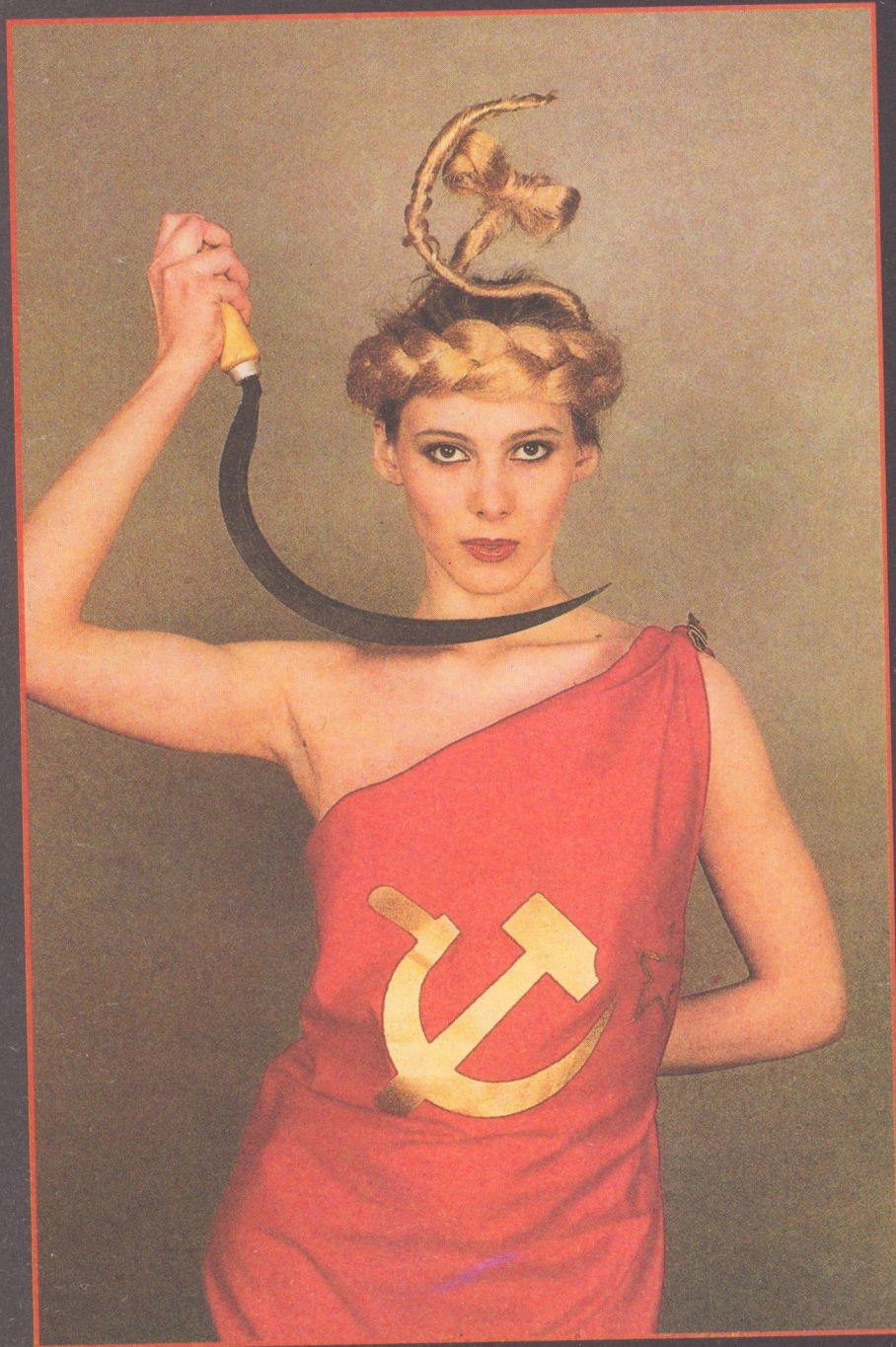

ISSN 0868-698 x

СТОЛИЦА

№23(29)
1991г. 1руб.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

1, 2 стр. обложки фото С.Борисова.

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ — НИЩЕТА. И НИКАКОГО БЛЕСКА

— Дипломатов у нас принято относить к элите.

Справедливо ли это в отношении советских дипломатов?

— Кое-кто из них к ней действительно относится, но большинство — только видимость создает. Знаете, «если барин при цепочке, это значит — без часов». Я вспоминаю один случай семилетней давности. Тогда я жил в районе метро «Таганская». В ту пору еще прямо за станцией был пивной ларек. Как-то знойным днем, возвращаясь с работы, я встал в очередь освежиться. Когда я был почти у цели, ко мне, пожалуй, единственному палящемуся на жаре в пиджаке и галстуке (явно интеллигенту), подбежал человек в гриме — артист знаменитого театра — и, сославшись на скорое начало спектакля, попросил оказать содействие. Я не мог отказать работнику искусств, да и очереди в то далекое время были короче и относились к таким вещам снисходительно.

В ходе состоявшейся затем беседы, после откровенного обмена мнениями, мы со служителем Мельпомены, представители двух «экзотических» специальностей, пришли

Фото Э. Кудрявицкого

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ ЗИМЕЛЕВ
17 лет проработал дипломатом.
До октября 1990 г. — временный
поверенный в делах СССР в ЦАР,
единственный беспартийный глава
дипмиссии за годы Советской власти. Наш
корреспондент встретился с А.Зимелевым.

к интересному заключению, что народная молва наделяет артистов и дипломатов некоторыми общими чертами. Все мы бездельники, гребем народные деньги лопатой. Мидовцы, например, получают в месяц оклад в 500 чеков, 500 американских долларов и 1000 рублей, да к тому же за звание, потому что еще работают полковниками в КГБ. Артисты не отстают.

И те и другие страшно аморальны. Однако если «патологический раз-

врат актеров предопределяется их богемной натурой, то нам в МГИМО пришлось пройти спецкурс «Как соблазнить чужую жену». Стоит продолжать? А если серьезно, то общее действительно есть — повышенное нервное напряжение, более частые, чем у представителей большинства других профессий, сердечно-сосудистые заболевания. Наши дипломаты так же, как и артисты, за небольшим исключением, далеко не оамая беззаботная и высокооплачиваемая категория граждан СССР.

— У многих читателей такое заявление вызовет скептическую улыбку. Ведь дипломаты ездят в заграничные командировки, получают валютные оклады...

— Теоретически заграничные командировки должны компенсировать более чем скромные оклады, положенные в центральном аппарате МИДа. Но постоянно «катаются» единицы, не о них речь. Парадоксально, но в последнее время кадровому дипломату, особенно дослужившемуся до старших должностей, все труднее выехать в долгосрочную командировку. Нет мест. Темная туча «сокращенцев» со Старой площади надвинулась на МИД и, легко преодолев сопротивление его руководства, заполнила многие заграничные точки на много лет вперед.

Да к тому же за граница заграничные рознь. В теперь уже бывших соцстранах оклад советского дипломата в местной «деревянной» валюте был не намного выше московского. В Центрально-африканской Республике я, возглавляя советское посольство, получал в три раза меньше последнего французского специалиста. Хватало на создание видимости пристойного аскетизма, так как почти все товары доставлялись по воздуху и стоили в 2—3 раза больше, чем в соседних неанклавных странах.

При мизерных суммах, отпущенных на представительские расходы, которые к тому же надо было экономить на ежегодный прием 7 ноября, до трети зарплаты приходилось постоянно тратить на всевозможные протокольные мероприятия, в том числе на ежемесячные ужины дипкорпуса «в складчину» в таком ресторане, который я бы огибал за две версты, если б не служебная необходимость. Цены там были раз в пять выше, чем в тех простеньких заведениях, куда советский человек может зайти лишь изредка.

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЫГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40
Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Esonews, Швейцария
Fax: 41.21-311.45.11
Tel.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Подписку за рубежом осуществляет агентство Esonews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland
Номер подписан в печать 17.06.1991

Тираж 150000. Цена 1 р.

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 1004.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 Советская дипломатия — нищета.
И почти никакого блеска.

А.Зимелев

ВЛАСТЬ

- 6 «Революция не имеет моральных оправданий!»

И.Андреева

ЖИЗНЬ

- 18 Свобода — это когда нечего больше терять

Е.Аверина

ГОРОД

- 21 Куплю квартиру. Но как?

Е.Бердникова

ОТТУДА

- 25 Русские пришли

К.Хенкин

АРХИВ

- 37 «Мои воспоминания о мировой войне. 1914—1920»

А.Вргоч

- 42 «Гриша-череподробитель»

М.Осоргин

МЫ

- 45 Рок-н-ролл и... Гете

А.Ефимова

ВЕСЫ

- 50 ...Досмотреть эту сказку до конца

Г.Бардин

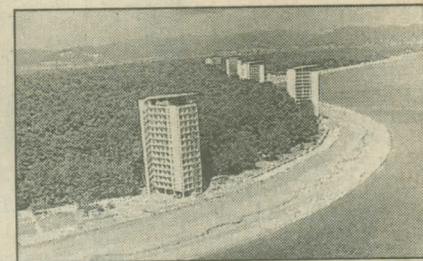
- 61 Анкета «Столицы»

- 31—34 — фото Э. Кудрявицкого

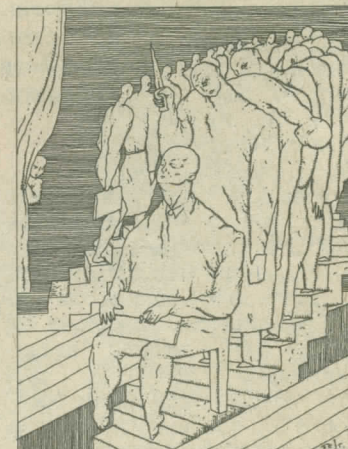
Художественно-технический редактор — Р. Катева

14 Приватизация — необходимое условие не просто оздоровления экономики, но и физического выживания и сохранения нас как нации.

23 Курортная война: ваши путевки недействительны

53 Владимир Маканин
Два рассказа

Конечно, если экономить на всем, вести совершенно собачью жизнь, то и совзагранкомандированному за несколько лет можно отложить кое-какой капиталец. Но это можно было еще недавно сделать и дома. (Теперь, конечно, со 2 апреля, все мы ведем собачью жизнь.)

Кажется, еще в 70-х годах валютные оклады нашим работникам определялись по пресловутому «штатному набору» — перечню потребностей советского человека за кордоном. Он был составлен в 30-х годах и включал в себя, в частности: бритье в парикмахерской 1 раз в 3 дня, кальсоны зимние, кальсоны летние, галоши...

Так что государство наше платит своим дипломатам за рубежом, исходя из определенного им прожиточного минимума в каждой стране. Хотя если бы столько платили в Союзе, да еще в СКВ...

Валютная зарплата — это еще и компенсация командированному за убогие годы жизни в советской колонии за рубежом (как правило, чем она меньше, тем больше напоминает серпентарий и дурдом одновременно), за подчинение режиму, правилам поведения советских граждан за границей.

Правила, по идее, преследуют цель ограждения наших людей от коварных происков иностранных спецслужб. Беда только в том, что «крючок», на который эти службы все еще иногда пытаются подцепить заблудшего советского человека, — это его страх за последствия умышленного или невольного нарушения этих, наших же, идиотских правил.

— Вы упомянули «темную тучу» партийцев, опустившуюся на МИД СССР. Разве это новое явление?

— Увы, нет. Начало «укреплению» МИД СССР партийными кадрами было положено Н.С.Хрущевым, недолголюбившим интеллигенцию и не доверявшим ей. По масштабам ущерба для советской дипломатической службы оно уступает, пожалуй, лишь чистке НКВД в 1939 г. после назначения наркомом В.М.Молотова. При всей одиозности фигуры А.Я.Вышинского он в качестве министра иностранных дел лично следил за тем, чтобы все советские послы свободно владели иностранными языками. А примерно с середины пятидесятых годов у большинства наших чрезвычайных и полномочных и русский стал каким-то странным... Хорошо еще, если сопро-

вождавшим их повсюду дипломатам и переводчикам удавалось довести глубокий скрытый смысл этого многоэтажного просторечия до, скажем, премьера заморской державы.

Считалось, что любой пропагандист может быть дипломатом. Но одно дело — косноязычно разглагольствовать по бумажке перед бессловесными массами, другое — провести переговоры с зарубежным профессионалом.

Даже вполне безобидный, но чуждый дипломатии человек, даже искренне желающий ею овладеть, оказавшись во главе посольства, неизбежно будет, особенно в первые годы, тормозить его работу. Кто-то должен с ним, безъязыким, повсюду ездить, кто-то — читать газеты (а то и письменно переводить все подряд), кто-то — на примитивном, доступном уровне разъяснять, что к чему и почему.

Но дело в том, что эти «новые назначения» безобидными не были. Направляли людей, заваливавших в области посевную или что-нибудь еще. Вызывали и говорили: «Посол ты на... Кубе!» Обида, тоска по столь привычной власти над целым городом, областью вымещались на маленькой советской колонии, а иногда и на руководстве страны пребывания. Привычки ни на йоту не менялись. И вот один в приказном порядке вынуждает политбюро братской партии постигать сложную науку игры в «козла», другой, из Средней Азии, заводит при посольстве стадо баранов, заботу о которых поручает дипломатам в качестве приоритетного направления их деятельности, третий заставляет строить перед посольством трибуну, взгромоздившись на которую в глазах умиленных туземцев 7 ноября и 1 мая бодро приветствует печально марширующую по кругу с флагами и транспарантами худосочную совколонию (всего человек 20).

В общении наших «сельскохозяйственных» послов с иностранцами превалировали две противоположные тенденции.

Первая — угрюмый, недоброжелательный взгляд исподлобья, нескрываемая ненависть к буржуазии... Зондаж позиций в лучших традициях допроса: «Ну, чего, господин товарищ, будем отпираться или будем признаваться?» Стремление по поводу и без повода «врезать» всем напрапалую. При этом аргументированная отповедь иностранного дипломата в ответ на такое «разъясне-

ние нашей принципиальной классовой позиции» в записях бесед либо опускалась, либо искажалась до неузнаваемости. Вообще зарубежные представители в таких реляциях выглядели сплошь недоумками, неспособными воспрепятствовать торжеству нашей всепобеждающей идеологии.

Другая крайность — стремление покорить (вернее, замордовать собеседника нашей великой простотой, которая хуже воровства): «Вы, товарищ английский посол ... как его звать-то?.. садитесь вот сюда. Нет, лучше сюда. У нас вот церемониев. Так что давайте пиджачки, галстучки скинем. Вот ты ко мне с протокольным визитом, а я дружить с тобой хочу, понимаешь? Сейчас выпьем русской водочки. Нет, до дна, а то я подумаю, что ты державу нашу не уважаешь... У нас в деревне... Да ты не стесняйся, переведи ему, чтобы он не стеснялся. Значит, так. С неба звездочка упала, прямо милому в штаны... Понимаешь, прямо в штаны... А ты чего уставилась? Переводи, переводы на иностранный, только чтобы складно было. Это про борьбу за мир. Пусть знает, что мы за мир».

Таких весельчаков на официальных приемах неудержимо тянуло спеть и сплясать. Какое уж тут дипломатическое искусство. Да и чего его осваивать — впереди пенсия или назначение каким-нибудь министром хлопчатобумажной промышленности.

Быть может, не все доходили до таких крайностей. Ну, хорошо, пусть не сморкается в салфетку, не щиплет своих и иностранных баб на светских раутах. И что? Уже посол? Будто бы у нас когда-нибудь не хватало профессионалов, прошедших все ступени дипломатической иерархии и досконально знающих все аспекты посольской работы?

Я часто думаю, что в период «холодной» войны, когда вооруженные силы являлись главным внешнеполитическим аргументом, почему-то никому в голову не пришло «укреплять» их, начиная командующими соединениями опальных штатских партийных деятелей. Да это было бы и теперь опасно... (В годы застоя их, правда, в дипломатию не только ссылали. Появилось и понятие «подарочный фонд» — посольские и консульские точки в странах с мягким климатом и твердой валютой. В такие «санатории» направляли номенклатуру ЦК КПСС и ком-

партий союзных республик за особые заслуги отдохнуть перед пенсией.)

Как человек, долгое время изучавший архив внешней политики СССР, могу утверждать, что если в наших отношениях с той или иной страной, когда там «на хозяйстве» находился бывший «слуга народа», и достигался какой-нибудь прогресс, то это происходило не благодаря послу, а вопреки ему.

Настоящих политиков, каким проявил себя, возглавляя МИД СССР, Э.А.Шеварднадзе, в любой стране очень мало. Это — редкий дар от бога.

Именно Э.А.Шеварднадзе, осознав ущерб, наносимый некомпетентностью, попытался ограничить приток в МИД новых партработников, выдвинул ряд грамотных, профессиональных дипломатов на должности послов в важнейших странах.

Но Э.А.Шеварднадзе ушел, а что день грядущий нам готовит — неведомо.

Другим, не менее вредным каналом «укрепления» дипслужбы является трехгодичный курс дипломатической академии (ДА), своего рода ликбез для номенклатурных работников более низкого звена. Закончив его, они сразу получают должности старшего диспосава, до которых карьерный миловец должен «расти» 10—15 лет. Причем в дипломатию направляют отнюдь не самых толковых. Как-то в секторе (теперь отдел) по Румынии мы получили представление к очередному рангу на одного бывшего «академика», выдающегося даже из своей среды активного болвана. Перлы, достойные самого взыскательного юмористического издания, которые он обильно производил и отправлял с каждой почтой, всегда воодушевляли сектор на великие свершения. Но ведь не за это платят зарплату и повышают в ранге! Представление было сделано по инициативе тогдашнего посла, вероятно из «партийной солидарности». Движимые этим чувством «сельскохозяйственные» послы, не только терпели, но и хотели иметь подобный балласт, заставляя профессионалов, к которым не испытывали особого уважения («пижоны», «всезнайки»), вклясть за двоих. Так вот, знакомимся с послужным списком вышеупомянутого кандидата на повышение, и узнаем, что даже на партработе он нигде больше года не держался, перебрался с участка на участок,

пока не был направлен на «укрепление» бедной советской дипломатии.

За очень небольшим исключением, это правило подтверждающим, выпускники ДА приходят в МИД с весьма поверхностными знаниями. Учиться любому новому делу тяжело, а тут и возраст, и специфика контингента слушателей. Иностранные языки даются плохо или не даются вообще, зачастую, и русский хромает на обе ноги. Но это «академикам» не помеха. Относясь к ним, как к неизбежному злу, их направляют туда, где они могут нанести наименьший ущерб нашей дипломатической деятельности. Не в оперативное подразделение, где каждый штык на счету и работники должны быть надежными на случай частых запарок, а куда-нибудь в большое по-солство, на общественную работу, в кадры. Но, к сожалению, эта «непотопляемая» номенклатура, не имея и обычно не приобретаая впоследствии достаточных навыков в области дипломатии, приходит в МИД с другим багажом — со специфическим опытом «работы с людьми» (я часто думаю, а ремесло палача — это тоже работа с людьми?). Поднабившие в интригах, подслушивании, доносах, доносах, угодничестве, осевшие в кадрах и партийных структурах системы МИД СССР, они, вытравивая «своих», оказывались вершителями судеб «классово чуждых» профессионалов. И многие судьбы исковеркали.

— За что в МИДе карают, за что поощряют? Каковы слагаемые денежной дипломатической карьеры?

— Скрытые пружины действовали и действуют до сих пор. Года три назад была начата кампания по борьбе с семейственностью. Но она на деле затронула лишь «бывших» и детей не очень высокопоставленных миловских сотрудников, которые практически ничем не могли помочь своим отпрыскам. Жертвы кампании независимо от их знаний и опыта переводились на менее престижные участки. Пострадало много толковых ребят. Сам я, выходец из «технической» семьи, ничего плохого не вижу в том, что сын честно идет по стопам отца. Главное — качество работы. Мощный, долговременный и хорошо законспирированный — как правило, «партийный» блат — обычно бывает у попадающих на дипслужбе дремучих парней, кичащихся тем, что они «от сохи». Наглые, косноязычные, они под

лозунгом «социальной справедливости» расталкивают всех на своем пути.

Во всяком случае, до недавнего времени общественной работой (самой ненужной и идиотской) заниматься было выгоднее, чем основной. В характеристиках (на ранг, должность, командировку) служебная должность упоминалась скороговоркой, как нечто само собой разумеющееся, зато на все лады рессусоливались участие во всяких заседаниях (зачастую — в рабочее время), выступления на тошнотворно скучных семинарах и т.п. Маска твердокаменной идеологической надежности ценилась превыше всего. Честным, талантливым дипломатам, по-настоящему любящим свою работу, болеющим за нее, поневоле и нередко в ущерб делу приходилось подстраиваться под эти маразматические требования.

Насколько я знаю (а я спрашивал и у ветеранов дипслужбы), в МИД СССР еще никого никогда не наказывали и, тем более, не выгоняли с работы за то, что он дурак или подлец.

Общечеловеческие понятия — «низость», «хамство», «подлость» могли трансформироваться через призму коммунистической морали в такие высокие качества, как «простота», «откровенность и прямота», «принципиальность и бдительность».

От дураков на каждом конкретном участке дипломатической работы пытаются избавиться, ходатайствуя о переводе их, нередко с повышением, в любое другое подразделение, где нужны люди, о направлении их в заграничные командировки или на учебу.

Но вот за развод, «аморалку», нарушение правил поведения за рубежом (нередко надуманные и никак не доказанные) карают строго. На долгие годы человека делают невыездым, приостанавливают присвоение очередных рангов и должностей, часто переводят на другую, техническую работу, за которую стыдно получать пусть небольшой, но все же «дипломатический» оклад. Этому предшествует унизительное «персональное дело», копанье в грязном белье.

— Вы долго работали в системе МИД СССР, даже руководили по-солством, оставаясь беспартийным. Это что — плюрализм в действии?

— Нет, увы, это всего лишь исключение. На сегодняшний день практически все советские дипломаты — коммунисты и комсомольцы. Я же был «белой вороной». Но не думаю, что мои бывшие коллеги, когда наступит светлый день департизации дипломатической службы, будут долго и безутешно рыдать над сдаваемыми красными билетами. Членство в ВЛКСМ или КПСС до недавнего времени являлось неотъемлемым условием поступления на дипслужбу. У дипломата, не вступившего в КПСС по выходе из ВЛКСМ, прекращался рост по службе, не было перспектив выехать за рубеж. Ведь решения о командировках принимались отделом загранкадров ЦК.

Сам я весьма поздно вступил в кандидаты, но по семейным обстоятельствам стажа не выдержал и вскоре попал «на исправительные работы» в издательский отдел Историко-дипломатического управления МИД, где большинство парторганизации составляли агрессивные одинокие тетки с дурными манерами. Я хорошо представлял себе, как бы они надо мной измывались, окажись я в их власти в процессе вступления и унижительного, безропотного послушания кандидата стажа. И не мог себя заставить пойти на это. А потом подули новые ветры, я был реабилитирован и направлен в Африку. Быть может, в тот период и появилась ка-

кая-то волна беспартийных заграничных работников.

— Африка, это был ваш выбор?

— Нет, за экзотикой я не гнался. Жара, малярия, прочие прелести... Есть более прекрасные части света, там работают более достойные люди. Но после многолетней «отсидки» я был рад и Центральноафриканской Республике. Отправился я туда в качестве временного поверенного.

— Почему же вы ушли из МИД?

— Еще до отъезда в ЦАР меня предупреждали, что обстановка в посольстве тяжелая. Персонал — всего несколько человек — был, мягко говоря, некомпетентный, набран со стороны по большой протекции. (Это при том, что мидовцы подолгу не могут выехать.) Я почти ничего не мог им поручать — потом исправлять долгие. Попытался не замечать интриг и сплетен, которыми жили люди, я работал и ждал подкрепления — приезда посла и советника. А ребята между тем от безделья строчили на меня донос за доносом. Наконец приехал советник, которому я сдал дела, после чего вынужден был срочно лететь в Москву «спасти свою честь и достоинство». Обвинения в мой адрес были абсурдны, и мне ничего не стоило их отвести. Но не тут-то было. «Партийному» кадровому начальнику, которому его протеже и слали «сигналы» и который добился моего вызова в самый неподходя-

щий момент — в канун нашего приема и аккредитации посла, — надо было во что бы то ни стало оправдать свои действия.

Появились новые обвинения — я, мол, не работал с коллективом, не спланировал его. В конце концов я понял (и хорошие люди из кадров мне это сказали), что моя участь predetermined «подвешена» и снова сошлут в «штрафбат». Ввиду таких безрадостных перспектив я, не дожидаясь грязного и мучительного разбирательства на центральной аттестационной комиссии, ушел «по собственному желанию». Может быть, и стоило побороться, но я не ожидал, что такое сейчас возможно, и был застигнут врасплох.

— Это случайный рецидив прошлого или возврат к «старым добрым временам»?

— Так сложилось, что я вынужден был покинуть дипслужбу практически одновременно с Э.А.Шеварднадзе... Но на ваш вопрос ответить пока не могу. Поживем — увидим.

— Жалеете, что пришлось оставить дипломатию?

— Конечно, жалею. Несмотря на все сопутствующие «свинцовые мерзости», желаю своим бывшим коллегам побыстрее от них избавиться.

Беседа вел Виталий ЕРЕНКОВ

ПЕРИСКОП

«РАЙ» НЕЗАДОЛГО ДО РАЯ

Сан-Сити — это город-мечта, город-сказка, основанный в 1960 году в штате Аризона калифорнийским плотником Делом Веббом «для тех, кто хочет закончить свой земной путь в грезах». Сейчас в нем живет 46 тыс. жителей. Чтобы «прописаться» в этом позолоченном гетто, необходимо строго соблюдать ряд условий: достичь пенсионного возраста, иметь приличный счет в банке, принимать своих детей не чаще 1 раза в три месяца, причем их возраст не должен быть менее 18 лет. Здесь царит полный порядок. Специальный общественный комитет следит за его соблюдением. Этот же комитет назначает двух шерифов. В этой работе им активно помогают рокеры-любители, средний возраст

которых — 75 лет. Одеты в кожаные куртки и высокие сапоги, они разъезжают по городу со скоростью 200 км в час. Нарушителей порядка здесь просто вежливо выпроваживают за границы города.

Жители Сан-Сити, которые всю свою жизнь занимали ответственные посты в различных фирмах, на производстве или в армии, теперь имеют полное право на покой. «Если бы Господь Бог захотел организовать свою канцелярию на земле, — заявил местный священник Гейл Биланд, — то он, несомненно, выбрал бы для этого Сан-Сити».

«Буаси» (Франция)

«ИЗМЕНИ МОЕ ЛИЦО»

Рекордсменом в области эстетической хирургии стал Майкл Джек-

сон: осветление кожи, изменение формы подбородка, скул, глаз, бровей, утончение губ, многочисленные операции носа... Нос стал настолько хрупким, что Майкл Джексон рискует однажды остаться с дыркой вместо него. Ведь будучи изготовленным из синтетического материала, он практически не имеет хрящей. И хирургическую маску он носит лишь из-за боязни подцепить где-нибудь инфекцию. Дабы избежать соприкосновения с грязной почвой, Майкл передвигается в кресле-каталке. Ежедневно по два часа приходится знаменитому певцу проводить в специальной кислородной камере-капсуле, где, потребляя витамины и пищу, в состав которой входят минеральные соли (виноград и орехи), он надеется дожить до 150 лет.

«Макси. Феминин. Актюэль. Пратик» (Франция)

**ИРЭН АНДРЕЕВА — народный депутат СССР,
секретарь правления Союза дизайнеров СССР:**

«РЕВОЛЮЦИЯ НЕ ИМЕЕТ МОРАЛЬНЫХ ОПРАВДАНИЙ!»

— Ирина Александровна, вы — известный в стране дизайнер одежды, человек искусства. Что же заставило вас превратиться из законодателя мод в... просто законодателя? Когда вы появились на I Съезде, какие только слухи о вас не ходили: и что вы будто бы персональная портниха семьи Горбачева, и...

— ... и что я — внучка Кагановича!
— Неужели?

— А вы как думали? Именно так. Но, к сожалению (а вернее — к счастью), я не портниха и не внучка, а нормальный народный депутат от Союза дизайнеров СССР. И то, что я оказалась на Съезде, ничего удивительного.

— И все же, что привело вас в законодательный орган? С чем вы пришли на I Съезд?

— О чем я громко хотела заявить на Съезде? Как это ни покажется вам высокопарным, о нравственности. Почему? Потому что первоосновой всего на свете, я убеждена, является уровень нравственности. Это как градусник здоровья общества. К несчастью, я ощущаю кожей падение этой температуры нравственности сегодня почти до нулевой отметки в огромном множестве видимых нам людей. Именно видимых, потому что я ни в какой мере не хочу это наблюдение отнести ко всему народу: может, это у меня и предрассудок, но я стою на позиции, что народ всегда нравствен.

— Презумпция нравственности?

— Да, именно презумпция! Безнравственны могут быть люди, кото-

рые выступают либо «от имени народа», либо выдают себя за его, народа, «порученцев», либо даже те, кто на самом деле является его порученцами, — у них этот феномен возможен. Феномен двойной морали. Мы часто говорим о нравственности, морали, этике — это понятия-синонимы, но каждый вкладывает в них свой смысл. Один вспоминает о нравственности, когда обижен кем-то, другой — когда он боится кого-то обидеть. Согласитесь, это две противоположные позиции! Один объявляет себя эталоном нравственности, и это уже само по себе признак безнравственности...

— Все это вы сказали на Съезде?

— Если бы!.. Мне не дали слова. Менее всего, оказывается, этот вопрос интересовал кого-то! Если помните, там было лишь выступление академика Лихачева на эту тему и несколько вялое выступление Кириллы Лаврова — и все! Как бы о нравственности, как бы о духовности, но больше — о культуре. Хотя, ясно же, культура — сублиматор нравственности. То есть если она — культура, то она просто не может быть безнравственной... Словом, эти зерна, брошенные Дмитрием Сергеевичем, к сожалению, не попали в благодатную почву, они не проросли. И не проросли не только в том зале, но, как мы сейчас видим, и в самой жизни нашей...

События, происшедшие в стране за это время, я считаю, произошли, кроме всего прочего, еще и по причине необычайно низкой нравственности общества. Это, например,

открытые столкновения людей в январе в Вильнюсе и Риге. Здесь я вижу полнейшую безнравственность тех идеологических вдохновителей этой акции, которые за ней стояли. В первую очередь это, конечно, псевдоанонимные комитеты общественного спасения и те силы, которые их поддерживали извне. Сами эти комитеты стояли за спиной непосредственных исполнителей акции, но за их спиной стояли еще силы извне...

— Чего ж тут удивляться. Это ж политическая борьба.

— Нет, извините, это не политическая борьба. Политическая борьба — это все же диалог, спор, конкуренция программ и лидеров, соревнующихся между собой, аукцион идей — «смотрите, наша программа лучше, поэтому мы на ней настаиваем и боремся с другими за первенство». А то, что мы имеем, это мера б е с с и л и я политической борьбы, которая выливается в итоге в такой вот кровавый результат. Закономерный результат безнравственности в политике. К огромному моему огорчению, ситуация эта у нас не ослабевает, скорее — наоборот...

— И что здесь может сделать парламент?

— Во-первых, на мой взгляд, парламент должен научиться доверять своему народу. А сейчас парламент своим недоверием сваливает всю вину на народ, который в свою очередь не доверяет этому парламенту... Конечно, есть силы, которые преднамеренно подрывают авторитет парламента, есть. Подрывают ав-

Фото Б. Кремера

торитет этого, по сути, нейтрального органа: ведь при активизации национальных конфликтов и вообще движений, при нарастании центробежных тенденций лишь этот орган — Верховный Совет СССР — остается как бы над схваткой, над конфликтами. И если бы обстановка в нашей стране была *высоконравственной*, то, я считаю, все политические силы стремились бы укрепить этот нейтральный орган и уже через него влиять на ситуацию для ее умиротворения. Это естественно! У нас же — все наоборот!.

Законы нравственности для всех едины. А мы считаем, что толпа спешет все. Если, значит, нас много и у всех нас требования, то можно их удовлетворения добиваться любым способом. А если я одна, то меня

можно обуздать... Это и есть *феномен толпы*, рождающий оправдательное отношение к массовости. Массовость снимает с меня, стало быть, персональную мою ответственность. Но ведь нравственность общая — это нравственность каждого индивидуума! Если я иду в толпу, чтобы в кого-то выстрелить, а толпа меня потом скроет — это крайний пример того, что нравственность все равно остается *индивидуальной*. Я хоть и стреляла из толпы, но это меня все равно не оправдывает, верно? И вот эти-то столпотворенные действия — они-то мне и представляются безнравственными. А так как — тут я возвращаюсь к тому, с чего начала, — такие толпы *организуются* кем-то, то я, сохраняя презумпцию нравственности за

народом в целом, говорю об уровне безнравственности определенных слоев, которые сегодня берут на себя право говорить «от имени» — мандат депутата, лидера, председателя и так далее, — а действуют аморально, прикрываясь как раз этой «толпой»... Это тот же «выстрел из толпы», который меня пугает.

— Вы говорили об отсутствии нравственности при усилении центробежных тенденций в стране. Может ли, например, Союзный договор помочь в приобретении нравственности нашему новому сообществу?

— Я — сторонница Союзного договора как времени передышки, перемирия. Я вообще категорическая противница революций! Я ненавижу их как рок человеческий. Для меня революция хуже, чем война. Революция нравственно дезориентирует человека, она не имеет никаких моральных оправданий. Я имею в виду революцию как вооруженное, насильственное изменение ситуации, строя и т.д. Она не имеет оправдания потому, что человек, живущий в данных конкретных условиях, не может быть стопроцентно обвинен — кем бы он ни был, по какую бы сторону баррикад он в этой революции ни находился. Я решительно против тотальной конфронтации между людьми. Нельзя втягивать в борьбу отдельных лидеров массы. В этом — чрезвычайно низкий градус нравственности! И депутатов — тоже...

— Вам это, вероятно, известно «из первых рук»: в Комиссии по вопросам депутатской этики, я слышал, вам достается...

— Работы хватает. Как зампред комиссии скажу вот что: у нас есть депутаты, особенно из молодых, которые, совершив некий некрасивый поступок, не соответствующий этике депутата, всячески избегают даже разбора этого поступка. И самое, оказывается, для них сложное — извиниться! Перед человеком, личность которого он задел. Ты можешь сколько угодно критиковать платформу, позицию, взгляды депутата, но — *не задевай личность!* Не называй человека «дерьмократом», «раковой опухолью»...

— Помнится, именно эти «аргументы» звучали как-то на сессии.

— Да-да, из уст депутатов Крышкина, Васильца, Сухова. Мы обсуждали это на комиссии, вынесли им порицания. А, кстати, Сухов замечен в подобном словотворчестве уже

АТАМАНЫ КРОВИ НЕ ХОТЯТ

Жители станицы Троицкая, которая находится на территории Сунженского района Чечено-Ингушетии, обратились к ставропольскому горисполкому с просьбой выделить им место для основания новой станицы недалеко от города.

Казакки решили уехать из родной станицы потому, что в Троицкой условия жизни из-за постоянных конфликтов с местным населением стали невозможными. На новом месте они хотят, наконец, зажить спокойно, ходить в казачьей одежде и открыть казачью школу.

Атаман ставропольских казаков Есаулов собирает на это дело по предприятиям деньги. Деньги пока дают.

Сергей БОНДАРЬЕВ

Луганск

ГОССТРАХ ПРЕДУПРЕДИЛ

Рыночные отношения в советском варианте своеобразным образом стали проникать и в сферу государственного страхования.

Некое малое предприятие, зарегистрированное при Луганском горисполкоме, со второго апреля страхует авиапассажиров. Дополнительная услуга стоит рубль.

Узнав об этом, в управлении Госстраха Луганской области очень удивились, потому что страховка (в размере 25 копеек) включается в стоимость авиабилетов. Кроме того, застрахованные за рубль пассажиры нигде, ни в каких документах Аэрофлота не значатся, и при утере страхового свидетельства автоматически теряется право на получение чего бы то ни было.

Областной Госстрах решил публично заявить о своей непричастности к рублевой страховке и выразил надежду, что обманутые пассажиры получат полную информацию от компетентных органов о том, кто имеет выгоду от новой услуги.

Петр ПЕТРОВ

не первый раз. Ранее он, помните, процитировал с трибуны сессии мнение своей супруги о Президенте: «Какой мерзавец!»... Мы тогда его предупредили устно. А теперь мы каждому из названных депутатов дали нашу официальную письменную оценку их действий. В следующий раз, если это повторится, мы потребуем частичного снятия с них депутатского иммунитета и передачи дела в суд.

— Были ли в практике комиссии случаи рассмотрения и оценки неэтичных поступков Горбачева?

— Горбачева — нет. Лукьянову объявляли замечание (по поводу нарушения им регламента в случае с письмом депутата Ахромеева). А Горбачева — нет.

— Неужели вы не рассматривали даже его широко известную публичную перепалку с Сахаровым на II Съезде? По-моему, все тогда заметили, что это было со стороны Горбачева, мягко говоря, не очень вежливо. Не помните тот случай?

— Я слишком хорошо помню все, что касается Горбачева и Сахарова. И сейчас объясню почему. Пускай кому-то не понравится, что я сейчас вам расскажу, но что было — то было. Не хочу врать.

Понимаете, я тот единственный человек, который объяснялся с Горбачевым по поводу Сахарова. По инициативе Горбачева, не по моей. Кстати, мой муж, кинорежиссер, снял сейчас фильм, где я с экрана рассказываю эту историю...

Закончился I Съезд. Собираясь уходить, я обернулась, увидела пустую сцену — три женщины-депутата прощались с Горбачевым. Он повернулся вдруг в мою сторону, протянул свой длинный палец и бросил мне: «Подожди!» Он попрощался с женщинами, повернулся ко мне... И тут он вдруг... лег животом на стол, и его лицо мгновенно оказалось прямо возле моего лица, и... заорал бешеным голосом.

— Вы соображаете, что вы делаете?! Вы когда-нибудь людей жалеть научитесь? Вы о чем-нибудь, кроме своих страстей, думать будете или нет?!

И вот постепенно, с его криком, до меня начало доходить, что я для него — представитель московской группы. А он тем временем продолжал кричать мне в лицо:

— ... Вы будете жалеть старика?! Или так и будете продолжать везде выставлять его тараном для проби-

вания своих идей?!

Я сначала не могла никак понять: какого старика?

— ... Вы что думаете, я — идиот? Я что, зала не знаю?! Да запомните вы: я каждую пару глаз в этом зале вижу и знаю реакцию зала наперед, а вы, ни черта не соображая, гоните человека на трибуну, чтобы погубить его! Вам его не жалко???

И тут только до меня, наконец, доходит, что он говорит о Сахарове. Хотя он его ни разу ни по имени, ни по фамилии не назвал, никак...

— ... Я делаю все, чтоб не дать им затоптать его!!! А вы!..

... Вы представляете себе эту картину и мое состояние: глава государства лежит передо мной на столе, головой прямо чуть ли не в лицо мне, да еще пальцем своим длинным машет перед моим лицом, знаете, как он умеет... Рубит воздух этим указательным пальцем, сам весь красный!..

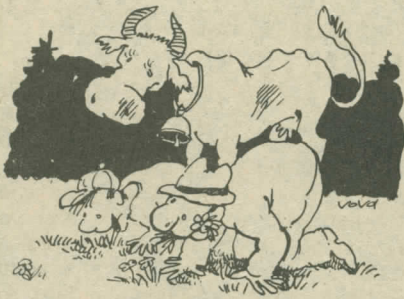
Так вот, кто бы мне теперь что ни говорил об отношении Горбачева к Сахарову, но — это было со мной, понимаете? А теперь, два года спустя, в том фильме, о котором я упомянула выше, редакторши, мои доброжелатели истинные, советуют мужу с болью в голосе:

— Она же такой у тебя хороший человек, не губи ты ее авторитет: сними ты эти кадры из фильма, убери ради Бога!..

Вот вам наша нравственность. Почему это будет для меня потерей авторитета, если я скажу правду? То, что было со мной?.. Лично? У меня нет оснований ему не верить: зачем ему было все это врать мне в лицо? Да кто я такая ему? И уж если бы ему надо было как-то обнародовать свое отношение к Сахарову публично, уж, не беспокойтесь, он бы нашел и способ, и аудиторию, подходящую для этого, не правда ли?

Что я хотела бы показать еще на этом примере? Очень сложно оценивать поступки людей. Знаете, ведь быть судьей людям никому не дано, только Господу Богу. Это, так сказать, нравственный абсолют. А во всем остальном приходится соглашаться с некоей относительностью и стремиться лишь к тому, чтобы не причинить вреда. Как у врачей: «Не навреди!» Это я особенно поняла в последнее время, как стала серьезно работать в своей Комиссии по вопросам депутатской этики. Главное — не навредить!.

Григорий КРОШИН

Красноярский край

**ПОДНОЖНЫЙ
КОРМ МОЖЕТ БЫТЬ
ЯДОВИТ**

Отсутствие в Красноярском крае еды вообще и витаминов в частности стало приводить к трагическим случаям.

Семья Каратенко, выехав на рыбалку, наелась дикорастущей зелени и каких-то корешков. Правда, мать семейства быстро все выплюнула, а отец и одиннадцатилетний сын с аппетитом доели подножный корм до конца.

Вскоре мальчику стало дурно, и мать, остановив попутку, отвезла его в больницу. Оставшийся собирать вещи отец так и не вернулся с места пикника, его нашли у реки уже остывшего, с пеной у рта.

Ядовитое растение отправили на экспертизу. Ребенок долгое время лежал в реанимации и получил множество осложнений. Сиротами в этой семье остались четверо детей.

Ольга СЕДЫХ

Нижний Новгород

**КАК «ЮНОСТЬ»
СТАЛА
«ВETERАНОМ»**

Автозаводский магазин «Юность», что на проспекте Кирова в Нижнем Новгороде, все время своего существования торговал детскими вещами и вдруг с недавних пор стал называться «Ветераном».

По словам заведующей магазином М.Пыпиной, эта метаморфоза связана с тем, что в последнее время товары для подрастающего поколения почти не поступают. А посему в магазине решили отоваривать участников ВОВ, «афганцев», инвалидов по здоровью и других «льготников».

Правда, после посещения старого магазина с новым именем у репортера, увидевшего там весьма скудный ассортимент, возник резонный вопрос: а стоило ли менять вывеску?

Михаил АЛЬПЕРОВИЧ

Алма-Ата

**РЕМОНТ КАК
ПОВОД ДЛЯ ЛЮБВИ**

Много новшеств и изменений претерпела древнейшая профессия со времени своего появления.

Мужчины тоже внесли лепту в историю проституции. В Алма-Ате появились такие коммерсанты. Они объединились в группу, осваивающую редкий вид услуг — развлечение одиноких женщин. Ночь любви стоит от 60 до 100 рублей — в зависимости от возраста и внешности клиентки. Сделки деликатно маскируются готовностью «проститута» что-нибудь отремонтировать или еще как-то помочь женщине по хозяйству.

Практика показывает, что подобные коммерческие образования нестабильны и вскоре распадаются на специалистов-индивидуалистов. Так безопаснее.

Валерий РУДАКОВ

**ВСЕ НА БОРЬБУ
С... ЭТИМ САМЫМ!**

Недавно омичи отметили двадцатипятилетие свалки на территории Чернолученско-Красноярской зоны отдыха в полчасе езды от Омска.

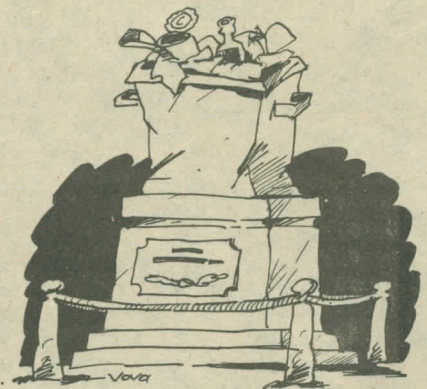
Много-много лет назад свалка была маленькой и безобидной, но рос город, увеличивалась и застраивалась пансионатами и пионерскими лагерями зона отдыха. Ну а свалка, соответственно, доросла до пятидесяти гектаров, и граница ее теперь находится в пяти километрах от домов отдыха.

Кроме всяческих отходов и мусора сюда сливают фекальные воды и даже нефть. От сногшибательного амбре гибнет все живое. По крайней мере, вокруг свалки уже давно не растут трава и деревья, и предполагается, что, даже если свалку уничтожить, оздоровить эти загрязненные 50 гектаров будет невозможно.

26 мая омичи устроили пикет свалки. Они мужественно стояли под дождем и градом, преграждая путь машинам с... этим самым. Шоферы охотно подписывались под обращением в облисполком и разворачивались.

Однако все эти дерзкие акции пока принимаются облисполкомом к сведению — и не больше.

Эльза КЕПОЛАС

Осколки собирала Елена
АВЕРИНА
Рисовал В. Иванов
Наш телефон: 928-70-79

КОНФЕРЕНЦИЮ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В МОСКВЕ ПРОВОДИТЬ НЕЛЬЗЯ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЛАВАМ ПРАВИТЕЛЬСТВ 34 СТРАН, ПОДПИСАВШИХ ХЕЛЬСИНКСКИЙ ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ

Мы чтим память А.Д.Сахарова и продолжаем его дело в области прав человека. Андрей Дмитриевич отказался принять возвращенные ему правительственные награды до тех пор, пока не освобождены все политзаключенные, в том числе и жертвы карательной психиатрии.

Реальное положение дел с правами человека в настоящее время противоречит международным стандартам, закрепленным в Хельсинкских соглашениях и международных пактах. Для решения этих проблем необходимо вмешательство международной общественности.

Мы, нижеподписавшиеся участники I Международного конгресса памяти А.Д.Сахарова «Мир, прогресс, права человека», участники II Международной конференции по правам человека (Вильнюс—Ленинград, сентябрь 1990 г.), участники конференций: демократического блока (Ленинград, 1990), СДПР (Свободная демократическая партия России; Ленинград, ноябрь 1990 г.), РХДД (Российское христианско-демократическое движение; Москва, 1990), ХДС России (Христианско-демократический союз; Москва, 1990), участники Международного Хельсинкского семинара (Москва, февраль 1991 г.), делегаты Учредительного съезда «Демократическая Россия» (Москва, 1991), делегаты Учредительного съезда НПР (Народная партия России; Зеленоград, май 1991 г.), бывшие политзаключенные, жертвы карательной психиатрии, независимые психиатры, члены правозащитных организаций, народные депутаты разных регионов, разных уровней, обращаемся к главам правительств 34 стран, подписавших хельсинкский Заключительный акт, с просьбой: *не давать согласие на участие в Конференции по правам человека в Москве в 1991 г. на правительственном уровне, пока не будут выполнены руководством страны следующие условия:*

Освобождение всех политзаключенных.

Реабилитация всех лиц, подвергавшихся политическим репрессиям начиная с 7 ноября 1917 года и до настоящего времени.

Решение проблемы карательной психиатрии.

Прекращение практики применения государством вооруженных сил против мирного населения.

Привлечение к ответственности должностных лиц, партукратии и КГБ, виновных в преступлениях против личности, в результате чего тысячи умов и талантов в 70—80-е годы были выброшены за рубеж. Необходимо покаяние. Государство должно обратиться к нашим пострадавшим соотечественникам, чьи права нарушались, человеческое достоинство попиралось, с просьбой о прощении, возместив моральный и материальный ущерб.

Прекращение дискриминации лиц, ближайшие родственники которых получили политическое убежище в других странах, и обеспечение права воссоединения семей.

Повторное рассмотрение Верховным Советом Союза Закона о порядке въезда и выезда из страны с принятием механизма реального осуществления прав советских граждан вне зависимости от позиции «заинтересованных» ведомств и аппаратных структур.

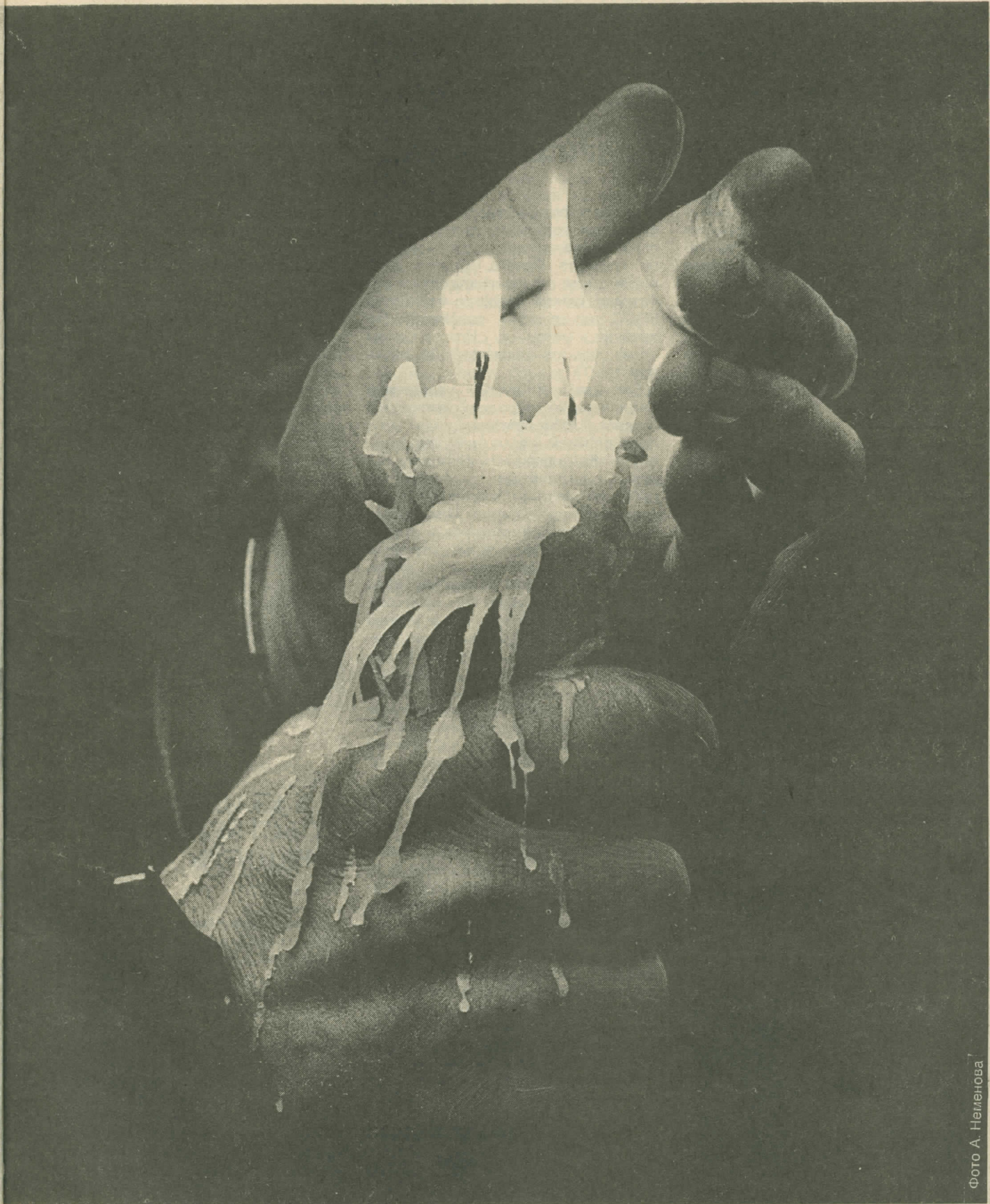
Ратификация руководством СССР Факультативного протокола к Международному Пакту о гражданских и политических правах, который дает возможность обращения граждан с индивидуальными жалобами на нарушение их прав в Комиссию по правам человека ООН и Международный суд. Комитет государственной безопасности в его нынешней форме должен быть ликвидирован как организация, игравшая деструктивную роль на протяжении всех десятилетий со дня своего создания.

Цели и методы идеологических и связанных с ними отделов КГБ должны быть квалифицированы Верховным Советом СССР как преступные.

Вновь создаваемая организация подобного рода должна быть лишена всякой политической и идеологической роли. Ее деятельность должна касаться лишь строго ограниченного круга вопросов, законодательно зафиксированного и известного всем гражданам.

Архивы ЧК—ОГПУ—НКВД—КГБ, включая собранные этой организацией досье на миллионы советских людей, должны быть рассекречены и общедоступны.

Всего 530 подписей.

Луганская область

ДЕЛО — ТРУБА!

До недавнего времени сорокаметровая дымовая труба котельной в промзоне ИТУ города Брянка особого интереса ни у кого не вызывала. Стоит себе и стоит, ни средством, ни предметом труда не является. Зато, как выяснилось, может стать средством выражения протеста против нашей судебной системы...

Два молодых человека (пожилым бы это не удалось), неожиданно для соседей и для руководства ИТУ, среди бела дня взобрались на эту самую трубу и потребовали пересмотра своих судебных дел: безвинно, дескать, страдаем, граждане начальники, обратите внимание! Гарантом того, что приговоры будут пересмотрены, должен был выступить не кто иной, как прокурор Украинской ССР Михаил Потребенко, чьего приезда потребовали верхолазы поневоле. Но прокурор, как и следовало ожидать, не приехал. Спустя сутки, проведя ночь на трубе, голодные эски спустились вниз с покоренной вершины. На земле их ждало дисциплинарное наказание.

Впрочем, не все еще потеряно. Областная прокуратура УВД взяла на контроль возможный пересмотр дел «верхолазов». И тут главное — не создать прецедент. А то где столько труб набрать, чтоб удовлетворить запросы всех недовольных решением суда?

Виктор ОЛЕНЧУК

Красноярск — Рязань

НОМЕНКЛАТУРА
СКУПАЕТ
НЕДВИЖИМОСТЬ...

Своего рода «бомбой» стало выступление народного депутата Виктора Гитина на сессии Красноярского краевого Совета. Оказывается, слухи о том, что номенклатурные работники тайком скупают имущество КПСС, не лишены оснований (по крайней мере, в Красноярском крае). Как это делается? Да очень просто!

Сначала исполком крайсовета безвозмездно передает несколько бывших «обкомовских» дач под Красноярском на баланс издательства «Красноярский рабочий» — для расширения санатория-профилактория «Полиграфист». А директор издательства Юрий Кондрашин, не желая возиться с этакой обузой, продает «жилые строения повышенной комфортности» очень уважаемым людям: прокурору края А.П.Москальцу, работнику крайкома партии Г.Г.Тимакову, председателю крайпотребсоюза В.В.Иванову, директору оптового объединения «Росхозторг» К.Д.Злыгостеву — по одному дому на двоих. Покупатели внесли в кассу издательства «бешеные» деньги — по 9660 рублей. Красноярскому епархиальному управлению такой же «домик» обошелся в 50 тысяч. «Приватизацией» покоммунистически назвал эту сделку депутат Гитин.

А после его выступления был скандал, эмоции через край, письма в защиту директора «Красноярского рабочего», подписанные коллективом издательства и пр. Депутатская комиссия «по проверке фактов, изложенных в выступлении депутата В.В.Гитина», обнаружила массу нарушений закона при купле-продаже злополучных дач и признала выступление Гитина «...важным и своевременным...». Впрочем, пока шло разбирательство, Юрий Кондрашин счел за благо вернуть деньги горе-покупателям и расторгнуть сделки. Так что наказывать вроде и некого...

Геннадий СВОЙСКИЙ

...И КУШАЕТ
ПОСЫЛКИ ИЗ
ГЕРМАНИИ

Очередной автокараван с гуманитарной помощью из Мюнстера (немецкий город-побратим Рязани) досматривали не только приехавшие из Москвы таможенники, но и специально прикрепленные сотрудники местного управления КГБ. И не зря.

Благодаря повышенной бдительности последних прояснились некоторые любопытные факты. Оказывается, среди тех, кто неоднократно получал увесистые коробки с капиталистическими деликатесами и одежкой, числились: бывший управляющий делами исполкома горсовета Л.Живописцев, бывший главный архитектор города В.Макаров, заведующая отделом культуры горсовета А.Позднякова, архимандрит И.Сипратов. Ответственная работа, видимо, требует ответствующего питания — на уровне многодетных мам, инвалидов и ветеранов.

Бедные, доверчивые немцы!

Андрей КУЗНЕЦОВ

Ростов-на-Дону

У КАЗАКОВ —
СОБСТВЕННАЯ
ГОРДОСТЬ

Черкасский атаман Владимир Лагутов обратился к председателю Ростовского исполкома областного Совета с необычной просьбой. Он просит удовлетворить ходатайство казака станицы Грушевской Черкасского округа (по современному делению — Аксайского района) В.Вострова о возвращении ему фамильного кургана и версты земли вокруг него. И то и другое пожаловали его роду в давние времена за службу Отечеству. В просьбе указывается, что на уровне сельсовета ходатайство уже было отклонено. Атаман просит рассмотреть вопрос при участии станичного круга.

Решение облисполкома пока неизвестно. Не ясно также, что будет делать со своими фамильными богатствами казак Востров в случае, если «историческая справедливость» все-таки восторжествует.

Сергей СИНЕОК

Минусинск

УЖЕ ГОЛОДАЮТ!

Вам и не снилось, дорогие москвичи, что на прилавках магазинов может быть ТАК пусто. Сибирский город Минусинск живет сейчас, как в блокаде. Каждому жителю ежемечасно положено съест:

мясопродуктов — 330 граммов,
масла животного — 230 граммов,
сахара — 700 граммов,
макаронных изделий — 100 граммов,
крупы — 230 граммов,
масла растительного — 125 граммов,
а также выпить 0,8 бутылки водки. Таков «расчет обеспечения товарами на душу населения». Согласно этому расчету, маргарина и муки «душе населения» не положено ни грамма — нет фондов.

Председатель Минусинского исполкома горсовета утверждает, что он первым выйдет на всеобщую забастовку, если Центр не увеличит пайки. Что думает по этому поводу председатель горсовета — неизвестно. Он с января не получает зарплату (нечем платить), так что, возможно, уже бастует поневоле: как прикажете управлять городом на голодный желудок?

Оксана МУХИНА

Минск

ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ, НА ТО И...

Кто сказал, что правительство Белорусской ССР никак не реагирует на многотысячные забастовки по всей республике, на «небывалый размах» рабочего движения? Еще как реагирует!

Не прошло и двух недель после принятия решения об образовании независимого белорусского профсоюза «Солидарность», как Кабинет министров вынес на суд депутатов Верховного Совета БССР проект нового закона. Название длинное и путаное: «О перераспределении полномочий между высшими государственными органами Белорусской ССР для обеспечения стабилизации социально-экономического положения при переходе к рыночной экономике». Содержание — намного прямолинейней и безыскусней. Сей перл законотворчества помимо прочих первоочередных мер предполагает:

— полный мораторий на забастовки, митинги, шествия и демонстрации (кроме приуроченных к «красным датам»);

— материальную ответственность предприятий за уклонение от заключения хозяйственных договоров и от поставок по госзаказам;

— назначение и смещение руководителей предприятий и учреждений по согласованию с союзными властями (что противоречит ранее принятой декларации о суверенитете Белоруссии).

Наконец, этот закон дает право Кабинету министров своей властью закрывать любые предприятия, независимо от форм собственности (держитесь, СП и кооператоры!).

Непонятно только, что тут общего с рыночной экономикой (см. название закона).

Владимир ПАНАДА

Орловская область

«ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА» — СНОВА В ЦЕНЕ

«Ливны — не только гармониями дивны». В этом городке в 1871 году родился философ православного богослужения Сергей Булгаков. Сергея Николаевича прекрасно помнят в Париже, где с 1925 по 1944 год он был профессором русского Богословского института, а также чтят во всем христианском мире. Только вот на родине незаслуженно забыли.

Для того чтобы восполнить сей досадный пробел, создано недавно Воронежско-Ливнинское общество друзей С.Булгакова. Но самое интересное заключается в том, что создал и руководит этим обществом Александр Иванович Демьянов, который в свое время поменял службу в церкви на преподавание марксистско-ленинской науки — атеизма в университете. Сейчас, с приходом новых веяний и мод, он разработал для студентов курс религиозной философии, взялся возродить на Руси идеи С.Н.Булгакова. Вот уж действительно — неисповедимы пути господни...

Александр МАХОВ

Осколки собирал Кирилл
РЫБАК
Рисовал В. Иванов
Наш телефон: 921-52-78

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ ПРИВАТИЗАЦИИ

фото Л. Ковалева

Кризис нашего общества дал все-таки положительный результат — существенное изменение общественного сознания в отношении к частной собственности на средства производства. Все большее число людей осознает, что в государственной собственности генетически predeterminedена ее неэффективность. Суть изъяна — ее обезличенность.

Преодолеть этот генетический порок призвана приватизация, которая состоит в приобретении физическими и негосударственными юридическими лицами прав собственности на средства производства у государства. Изначально встает вопрос о возмездном или безвозмездном характере этого приобретения. Привлекательно предложение разделить государственную собственность поровну между всеми гражданами, поскольку эта собственность создана именно их трудом.

Против такого предложения, по крайней мере, два возражения. Первое: вряд ли можно обеспечить действительно справедливое распределение собственности между гражданами из-за неравного их вклада в совокупное общественное богатство. И второе: государственная собственность весьма неравноценна — у одних современные цеха, у других — физические изношенные фонды; одни выпускают дефицитную продукцию, другие — фактически никому не нужную.

Понятно, основная цель приватизации, чтобы государственная собственность попала в руки тех, кто ею лучше распорядится. А этого можно ожидать только от нового класса собственников, которые, рискуя своим имуществом, выигрывают в наибольшей степени от удачного ведения дел. Есть, правда, схема безвозмездной приватизации, которая сводится к передаче государственного имущества в собственность трудового коллектива. Она была в свое время широко реализована в Югославии. И за долгие годы выяснились основные недостатки групповой собственности — ее обезличенность, стремление у «владельцев» ее «проесть», пустив все доходы на личное потребление, отсутствие стимулов к развитию производства.

По мнению одного из основателей «Солидарности», польского экономиста доктора Кароля Модзалевского, превращение трудовых кол-

лективов в собственников своих предприятий путем бесплатного распределения акций всегда будет иметь самые отрицательные последствия. Известно, что в развитых странах основная задача акционирования — привлечение дополнительных финансовых ресурсов для расширения и совершенствования производства. В нашем же случае предприятие не получит средств, необходимых для его модернизации.

Владение акциями, особенно низкорентабельных предприятий, само по себе ничего не изменит и в материальном положении трудящихся. Больше того, если не меняются условия производства, приходится предусмотреть снижение зарплаты, чтобы иметь возможность хоть что-то выплачивать в виде дивидендов.

Поскольку во всем этом нет здравого смысла, понятно, что значительная часть акций превратится в красивые бумажки. В результате новоявленные «капиталисты» начнут избавляться от них, курс резко упадет, и перспективы инвестиций в промышленность еще более ухудшатся.

Наиболее приемлема и оправдана не безвозмездная передача, а продажа государственной собственности частным и коллективным собственникам, последним с известной оговоркой. Суть ее — в бесплодности преобразований, в результате которых акции одного государственного предприятия покупаются таким же государственным предприятием. Венгерский экономист Я.Корнай в известной у нас книге «Путь к свободной экономике» пишет: «Превращение фирмы в акционерную компанию достигает своей цели постольку, поскольку эта фирма реально переходит в частную собственность. От перекладывания акций из одного государственного кармана в другой вреда, может, и никакого, но и пользы не больше».

В свое время с подачи комиссии по экономической реформе права гражданства получил термин «разгосударствление». Это филологическое нововведение обозначало не что иное, как фактическое разграбление государственной собственности. Спешно, ускоренными темпами традиционные государственные структуры переводятся в негосударственные акционерные общества, ассоциации, концер-

ны и т.п. при бесплатном наделении их правом собственников бывшего государственного имущества. По нормам цивилизованного общества такое действие классифицируется как мародерство.

Кстати, даже приобретение объектов государственной собственности на средства общественных и иных некоммерческих по своей сути организаций, а также коммерциализация деятельности самих этих общественных организаций (появление коммерческих счетов в коммерческих банках!) — явления того же ряда. Под лозунгом «разгосударствления» идет укрепление пошатнувшейся власти партийно-государственного аппарата: создание «номенклатурных» фирм должно дать ему материализованные преимущества в условиях рыночной экономики.

Защита экономического суверенитета России требует отмены всех подзаконных актов, направленных на растаскивание общественного достояния. Государственная собственность на территории РСФСР может перестать быть таковой только в том случае, если приобретена на личные средства граждан (в том числе иностранных), зарубежных фирм, а также негосударственных юридических лиц СССР. Напомню, что программа «500 дней» как раз предусматривала возмездную форму приватизации, продажу государственного имущества в частную и коллективную собственность. Лишь небольшое число — не более 10% акций каждого приватизируемого предприятия намечалось передавать или продавать на льготных условиях членам трудового коллектива. Во вновь разработанной Совмином РСФСР Программе стабилизации экономики и перехода к рыночным отношениям суть приватизации, увы, меняется не в лучшую сторону: «... приватизация определенной части крупной промышленности является непременным условием преодоления кризиса и стабилизации ситуации в экономике, эта мера Правительства будет реализована в 1991—1992 годах. При этом соответствующие комитеты государственной собственности вместе с представителями предприятий, министерств и местных властей проводят акционирование основных фондов по их балансовой стоимости. Правительство считает необходимым 30% акций бесплатно передать трудовым коллективам и

пенсионерам данного предприятия, а остальной пакет акций предложить к выкупу трудовым коллективам со скидкой 30%. При этом в качестве платежных средств, наряду с деньгами и ценными бумагами Госбанка СССР и Центрального банка России, граждане РСФСР могут использовать именные расчетные чеки. Указанными чеками перед началом приватизации должен быть наделен каждый из 150 миллионов граждан республики. Остальные акции поступят в свободную продажу, в том числе и на аукционах. Во всех случаях контрольные пакеты акций получают трудовые коллективы, что исключает скупку госимущества лицами, нажившими крупные состояния нечестным путем».

Можно понять авторов этого документа: с той поры, как разрабатывалась программа «500 дней», ситуация изменилась кардинально. После 2 апреля для подавляющей части населения республики, да и всей страны актуальным стал вопрос физического выживания, а не использования своих сбережений. Грабительское повышение цен в самое ближайшее время приведет практически к их полному исчезновению. Впрочем, разработчики концепции приватизации должны руководствоваться все-таки знанием существа дела, а не эмоциями, сколь бы оправданными они ни были.

Попробуем представить себе конечный результат затеи с безвозмездной приватизацией. Для примера возьмем «флагман», как его недавно величали, московской промышленности — объединение «АвтоЗИЛ». Численность занятых на нем, включая филиалы, — около 100 тысяч человек. Стоимость основных фондов, подлежащих выкупу, — 10 миллиардов рублей. Согласно указанному решению Совмина России 30% акций на сумму 3 миллиарда будет передано коллективу бесплатно.

Теперь напомним, что каждый работник ЗИЛа (впрочем, как и каждый житель республики, включая грудных младенцев, получит перед началом приватизации 7 тыс. рублей). Обменять эти чеки на «живые» деньги, вопреки утверждению академика О. Богомолова, будет невозможно. И работники ЗИЛа, скорее всего, будут использовать их для приобретения акций своего предприятия, так как при этом им обеспечена 30-процентная скидка. В итоге персонал ЗИЛа, имея чеки на

общую сумму 700 миллионов рублей (7000 x 10000), сможет приобрести акции на миллиард — помните, льготная скидка в 30%. Итого, «хозяева предприятия» будут владеть «капиталом» в 4 миллиарда, или 40 процентами его общей стоимости. Если даже подключить к делу домохозяек и использовать их чеки для выкупа акций ЗИЛа (тратить на эти цели личные отложенные гроши вряд ли кто решится), то труженики объединения смогут приобрести в итоге более 50% всех акций, обеспечив тем самым владение контрольным пакетом.

Что дальше? В результате проведенного акционирования и приватизации объединения на его расчетном счете не появится ни одного дополнительного рубля, так как за акции работники расплачиваются чеками. Проводить модернизацию производства объединению не на что. Новоявленные акционеры также ничего не приобретут, став «капиталистами». АвтоЗИЛ находится в критическом финансовом положении, даже ежемесячная зарплата задерживается из-за отсутствия средств, так что мечтать о какой-либо выплате дивидендов по акциям не приходится.

Мне могут возразить: я игнорирую новое качественное состояние, приобретенное трудящимися. Отныне они не наемные работники, а хозяева своего производства. Теперь они будут нанимать администрацию, в том числе и генерального директора. И, действительно, могут! Представьте себе только, как общее собрание акционеров в 100 тысяч человек собралось на стадионе в Лужниках и пытается решить свои проблемы на таком «форуме»...

Ладно, ЗИЛ, конечно, случай исключительный. Ну, пусть будет 5 тысяч акционеров, пусть, наконец, 100 человек — малое предприятие, реально ли достижение согласия по любому вопросу при таком числе абсолютно непохожих людей, когда каждый из них владеет примерно равным количеством акций (одна акция — один голос)?

Еще раз сошлюсь на Я. Корнаи, предварительно заметив, что речь идет исключительно о возмездной приватизации, то есть о продаже акций: «Пусть капитал государственной фирмы состоит из 10 тысяч акций. В нынешних условиях было бы далеко не лучшим решением раздать их десяти тысячам держателей. В этом случае обезличенная

государственная собственность будет заменена частной, но столь же обезличенной. Желательно было бы, чтобы существенная часть акций — 20—30% — досталась индивидуальному владельцу или группе владельцев, которые таким образом получили бы решающий голос при назначении управляющих и контроля за их деятельностью. Я убежден, что превращать фирму в акционерное общество или передавать в частные руки... можно лишь тогда, когда появится такой потенциальный владелец или группа владельцев. После того как он появится и, приобретая достаточно большую долю акций, обнаружил готовность принять на себя серьезный риск, остальные можно продавать анонимным держателям. Если порядок будет обратным, то есть сперва акции будут распроданы по крохе всем и каждому, а затем мы станем ждать, когда же появится кто-то, кто заставит считаться с собой в делах управления, трудно будет рассчитывать на какой-то успех».

В который раз задаюсь вопросом: ну почему у себя в России мы все делаем не по-людски, с извращениями, прокладывая по буеракам свой «особый» путь? И потому схему приватизации, разработанную в рамках «Программы стабилизации экономики и перехода к рыночным отношениям в РСФСР», можно занести в Книгу рекордов Гиннеса как феноменальную глупость. Выражаюсь резко лишь потому, что, подобно многим гражданам нашей республики, единственную надежду на выход из кризиса возлагаю на российский парламент, его главу и правительство России.

Итак, выводы. Во-первых, приватизация — необходимое условие не просто оздоровления экономики, но и физического выживания и сохранения нас как нации. Во-вторых, безвозмездная «приватизация» не только бесполезна, но и вредна, вызывает злоупотребления, и, в результате несбывшихся надежд, разочарования и подавляющей части населения. Наконец, третье: на нормальную возмездную приватизацию у населения нет денег. Такой вот замкнутый круг. Возможно ли его разорвать? Это — другая тема.

Владимир КОСЕНКО,
кандидат экономических наук

ИЗМЕРЯЙТЕ ВОРОВСТВО В «ГЕОРГАДЗАХ»

Один ом, два ньютона, три рентгена... Эти наборы физических единиц для измерения сопротивления проводника силы, интенсивности излучения и т.д., названные именами великих ученых, зубрят школьники, их используют инженеры и техники, без них невозможен прогресс. Но уголовный мир до сих пор мучается без единицы измерения, и на профессиональный вопрос о том, кто сколько наворовал, награбил и т.д., специалисты вынуждены перечислять длинные списки товаров.

А когда речь идет о воровстве министров, членов ЦК КПСС или членов Политбюро — Прокуратура СССР вообще предпочитает симулировать отсутствие органов чувств и как бы не видит, и не слышит, и не знает, как оценивать происходящее. Наверное, поэтому данные о размерах украденного руководителями страны и партии содержатся в глубокой тайне, как государственные и военные секреты. Между тем ориентация на опыт партийно-правительственного руководства СССР может упростить неизбежные взаимные расчеты в мафиозных структурах путем введения научно обоснованной единицы измерения воровства.

В последнее время появилась информация об одном сравнительно малоизвестном партийно-правительственном чиновнике — Секретаре Президиума Верховного Сове-

та СССР М.Георгадзе, подпись которого красуется под многочисленными указами о сотнях тысяч правительственных наград.

«Досье 02». — ежемесячник Алтайского крайисполкома и краевой организации Союза журналистов СССР сообщил, что в подвалах личного многобашенного дворца М.Георгадзе были обнаружены сейфы с драгоценными перстнями, серьгами, кольцами, кулонами, ожерельями, а также 8 килограммов бриллиантов и алмазов, 100 золотых слитков, 40 миллионов рублей и 2 миллиона денег в иностранной валюте. Здесь же хранились бесценные сокровища, похищенные из запасников Московского Кремля, Эрмитажа и Исторического музея — полотна Леонардо да Винчи (!), Рубенса, Ван Дейка, Айвазовского... Список длинный, но неясно, много это или мало.

Давайте прикинем, какова конкретная сумма награбленного этим уважаемым джентльменом, который всегда так тепло поздравлял и даже руки жал новоиспеченным кавалерам ордена Ленина, Героям Советского Союза, Героям Социалистического Труда и др.

Бриллианты и алмазы — 8 кило, или 40 тыс. карат, по 15000 за карат — 640 млн.рублей; 100 слитков золота чистоты 99,99 по 8 килограммов в слитке по цене 250 рублей за грамм — 200 млн.рублей. Картины — не менее 70—100 млн. долла-

ров плюс мелочь — 40 млн. сов. знаков, 2 млн. в валюте, драгоценности в сейфах, дворец, парк, машины и проч. — набегают сумма украденного у народа СССР его «служгой» — не менее трех миллиардов рублей. После павловской реформы эти сокровища, вероятно, стоили бы 5—6 миллиардов!

Сумма украденного Георгадзе удобна для наших расчетов тем, что это — типовой среднестатистический чиновник высокого ранга. Этот уровень можно взять в качестве усредненного эталона для советского партюкара из государственной элиты. Три миллиарда рублей, украденных из государственной казны, целесообразно считать единицей воровства и назвать **одним георгадзе**. Как принято в физике, тысячная доля от этого количества, т.е. украденные три миллиона, составит **один миллигеоргадзе**, мелкое хищение на три тысячи — **один микрогеоргадзе**.

Удобства от такой операции трудно переоценить. Например, наиболее распространенный в наше время тип хищения на 30—60 тыс.рублей соответствует 10—20 микрогеоргадзе, фиксируя «нормальный фон» нашей преступности. Интересно, что нормальный фон радиоактивного излучения нашей планеты тоже составляет 10—20 микрорентген. Случайно ли такое совпадение? Может быть, здесь проявляется новый закон развития наше-

го общества взамен утративших силу законов марксизма-ленинизма?..

В то же время в районе Чернобыльской АЭС существуют зоны со смертельной радиоактивностью в 2—3 рентгена. Данные по эталонной «дозе», полученной малозначимым средним чиновником в руководстве СССР, позволяют сделать закономерный вывод, что иные руководящие работники, занимавшие значительно более высокие посты, могли, по меткому выражению атомщиков, «схватить» дозу в 2—3 и более георгадзе.

Что такое один георгадзе? Это ежегодная сумма расходов, выделяемая из бюджета СССР на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы (миллионы людей, площадь трех Болгарий). Это стоимость домов для всех офицеров Советской Армии, размещавшихся в Германии. Это новая шоссейная дорога от Москвы до Симферополя... Да и весь бюджет СССР — это всего лишь 200 георгадзе. А ведь высокопоставленных чиновников у нас значительно больше двухсот... Может быть, проступает новая статья дохода — разработка золотых копей, но только не легендарного царя Соломона, а вполне конкретных «героев вчерашних дней»? Возможно, что не один годовой бюджет СССР хранится в особняках и квартирах нашей партократии... Нет сомнений, что информация такого рода давно собрана и хранится в соответствующих досье. Хотелось бы, чтобы доза в один георгадзе по воздействию на вора соответствовала бы дозе в один рентген, т.е. чтобы она была смертельной для схвативших ее.

Понятно, что украсть тонну золота, ведро бриллиантов, сокровища Эрмитажа и Оружейной палаты на сумму, соответствующую годовому бюджету небольшой союзной республики, в одиночку совершенно невозможно. Один георгадзе невозможно набрать без блестяще отлаженной, идеально приспособленной и довольно сложной системы воровства. Она существует и сейчас, но глубоко законспирирована и лишь иногда, случайно, среди океана нищего и оболваненного народа, всплывает крохотный край гигантского айсберга — системы мафиозной партократии, созданной настоящими хозяевами СССР.

Александр ПОРТНОВ

СВОБОДА — ЭТО КОГДА НЕЧЕГО БОЛЬШЕ ТЕРЯТЬ

Этих людей не понимают и, может быть, завидуют им. Например, тому, что они живут любимым делом. И непонятно, как это можно — выйти на улицу, поставить перед собой шляпу (банку, пакет из-под молока, гитарный чехол) и играть или петь, игнорируя идиотские реплики, собравшуюся толпу или, наоборот, полное отсутствие внимания. И не оскорбляться, что «бумажки» в шляпу (банку, пакет, чехол) опускаются довольно редко, в основном — унижительная медь. Может даже показаться, что шляпа с мелочью перед уличным музыкантом — просто потому, что такова традиция, а сколько там в конце дня наберется — совсем не важно. Музыканты и не смотрят на обильные медяки и скудные «трешки». И это, опять же, озадачивает слушателя.

Уличная музыка хороша тем, что она ненавязчива — если, конечно, дождь не загонит вас под одно укрытие с каким-нибудь гитаристом, а последний решит не терять напрасно времени. Уличная музыка ненавязчива и в большинстве своем приятна. Она улучшает настроение. И так как человек ко всему хорошему привыкает быстро, уличные музыканты почти сразу перестали быть для нас экзотикой и их проблемы как-то просто перестали занимать. Чего он, собственно, вышел на улицу? А кто ж его знает?

А вышел он на улицу не от хорошей жизни. Но — по порядку.

ВСЕ ЭТОТ ДЖАЗ

Не будем изнурять читателя экскурсами в историю, рассказами о скоморохах, шарманщиках и бременских музыкантах. Не станем также вспоминать о первых парнях на деревне и трудных подростках с гитарами в подворотнях. Начнем с перестройки. Они появились примерно в одно время: ветер перемен и более-менее грамотные уличные музыканты, которые, как всякое проявление раскрепощенности, в «совке» были чужими.

Если говорить о джазе, то по Москве задолго до открытия Арбата ходил дуэт: банджист Андрей Родионов (сейчас работает в Швеции) и саксофонист-сопранист Виктор Алексеев (эмигрировал в Израиль). Они были первыми, они выходили на Пушкинскую площадь и играли шарахающейся толпе хороший джаз.

Ну, конечно, не все шарахались, многие слушали, аплодировали и платили. Родионов с Алексеевым регулярно «винтила» милиция. В отделе им устраивали «разборки», били лица и портили настроение, а также обвиняли в нарушении общественного порядка и вымогательстве. Кстати, уличных музыкантов представители власти только недавно перестали подозревать в вымогательстве.

Скорбный труд тех первых бедолаг не пропал даром (надо полагать, сейчас в Стокгольме или в Тель-Авиве они уже забыли ночную холодную «Пушку» как страшный сон). Родионов с Алексеевым «разбудили» — таки остальных джазистов, которые стали играть в Измайлове и на Арбате. Сейчас в Москве несколько профессиональных уличных диксилендов. Джазисты — «верхуш-

ка» и элита уличных музыкантов: чтобы джаз слушали, его надо уметь играть, а в хорошем исполнении джаз универсален, слушают его все и — соответственно — платят. Поэтому джазисты особо не бедствуют. В крайнем случае, если «прижмет», можно сыграть «попсятину» — червонцы так и посыпятся. Уличные дискилэнды — как бы даже не совсем уличные: их приглашают на всякие фестивали, снимают в кино. Арбатские джазисты (некоторые из них в свое время выступали у Олега Лундстрема) уже ездили играть в Испанию и Голландию — устраивалось все это на уровне личных контактов. «Цумовский» дискилэнд дирекция универсама питает электричеством, участковый милиционер подходит к ребятам покалякать. Джазисты могут в разгар сезона уйти в «отпуск» отдохнуть, съездить куда-нибудь или устроить «мальчишник», дискилэнд это время поиграет без гитары или тромбона. Да, коллектив — это сила.

ИЩУ ЗОЛОТУЮ КЛЕТКУ

Музыканты, зарабатывающие меньше (имеются в виду те, которые живут исключительно уличным музицированием), такие перерывы могут себе позволить только по «техническим причинам»: когда голос сорвет или что-нибудь случится с инструментом. Не знаю почему, но многие из них многодетны, как цыгане. Это бедные люди, которым надо кормить орду детей, поэтому они поют и играют больше любого работника филармонии, по пять-шесть часов в день. Обычного человека такой способ заработать доконал бы через неделю. В основном на улице выходят безработные музыканты. Но безработные по разным причинам: одних куда-то не взяли, другие сами не пошли туда, где им платили бы еще меньше, чем на улице, но при этом приставали с дурацкими требованиями.

Обычно слушателя интересует: не стесняется ли человек музицировать на улице? Отвечаю: не стесняется — или стеснялся лишь первое время. Дело в том — и это можно сказать о всех без исключения уличных музыкантах, — что они себя весьма высоко ценят. Точно так же все без исключения не называют сумму своего заработка, называя это коммерческой тайной. Каждый «казспэзник» считает себя вторым Окуджавой, каждый певец уверен, что его место — в «Ла Скала». В пе-

реходе я встретила старичка с виолончелью, он представился Аполлиналием Федотовичем Черноусовым. Аполлиналию Федотовичу, по его словам, «нечего жрать», он спит на вокзалах (благо, их много), а инструмент сдает в камеру хранения (за деньги, с надрывом уточнил он). Однако Аполлиналий Федотович готов посоревноваться со всеми виолончелистами страны и даже с Ростроповичем (тут он агрессивно взмахнул смычком).

Эти люди не хотят понять, что, если бы на самом деле было так или почти так, они бы давно не сидели на улице, а получили денежное и престижное место, вылечились, оделись и накормили детей деликатесами. Может быть, эта «мания величия» помогает им свободно существовать: а они обладают самым популярным у нас видом свободы — когда человеку уже нечего терять.

«Свободнее» всех — музыканты-«люмпены»: старички с гармошками, в большинстве своем бомжи (разновидность — вышеупомянутый Аполлиналий Федотович). Они сидят в переходах, обнажив протезы, и наяривают на своих гармошках что-нибудь душераздирающее. Они с радостью исполнят вам «Мурку» и все что захотите, не гнушаясь недостойным репертуаром. Они не делят музыку на «элитарную» и «массовую» или «хулиганскую», потому что им нравится любая музыка. Без гармошки такой старичок как две капли похож на сидящего напротив нищего, но гармошка его принципиально отличает, потому что свои копейки он зарабатывает, а не выпрашивает — и страшно этим горд. Лучшее вознаграждение — бутылка «сухача», выпив которую музыкант засыпает прямо на рабочем месте, положив под голову инструмент...

В последнее время среди уличных музыкантов стали встречаться дети типа девочек ангельского вида с дудочками, которые после каждого произведения делают реверанс, или мальчиков вида прямо противоположного с аккордеонами. Женщины при таком зрелище болезненно улыбаются, мужчины суровеют — все платят. Есть в этом что-то странное и ненормальное. То есть умом понимаешь, что «все путем», ребенок зарабатывает, но, как говорится, сердцем...

Для полноты картины надо бы написать о подростках, хором и плохо исполняющих Цоя, но ужасно не хочется. Это не уличные музыканты,

они не живут музыкой, просто вышли выпендриваться, а заодно собрать на пиво.

ПО-АРБАТСКИ

Музыкантов всех жизненных уровней (степеней «свободы») и жанров можно встретить на Арбате. Здесь существует своя, не очень богатая, история московской уличной музыки. Когда Арбат открыли, это, по воспоминаниям «старых» музыкантов, было чудное время: прекрасные музыканты играли прекрасные песни, а им внимали прекрасные слушатели. Даже художники раньше были лучше — мечтательно закатывали глаза музыканты-«аксакалы». И никто никого не трогал! Но потом разразился известный скандал по поводу шума на Арбате: жителям невозможно было спать и вообще жить, и тогда вышло постановление запретить шум и песни, музыкантов стали гонять (их подобный романтизм только вдохновлял), а потом оставили в покое. Но зато неумолимо стали развиваться рыночные отношения, и на Арбате в геометрической прогрессии росло число столиков с долларовыми матрешками. А «матрешечники» — ребята крутые, они готовы стоять насмерть за каждую пядь улицы Арбат, за каждый квадратный сантиметр карниза, на который можно поставить товар. Началась «холодная война»: «матрешечники» отгоняли музыкантов от стен, выдворяли из-под арок и вообще не давали спокойно работать. Так продолжается и по сей день. Плюс ко всему работать стало страшно: некоторые богато и со вкусом одетые «чуваки» (не пьяные!) заимели привычку подходить с претензиями типа: «Пошел вон, ты нас нервируешь» — и в морду. Ну и еще после павловских штук слушатели стали намного меньше платить.

И тем не менее уличные музыканты были, есть и будут.

Меньше всего музыканты думают о том, что они «представители субкультуры», что они — «веяние Запада», единственное, наверное, из всех западных новшество, которое сразу у нас прижилось и ничем не отличается от оригинала. Потому что уличные музыканты везде почти одинаково бедны, почти одинаково свободны и одинаково самолюбивы. Больше всего их заботит, чтобы их не приняли за нищих. И очень хочется хотя бы несколько дней не думать, на что жить.

Елена АВЕРИНА

КУПЛЮ КВАРТИРУ. НО КАК?

Многие уже поняли, что если они квартиру не купят, то ее у них не будет никогда. Ждать от государства? От предприятия? Кто-то, думаю, резонно предпочтет другое: залезть в долги или, проявив чудеса находчивости, стать гастарбайтером и заработать в «краю, где нет ни бурь, ни битвы», доллары, марки, франки. Для этих людей вопрос «на что купить» сменится не менее каверзным (при нашей общей правовой безграмотности) вопросом «как купить». С этим вопросом и обращаются люди в независимую юридическую фирму «Легис», помогающую клиентам подготовить документы, необходимые для заключения сделки отчуждения — купли-продажи или дарения — квартиры.

«Легис» существует с июня 1988 года, специализируется на сделках с недвижимостью, бизнес-праве, корпоративном праве; в октябре 1990 года «Легис» вступил — первым в СССР — в Interlaw — международную ассоциацию юридических фирм, специализирующихся на бизнесе. Контактный телефон фирмы — 186-23-10. «Коммерсантъ» уже писал о «Легисе» (№ 47) как о фирме, оформляющей сделки дарения. На самом деле «Легис» на это права не имеет и этим не занимается; его задача — дать юридическое обеспечение подобных сделок. «Просветить» потенциальных «продавцов» и покупателей квартир я попросила президента фирмы адвоката Бориса МЕГРЕЛИШВИЛИ.

— Каково первое и необходимое условие, при котором возможна продажа или дарение квартиры?

— Прежде всего квартира должна быть собственностью того, кто хочет ее продать. Это может быть квартира «приватизированная», прежде бывшая жэковской, или квартира, выкупленная у предприятия, которому принадлежит дом, или квартира в доме ЖСК, за которую полностью выплачен пай. Мы советуем клиентам, желающим продать кооперативную квартиру, прежде чем вносить оставшуюся часть пая, получить справку о том, какова у него задолженность. Если он недоплатил хотя бы одну копейку, то он не является собственником и акт передачи собственности может быть оспорен. Если кооператив выдал справку, в которой указана задолженность, и человек внес именно

эту сумму, то квартира становится его собственностью уже в тот момент, когда он получил в сберкассе квитанцию об уплате. На основании справки ЖСК о выплате пая Бюро технической инвентаризации выдает регистрационное свидетельство о праве собственности на квартиру.

— Для продажи московской квартиры «продавец» должен быть собственником. А покупатель должен быть москвичом?

— Совершенно необязательно. Здесь мы сталкиваемся с очень сложным — хотя и совершенно ясным с юридической точки зрения — вопросом. По существующему стереотипу московская прописка — такая же «твердыня», какой была 6-я статья Конституции о руководящей роли КПСС. Это какой-то фетиш: вот этого нельзя трогать, это «святое». Между тем по закону квартира может быть отчуждена в пользу лица, не имеющего московской прописки, и даже в пользу лица, не являющегося гражданином СССР.

— Чьи права будут нарушены, если в нотариальной конторе будет отказано в удостоверении подобной сделки?

— Если это произойдет, будут нарушены права обеих сторон. Посмотрим с позиции нынешнего собственника, т.е. «продавца». В законах о собственности — и союзном, и российском — однозначно сказано, что собственник по своему усмотрению владеет, пользуется и распоряжается своей собственностью. В Гражданском кодексе 1964 года было сказано, что собственник осуществляет свои правомочия пользования, владения и распоряжения в пределах и в порядке, установленных законом. Сейчас Закон СССР «О собственности в СССР» и Закон РСФСР «О собственности в РСФСР» дали собственнику право распорядиться своей собственностью по своему усмотрению. Это означает, что он может продать или подарить свою квартиру неопределенно широкому кругу лиц. Его право — отдать ее гражданину, живущему в Москве, или гражданину, живущему во Владивостоке. Закон абсолютно ни в чем права собственности не ограничивает.

Есть лишь одно исключение: осуществление собственником своего права продать квартиру не должно противоречить правам других граждан, общественной безопасности и

другим подобным вещам. И нужно еще доказать, что проживание гражданина из Владивостока в Москве угрожает общественной и государственной безопасности.

Теперь рассмотрим права иногороднего покупателя квартиры. По Конституции он равен перед законом — перед законом, а не перед каким-то положением о прописке или решением Моссовета — с любыми другими гражданами СССР, не только независимо от пола, расы, вероисповедания, но и независимо от места жительства. Если москвич имеет право купить квартиру в Москве, то такое же право имеет и иногородний. И ограничить его в этом праве — значит ограничить его равенство с имеющим московскую прописку. Никаких подобных ограничений закон не содержит.

Моссовет стремится к тому, чтобы Москва «не разрасталась», и в вопросе о прописке пока держит свою линию. Можно понять, почему он это делает. Но есть закон, и есть прагматические соображения, и я берусь доказать, что ни с точки зрения закона, ни с точки зрения целесообразности и здравого смысла позиция Моссовета несостоятельна.

Она незаконна потому, что Комитет конституционного надзора 26 октября 1990 года прямо признал, что прописка приемлема с конституционной точки зрения лишь как регистрация граждан по месту жительства — как простой регистрационный акт. Не более того. Но неприемлемо требовать от граждан разрешения, даваемого органами внутренних дел или любыми другими государственными органами, на проживание где-либо. Гражданин может приехать в доставшуюся ему по наследству или по купчей квартиру, поселиться и лишь тогда уведомить паспортный стол: «Имейте в виду, я здесь живу — здесь я буду получать талоны на сахар».

— «Коммерсантъ» писал о том, что, по имеющимся у него сведениям, юристы московских нотариальных контор получили устные распоряжения не оформлять акты, вследствие которых московские квартиры поступают в собственность иногородних. Что стороны должны делать, если в удостоверении сделки им будет отказано на том основании, что у приобретающего квартиру прописка не московская и не ближняя подмосковная?

— Весьма возможно, что нотариус откажется удостоверить подобную сделку. Скорее всего, он скажет, что требуется какое-то разрешение исполкома на отчуждение жилья. Это требование незаконно, поскольку, повторяю, в законе о собственности сказано, что собственник распоряжается своей собственностью по своему усмотрению, а не по разрешению кого бы то ни было. Продавец в такой ситуации должен потребовать письменное постановление об отказе в удостоверении сделки и, получив его, обратиться в суд с жалобой на действия нотариуса в течение 10 дней. Естественно, лучше всего, если жалобу ему в суд будет составлять адвокат. Суд должен обязать нотариуса удостоверить такую сделку. Уже есть прецеденты, когда суд выносил такое решение.

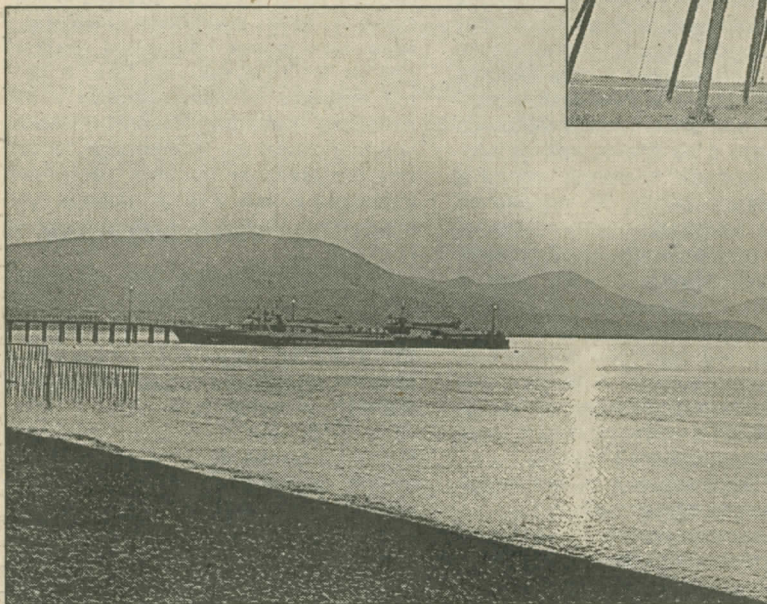
— Сколько сейчас стоит квартира в Москве, по вашим сведениям?

— «Легис» занимается лишь юридическими аспектами таких сделок, а не маклерством; но я могу ответить на этот вопрос. Сейчас очень редко продают квартиру за рубли, хотя есть и такие случаи. Причем за рубли продавали квартиру люди, эмигрирующие из страны. В основном квартиры продаются за твердую валюту, и цены сейчас очень высокие. Но если Моссовет, как обещал Станкевич, решит проблему приватизации жилья и значительная часть квартир будет приватизирована, то, как я думаю, предложение резко увеличится, соответственно будет больше предложений продать квартиру за рубли. Цены тогда могут снизиться. Но пока такое утверждение выглядит слишком смелым.

Надо сказать, что цены явно не так высоки, как об этом пишет «Коммерсантъ». Боюсь, газету кто-то дезинформирует — вероятнее всего, маклеры, заинтересованные в «подбивании» цен. Многие в определении цены зависят от метража и от района, а также от того, насколько спешит покупатель или продавец, но тем не менее из имеющейся информации можно вывести средние цифры. Трехкомнатная квартира стоит 10—15 тысяч долларов, двухкомнатная — 5—9 тысяч, однокомнатная — 3—6 тысяч.

Елена БЕРДНИКОВА

КУРОРТНАЯ ВОЙНА

**ПУТЕВКИ ЦЕНТРА
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ,**
заявил корреспонденту «Столицы»
председатель Грузинского респуб-
ликанского совета по управлению
курортами профсоюзов
Нодари ШАРАШЕНИДЗЕ

— Началась пусть пока не очень ощутимая, но курортная война Грузии с Центром или Центра с Грузией, — считает Нодари Шарашенидзе, председатель Грузинского республиканского совета по управлению курортами профсоюзов. — Уже разработан проект Закона о национализации всех объектов, расположенных на нашей территории. По видимому, до конца года он будет ратифицирован. Если многие республики вполне трезво и с пониманием восприняли наши намерения, то Центр по-прежнему пытается сохранить отживший диктаторский стиль работы. Обычно все бланки путевок печатались в Москве и здесь же, без учета наших потребностей, распространялись по союзным республикам. В этом году обе функции мы взяли себе осуществлять самостоятельно. Когда бланки были отпечатаны, выяснилось, что Центр при поддержке отдельных должностных лиц Абхазии распространяет по Союзу путевки в несколько домов отдыха автономной республики. Подобный акт можно расценивать как провокационный, направленный на очередное нагне-

Для многих Грузия ассоциируется лишь с сотнями километров курортной зоны Черноморского побережья. В этом есть определенный резон. Ежегодно сотни тысяч организованных отдыхающих и «дикарей» разношерстным потоком заполняют десятки престижнейших домов отдыха и сотен менее комфортабельных пансионатов. Когда же руководство республики поднимало перед Центром вопрос об увеличении числа путевок, выделяемых на Грузию, то получало шуточный ответ: мол, зачем вам, когда и так живете на курорте. Последние события в республике в корне изменили ситуацию. Отныне все курортные объекты, расположенные на ее территории, объявлены собственностью Грузии. Это значит, что курортная база объектов в одночасье увеличилась вдвое, а могущественные министерства внутренних дел, обороны, КГБ, ЦК КПСС и ряд крупных промышленных предприятий союзного значения остались без с размахом отстроенных домов отдыха.

тание отношений между Грузией и Абхазией, создание ненормальной ситуации для отдыхающих, когда их окажется в два раза больше, чем может принять тот или иной дом отдыха. С полной ответственностью заявляю — путевки Центра недействительны. Отдыхающие не будут приниматься по ним.

— Говорят, руководство республики намерено превратить курорты Грузии в места отдыха только для грузин. Так ли это?

— Обычно от общего числа путевок для нужд Грузии выделялось всего четыре процента. Хотя реально требовалось не меньше 15—20 процентов. Сегодня же мы планируем полностью удовлетворить потребности населения республики, а оставшиеся 80—85 процентов путевок предполагаем самостоятельно реализовать по горизонтальным прямым связям с другими республиками. Так что курорты Грузии для грузин — это очередная провокация, которая, не исключая, инспирирована Центром и нашими противниками.

Недавно одно из крупных предприятий Ленинграда завершило строительство пансионата в Кобулету. Затратило на него три миллиона рублей. После переговоров мы оплатили ленинградцам три миллиона и договорились о выделении им путевок в дома отдыха, санатории, пансионаты Грузии. Аналогичные переговоры ведутся с другими республиками, имеющими базы отдыха на нашей территории.

— Позволит ли экономическое положение Грузии выкупить все базы отдыха по таким ценам?

— Дело в том, что многие из объектов находятся в эксплуатации более пятнадцати лет. Они нуждаются в постоянном ремонте и потому платить нам сегодня за них придется не так уж много. А в отдельных случаях мы вправе требовать компенсацию за нанесенный экологический ущерб, за потери от неиспользования земельных угодий в сельском хозяйстве. Так что еще неизвестно, кто кому в конце концов будет платить.

— В Мюссере сейчас строится дача для президента страны. На территории республики немало и других так называемых госдач. Коснется ли их национализация или они по-прежнему останутся неприступными объектами?

— Вы говорите о даче, окрещенной в народе Раисиной? Эта дача,

на мой взгляд, самая большая несправедливость — просто насмешка над народом. В течение нескольких лет на средства из бюджета республики сооружался кардиологический санаторий. На его строительство и оснащение необходимой медицинской аппаратурой затрачено 12 миллионов рублей. Планировалось, что ежегодно он примет шесть тысяч пациентов. Но, по-видимому, природа и микроклимат Мюссеры настолько пришлись по вкусу руководству Центра, что Девятое управление КГБ СССР отобрало пансионат, переоборудовав его под жилье обслуживающего госдачу персонала. В течение двух лет по вине того же управления КГБ затягивалась передача объекта с баланса на баланс, лишь бы иметь возможность говорить о получении в пользование «старого» здания и тем самым заплата за него значительно меньшую сумму. И это в то время, как на сооружение первой очереди госдачу израсходовано почти 50 миллионов рублей. В настоящее время строительство приостановлено. По решению правительства Грузии уже в ближайшее время начнутся работы по возрождению кардиологического санатория. 140 гектаров земли возвратятся заповеднику. А госдачу решено отвести под резиденцию высокопоставленных официальных правительственных гостей Грузии.

— Что же изменилось после национализации курортов?

— Раньше все средства от реализации путевок оседали на счетах Центра. С них нам и перепладали наши крохи. Сейчас же мы становимся хозяевами, распоряжаемся средствами, решаем, где строить, на сколько мест, с кем заключать договора и на каких условиях. Появился свой валютный счет. А в этом году надеемся на приезд иностранцев, отдыхающих.

— Не случится ли так, что все мало-мальски нормальные курортные объекты перейдут на обслуживание иностранцев, а нам снова придется ломать голову — где отдохнуть?

— Во-первых, у нас не так уж и много объектов, отвечающих международным требованиям. Но каждый из них нужно максимально использовать для поступления валюты, необходимой на создание качественно новой курортной базы. Над этим уже работают и наши экономисты, и проектные конторы, и курсы повышения и переподготовки

обслуживающего персонала. Поверьте, это делается не только ради того, чтобы «выкачивать» побольше валюты, но для создания нормальных, современных условий отдыха наших граждан. Давно пора жить по меркам цивилизованного общества, и к этому мы стремимся.

— Не придется ли из-за нехватки продуктов закрывать на летний период отдельные дома отдыха, санатории, пансионаты?

— Не исключая подобного поворота событий. Есть, впрочем, выход. Если, например, Россия, или, скажем, Украина, или другие республики закупят у нас большое количество путевок, то мы вынуждены будем поставить условие о выделении из фондов этих республик необходимого количества продуктов питания для их же отдыхающих. Есть и другой вариант — сбалансировать количество путевок. Иными словами, предположим, мы принимаем 20 тысяч отдыхающих из этих республик и каждый из них в свою очередь принимает по 10 тысяч отдыхающих из Грузии.

— Но реальны ли все эти проблемы? Ведь известно, что стоимость путевок теперь такова, что вынуждены вообще отказываться многие и многие люди от мечты нормально отдохнуть.

— Действительно, рыночные отношения, отказ от дотаций на нашу сферу вынудили повысить стоимость путевок. Новые цены ударят прежде всего по тем, кто приобретает путевки за полную стоимость. Правда, 70 процентов путевок будут реализовываться не за 30 процентов, как раньше, а за 10. Посмотрите, что получается. Вы платили за сторублевую путевку около 30 рублей. Теперь же стоимость путевки равна 400 рублям, но вы платите всего 10 процентов, что составляет сорок рублей. Сохранятся и бесплатные путевки, правда, их будет очень мало.

Слухи о том, что курорты Грузии только для жителей Грузии, как видим, сильно преувеличены. Возможно, по прошествии какого-то времени курортная база республики встанет в один ряд с зарубежными. Но сейчас мы думаем только о том, как бы пережить перестройку и курортную войну.

Беседу записал Давид НИУА

Республика Грузия

Кирилл ХЕНКИН

РУССКИЕ ПРИШЛИ

«Дважды эмигрант» Кирилл Хенкин впервые покинул СССР в 1923 г. 7-летним ребенком. В Париже окончил лицей и Сорбонну, в 1937 г. добровольцем воевал в Испании, в 1941 г. вернулся в СССР. В войну служил в частях НКВД, с 1945 по 1965 г. работал переводчиком на Московском радио, с 1965 по 1968 г. — в журнале «Проблемы мира и социализма» в Праге. В 1973 г. выехал в Израиль. До 1981 г. работал на радиостанции «Свобода». Предлагаем отрывки из книги К.Хенкина «Русские пришли», вышедшей в 1984 г. в Тель-Авиве.

ОДИН КРИТЯНИН СКАЗАЛ...

Неужели, скажут мне, вы ведете разговор к тому, что третья волна эмиграции принесла много уголовников и советских агентов? Или что приехавшие уголовники, честно занимаясь своими уголовными делами, фактически трудятся на Москву?

Второе особенно раздражает, ибо многие, даже не обязательно интеллектуальные дистрофики, любят считать, что в СССР уголовная деятельность тоже была формой протеста и инакомыслия.

И вообще нечего бросать тень на третью эмиграцию!

За то, что я печатно высказал элементарную мысль, а именно: советское общество насквозь было и есть пропитано осведомителями и нынешняя эмиграция является выплеском этого общества, меня долго ругали. Почему-то очень многие обиделись, приняв это замечание на свой счет.

Обидной также казалась моя концепция, согласно которой вся третья эмиграция — бессознательное, но действенное орудие в руках советских властей. Орудие дезинформации и влияния на умы.

Подумаем вот о чем: насколько выгодно любой политической партии вынести руководство оппозици-

онного политического движения (инакомыслия) за пределы страны?

При настороженности советских людей, при их горбом нажитом умении угадывать стукача (тоже не ахти умение, но все же) не так, может быть, легко уследить внутри страны за стихийно возникающими очагами сопротивления или инакомыслия. Зато те же люди, оказавшись в условиях демократического Запада, расслабляются, и если по старой привычке «секут» недавно выехавших, то очень легко поддаются обаянию старых эмигрантов или просто западных людей на службе советской резидентуры, которые, что называется, берут их голыми руками.

Советам же центры политического инакомыслия вне страны сегодня настоятельно необходимы. Ведь вынужденный отказ от превентивного массового террора создал в СССР обстановку, при которой стихийное возникновение оппозиционных политических групп, а затем и организаций — уже не утопия. Ведь даже доноительство сейчас не поголовно, как в добрые сталинские времена. Существует психологический климат сочувствия инакомыслию, известная предохранительная среда. Окружающие могут быть не согласны и все же не обязательно донесут. Начисто отсутствовавший при Сталине «эффект соучастия» стал в какой-то мере проявляться.

Вынос в свободный мир тщатель-

но отобранной верхушки инакомыслия выгоден советским властям и с точки зрения возможного проникновения в эту среду, и с точки зрения манипулирования ею как вне, так и внутри страны.

...Москва всегда стремилась взять под свой политический контроль эмигрантские организации, по возможности в масштабах всей русской диаспоры. Отсюда постоянные ее усилия по выдвиганию своих людей на руководящие посты в эмигрантских организациях и посылное поощрение объединения этих организаций во всеэмигрантском масштабе.

Исторический опыт научил Москву, что рассеянное по всему миру обширное и некомандировочное русское присутствие ей выгодно. Рациональные черты принятое на высшем уровне решение выкинуть часть населения из страны приобрело постепенно.

Инстинктивное желание избавиться от чужеродного тела, источника беспокойства и смутной угрозы, дополнялось «здоровым антисемитизмом» и, как оправдание в собственных глазах, желанием застраховаться от нападков еще больших антисемитов внутри руководства.

Процесс осмысливания углублялся. Первоначальный порыв превращался в государственную операцию по чистке тылов и укреплению морально-политического единства страны в свете недавних событий, которые показали и, в предвидении грядущих событий, которые еще покажут.

Магистральная стратегическая линия обрастала тактическими дополнениями и оперативными соображениями соответственно целям различных звеньев советского государственного аппарата. Эти тактические соображения могли позже стать самодовлеющими.

Какая ирония! Частицей неподвластного нам общего замысла мы становимся, принимая, самостоятельно и свободно, самое подчас мучительное и значительное решение нашей жизни.

ДОСЬЕ

Мечта любой политической партии — иметь на каждого гражданина полное досье.

Досье! Дело, папка, перфорированная карта или магнитная лента, куда занесены все сведения, все, случившееся с человеком со дня его рождения. А то и раньше. Ведь полезно знать и наследственность, и семейные традиции, и симпатии, и антипатии.

Почти невозможно объяснить западному человеку, сколько раз за свою жизнь гражданин СССР подвергается проверке, сколько заполняет анкет. И всякий раз, когда он такую анкету заполнял, на него делалась «установка», опрашивали соседей, друзей, родственников, лечащих врачей и любовниц.

Мало того, что все мы воспитаны одной средой, одним строем, одним образом жизни, о каждом из нас к тому же известно: кто скрупулезно честен, а кто прохвост; кто стяжатель, а кто бесребреник; кто циник, а кто романтик и шляпа; кто расточителен, а кто скуп; кто лгун, а кто правдец.

Записаны наши симпатии и антипатии, наши привязанности, семейные тайны, гастрономические предпочтения и половые привычки. Дипотрия очков, размеры рубашек, обуви и прочие размеры.

По словам сведущих людей, примерно у шестидесяти процентов уехавших в деле еще лежит письменное обещание честно сотрудничать с советскими органами разведки. Но это пустяк, безделица. Человек уехал в свободный мир, и никто его не может заставить...

Разумеется. Бумажка — это простая проверка перед расставанием. Прощальный психологический тест.

Но когда уехавший в Тель-Авив к тете и оказавшийся в Нью-Йорке бывший советский гражданин будет на таком месте, где он может пригодиться, и сотрудник, которому поручат просмотреть его дело, сможет написать в справке для местной резидентуры «поддается вербовке», то дальше — уже дело местного работника: грозить, уговаривать, лстить или платить.

Злосчастная подписка приводит подчас к анекдотическим последствиям.

Так, затосковав по родине уже в Риме, некий новый эмигрант, которого мы назовем У., отправился в посольство СССР просить о разрешении вернуться. Принявший его чиновник отнесся к просьбе с пониманием. Достав из сейфа подписанное У. перед отъездом обязательство, он предложил ему заслужить

обратный билет в Советский Союз небольшой услугой. Надо было установить контакт с находящейся в другой стране эмигрантской организацией и дать о ней сведения.

У. выполнил поручение и вскоре появился в интересовавшей КГБ штаб-квартире.

Его визиту удивились. Ведь у нового эмигранта еще не могло быть на руках документов, позволяющих ему разъезжать по Европе. У. объяснил, что приехал по фальшивому французскому паспорту, который обязался вернуть по почте в Рим, куда он возвращаться не собирается.

У. выпроводили и знакомство с ним прекратили.

Вернувшись в Рим, У. снова потребовал репатриации в СССР. «Ваш патриотизм похвален, — сказали ему, — но от вас ожидают еще одной, совсем уже маленькой услуги. Надо съездить в Израиль». Получив другой паспорт, У. съездил на историческую родину и вернулся.

Понадобилась еще одна услуга. Снабженный отличными документами и деньгами, У. поехал в Африку.

Во время этой поездки У. осенила блестящая мысль. Имея «железный» паспорт и деньги, почему бы не поехать в СССР на свой страх и риск? Неужели он не проведет родную «гебуху»?

Первым этапом нового путешествия была Югославия, вторым — Болгария. На втором этапе, только взглянув на его «железный» паспорт, его посадили. Через двое суток выпустили и передали в распоряжение советского посольства, которое тотчас отправило его... в Рим!

Карусель продолжала вертеться. Только теперь, чтобы заслужить отставку домой, ему пришлось, уже под своим именем, поехать в Западный Берлин и работать там на советскую разведку, переходя для доклада в восточную часть города.

Время шло, а возвращением в Москву и не пахло. Поняв, что его водят за нос, У. пошел на риск.

Явившись с повинной к соответствующим западноберлинским властям, он во всех подробностях рассказал им о своих похождениях и потребовал, чтобы его выслали в СССР.

В Москву его, однако, не отправили. Поскольку он шпионил против Западной Германии, его продержали какое-то время в тюрьме, после чего выставили на улицу, предло-

жив идти на все четыре стороны.

После этого следы У. теряются.

Лично я потерял его из виду с тех пор, как он исчез с горизонта радио «Свобода»: он одно время писал для русской службы корреспонденции из Западного Берлина.

Но тогда я еще не знал его занимательной истории.

Но не у всех такая отметка. Чуть не половина уехала в этом смысле свободными. Но и про них известно, что надо сделать, чтобы человека довести до петли, как разрушить семью, чем испугать.

Людей, о которых КГБ знает все, что может подсказать воображение, выехало на Запад около трехсот тысяч.

Так что, как писал Чехов: «Не унывай, жандарм!»

Публикация в «Континенте» отрывка, где говорится о 60 процентах людей, подписывающих перед выездом обязательство о сотрудничестве, вызвала неожиданную реакцию. Не думал, что стольким окажется тесно в довольно просторных рамках сорока процентов. Напиши я, что среди выехавших — 60 процентов дураков, те же люди, вероятно, засмеяли бы меня, говоря, что дураков гораздо больше!

В ответ тем, кто грозил мне письменно, устно и через третьих лиц, заявляя, что, указав на эти шестидесят процентов, я оскорбил их лично, не скажу ничего. Беспечно. Но для других готов дать некоторые уточнения.

Эту цифру я слышал из двух источников. Во-первых, от человека, непосредственно этим делом в недавнем прошлом занимавшегося. А в Израиле мне примерно такую же цифру назвали в очень солидном учреждении.

Оба мои источника указывали при этом на следующее. Те, кто проводит вербовку отъезжающих, выполняя при этом стандартное, слушное сверху задание, считают, что из давших такую подписку максимум два процента когда-нибудь смогут быть оперативно использованы. Остальные отсеются по тем или иным причинам или окажутся неинтересными.

И еще один момент. Следует учесть, в какой обстановке все это сплошь да рядом происходит. Человек все распродал, все роздал, упаковал. Сидит на чемоданах. Тут ему говорят, что визу у него отберут, если он не подпишет... Бросайте в них камень, если хотите. Я не буду.

Приведенный мною пример характеризует не подписавших, а режим, при котором все это происходит. Если не 60 процентов, а почти сто процентов из выезжающих давали в какой-то форме в лапу родной таможене, чтобы не мучили зря и не трепали нервы в последнюю минуту, то разве из этого следует, что всем нам присуще подкупать государственных чиновников?

Кроме того, мне искренне кажется, что такого рода контакты между будущими эмигрантами и КГБ имеют очень мало значения. Ведь подумайте о широких возможностях использовать людей без их воли и ведома! Или за деньги.

Прощальный контакт с отъезжающими приносит советским властям совсем иной и немалый профит.

Учено, полагаю, что подавляющее большинство «подписантов» сразу по приезде (отчасти по инерции), а то и в пути пойдут с повинной в контрразведку по новому месту прописки. Виноват, мол, заставили, грозили...

В книге «Игра в обман» бывший заместитель начальника Отдела дезинформации разведки Чехословакии Ладислав Биттман пишет, как его служба использовала репатрицию в ФРГ нескольких десятков тысяч немцев.

План был прост, надежен и дешев. Валюты не требовалось. Среди отъезжающих проводилась массовая вербовка. Вопрос ставился ребром: «Не подпишешь — не поедешь!»

Но предложение делалось людям, о которых было предварительно известно, что: во-первых, они не затеют принципиальных разговоров, а во-вторых, что они терпеть не могут чехов и сразу побегут каяться в контрразведку.

Требовалась все же кропотливая подготовка. Вербуемый не должен был догадаться, что все это липа. Поэтому его «готовили»: ему давали план будущей работы, разрабатывались условия связи, назначались встречи. Так, разумеется, чтобы ненароком не задеть настоящую разведывательную сеть.

На проверку этой ерунды западные немцы были вынуждены потратить уйму времени, занять весь свой личный состав.

Даже сравнительно быстро поняв, что соседи-Швейки морочат им голову, они не могли отмахнуться от всех приходящих к ним с повин-

ной, не проверить названные им ящики, «почтовые ящики», объекты наблюдения.

По словам Биттмана, в течение многих месяцев разведка Чехословакии делала в ФРГ что хотела: противник ловил фиктивных агентов.

Возней с фиктивными агентами дело, разумеется, не исчерпывалось. Ведь были еще такие иммигранты, которые никуда не являлись и ни в чем не сознавались. Как же с ними быть? А что, если они-то как раз...

Так и крутилась карусель!

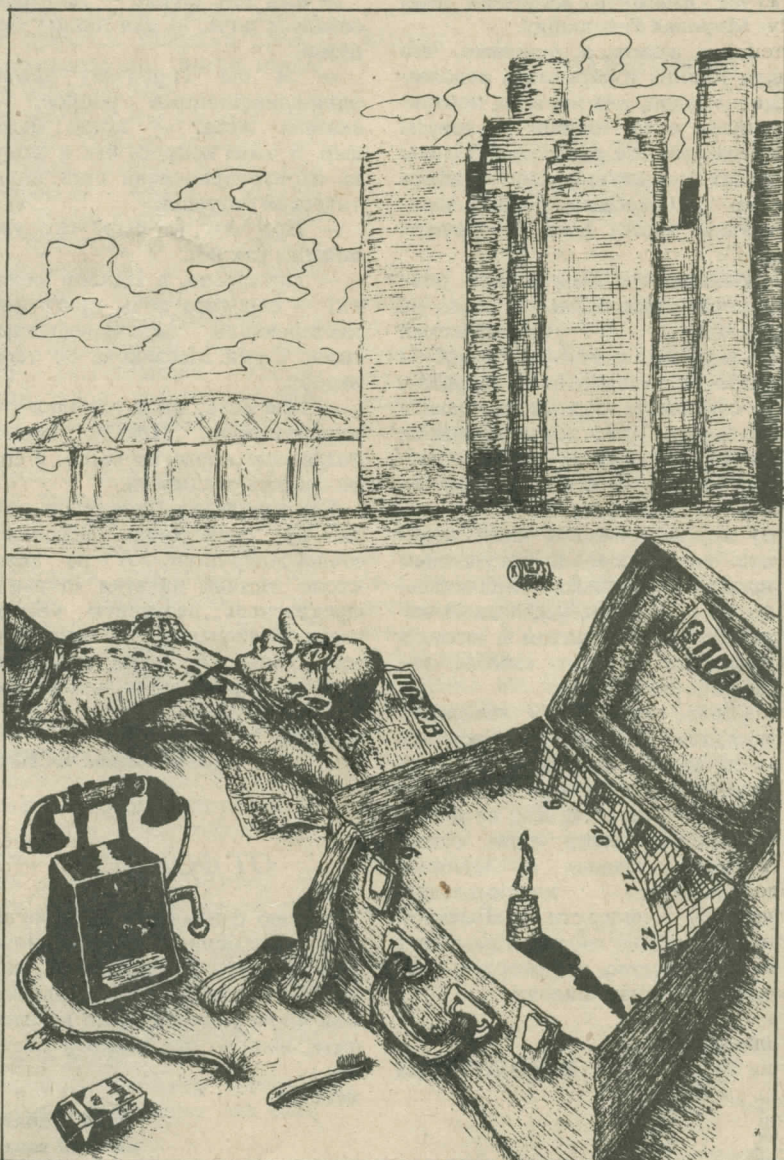
В смысле потери времени проверка слов человека, заявившего, что его завербовали, утверждений дру-

гого, говорящего, что с ним вели разговоры, но он отказался, или третьего, утверждающего, что он вообще «ни сном ни духом», — равноценна. Ваша личная безупречность в этом смысле никакого значения не имеет.

На Западе в компетентных органах работают добросовестные чиновники, и проверке новых иммигрантов они уделяют все необходимое время.

Поскольку же повсюду поспеть нельзя, это, безусловно, облегчит работу настоящим советским шпионам.

Что и требовалось доказать!

Рисовал А. Заяц

ЧЕМ ВЫМОЩЕНА ДОРОГА В АД?

Из бурного потока правды о деяниях Сталина ничто не поразило меня так, как Коммунистическая партия молодежи, созданная в Воронеже в 1948 году. Поразила ниточка, пусть дальнего (по общим предкам), родства между палачами, юными борцами и жертвами. Целью КПМ было низвержение Сталина, средство — мимикрируясь, проникнуть в аппарат власти, дойти до верха и все изменить. Конечная цель — Мировая Революция.

Боже упаси, я понимаю, что для убийцы и параноика революция — одно, для чистого, ненавидящего ложь юноши — совсем другое. Но все равно — в головы целых поколений смогли вбить миф о Всеобщем Блага, величайшей якобы идее человечества.

Именно эта идея и есть объяснение сталинщины, а вовсе не разговоры о политической отсталости царской России и слабости «ленинской гвардии», не сумевшей вовремя распознать опасность. Даже самым близким людям устроить друг другу счастье бывает нелегко. Что же до счастья человечества, то эту веру можно извинить лишь крайней молодостью и отсутствием жизненного опыта. Удивительно, но есть люди, наделенные интеллектом и талантом и начисто лишённые здравого смысла, инстинкта равновесия.

Сейчас уже и до массового сознания доходит, что человек — не царь и не венец, но лишь звено в цепи жизни. Что государство — не отец нам, не родственник, но всего лишь сумма функций, главная из которых обеспечивать максимальную свободу личности. «Выстрой храм в сердце своем». Храм этот — достоинство, милосердие, уважение ко всему живому.

Москва

Ю. КОЛОМИЕЦ

ПИЦЦА ИЗ МОЙВЫ

Я достал из холодильника мойву и стал ее промывать. Мойва была еще из довтороапрельских запасов и куплена Леной — моей женой. Обоняние — самое слабое из ее пяти чувств. Поэтому она ее и купила.

— Я из нее пиццу придумал сделать, — сказал я. Во мне нарастало «чувство открытия», знакомое каждому ученому... — Предварительно обжарю в постном масле... Здорово я придумал?

— Как это, пиццу, — заинтересовалась дочь, — для пиццы сыр нужен.

— Я бы Горбачеву задала один-единственный вопрос, — сказала жена, — когда будет сыр. В этом вопросе как в фокусе сконцентрирована суть политической ситуации.

— При чем тут сыр? Его уже полгода как нет.

— Интересно, а Павлов мойву ел? — спросила дочь, приглушив нестареющий жизнерадостный голос Саши Маслякова по телевизору.

— Мог есть, когда начинал фининспектором. Правда, мойвы тогда еще вроде не было, а была сплошная камбала.

Все замолчали. Шкворчала мойва на сковородке. Веселился «Александр-шоу». А на моем столе лежала начатая статья с прекрасным названием «Комплексообразование элементов как основа процесса рудообразования редкометалльных месторождений».

Москва

А. ЦЫПЛАКОВСКИЙ

ОТ ФОНАРЯ...

Меняю семнадцать книг из серии «Пламенные революционеры» на трусы 56-го размера, майку 56-го размера и две пары носков 42-го размера. Если не ответите, вышло без всякого платежа.

Москва

ЧИСТЯКОВ,
мичман запаса

ЕВРОПА, НЕ ПОМОГАЙ НАМ!

Вся наша внешняя и внутренняя политика строится на тщательно скрываемой надежде (или убеждении), что, если будет совсем уж плохо, Запад нам поможет, Запад нас не оставит.

Поможет, в этом нет сомнений. Так же, как помогал в 1917 году, потом во времена нэпа, в 30-е годы. Особенно помогли всякого рода прогрессивные писатели, посещавшие нас и прославившие своих соотечественников о том, что «великий эксперимент» идет, и хорошо идет, оснований для беспокойства нет. Хотя, может быть, в процессе эксперимента есть и пострадавшие, но замах-то какой, господи!

Зерно мы покупаем в Америке. Запад помогает нам, и в результате этой братской помощи коммунисты уже 73 года находятся у власти. И хватит ездить туда и унижаться перед сытыми и благополучными, отлично знающими свою выгоду. Сколько лет я слушал по «вражеским голосам» о свободе личности и правах человека. Что же происходит теперь? Наш соотечественник с торбой за плечами и идиотской блаженной улыбкой на лице с разбегу утыкается носом в шлагбаум, который любвеобильный Запад опустил аккурат перед носом несчастного.

Сильное, богатое, пользующееся авторитетом в мире, с огромными (пока еще не отданными за долги) ресурсами государство — нужно ли оно Западу? Пора избавляться от иллюзий.

Хабаровский край,
г. Советская Гавань

Г. БАТИЩЕВ

ЛИЦЕИ — НЕ ДЛЯ НАРОДА

Прочитала «Столицу», и стало грустно. Все написано не о простом народе, а об избранных. Например, кому нужно решение вопроса о въезде и выезде? Ничтожному меньшинству, ищущему

му счастья за границей, и не с пустыми карманами. Платные лица, которые собирается создавать Э.Дорожкин, — тоже для детей элиты. Единственное, что понравилось, — беседа с Марком Анатольевичем Захаровым.

Плохо работаете, московские демократы. А у нас во Львове ваши друзья уже всем надоели. С водоснабжением плохо, с продуктами — тоже, а они только бога прославляют да улицы переименовывают через своих смутьянов-священников.

Львов

М.РОМАНОВА

МИТИНГ СОЛИДАРНОСТИ

Несколько лет назад, когда перестройка уже шла по стране, но шестая статья еще не была отменена, вызвали меня в партком и сказали: «На Западе раздаются голоса о пассивности нашей молодежи. Поэтому молодежь Москвы решила сегодня провести в Лужниках митинг солидарности. Если зарубежные корреспонденты спросят, как вы там оказались, отвечайте — сама пришла. Обсуждать предстоящий митинг с коллегами не рекомендуем — мы берем туда только лучших».

Меня это ничуть не удивило. Наше министерство, находясь в центре столицы, всегда было поставщиком статистов для подобных мероприятий. Мы присутствовали на открытии мемориальных досок на улице Горького и в близлежащих переулках, «изображали народ» на встречах депутатов с трудящимися, посещали торжественные собрания советско-вьетнамской и советско-монгольской общественности в Доме союзов. Вручение билетов на очередной вечер всегда сопровождалось напутствием: «Не вздумайте уходить после торжественной части, иначе будут неприятности».

Колонна из шикарных «Икарусов» повезла нас в Лужники. Мы

не подъехали прямо к Малой спортивной арене, а свернули на аллею, потом на другую. Потихоньку притормозили, но двери по-прежнему оставались закрытыми. Инструктор объявляет: «Видите сооружение? Там будет митинг и буфет». И скомандовал шоферу: «Давай!»

Двери всех автобусов разом открылись, и участники предстоящего митинга вырвались на оперативный простор. Зрелище было не для слабонервных. Прямо по газонам, лихо прыгая через скамейки и кусты, мы неслись к указанной цели. Мелькнула жуткая мысль: «Если поблизости прячется западная пресса и сфотографирует, какие потом давать объяснения?»

Под трибуны мы влетели одни из первых. Набили яствами целлофановые пакеты. Взяли еще бутербродов, чтобы подкрепиться. Жую, пьем «Пепси» прямо из бутылки, на иностранных корреспондентов с усмешкой поглядываем. Никак они, деловые, не могут взять интервью, все от них шарахаются. Нет, один что-то рассказывает. Наглаженный такой, коротко пострижен, с комсомольским значком на груди.

Вспыхнул яркий свет. Над головами появились транспаранты «Миру — мир», «Нет — войне». Обратная сторона их была плохо закрашена, проступали слова «колбасы», «московская», что-то по-иностранному. Появились почетные участники митинга — Валентина Терешкова, несколько женщин, один мужчина. Все выступавшие перед нами зарубежные женщины были преклонного возраста. У нас такие даже в группы здоровья не ходят, а у них — политикой занимаются.

Одна седовласая бабулька из Англии сказала: «Мы знаем, что вы уважаете нашу Маргарет Тэтчер. Но имейте в виду, что мы с ней не всегда согласны, мы ей нередко возражаем».

Все захлопали в ладоши, искренне и от души.

Невидимый дирижер митинга среагировал мгновенно: дал знак

товарищу из третьего ряда, тот махнул рукой и — взвилась транспаранты с лозунгами, все вскочили, продолжая аплодировать. Началась орация.

Бабулька опешила. Растерянно оглянулась на переводчицу, на Терешкову. Та ободряюще улыбнулась и развела руками, дескать, мы такие, нам если кто понравится...

А дома были гости. Как раз вовремя со своими деликатесами. Полный восторг, вопросы, где достала.

— На митинг, — говорю, — надо ходить.

Москва

М.ГРИГОРОВА

ПОЗВОЛЬТЕ ПОПРАВИТЬ ЗАХАРОВА

Был удивлен утверждением Марка Захарова о том, что «если бы В.И. Ленин окончил Петербургский, а не Казанский университет, он бы никогда не возглавил наше государство» («Столица», № 9).

Но Владимир Ульянов никогда не оканчивал Казанский университет.

Он действительно поступил туда на юридический факультет. Но был исключен за участие в студенческих беспорядках. Это и ввело в заблуждение М.А. Захарова.

Окончил же В.И. Ульянов как раз Петербургский университет. Экстерном, в два приема, весной и осенью 1891 года. Так что включать этот пример в биографию Захарова, «которой, может быть, он когда-нибудь займется», не следует.

Ростов-на-Дону

Л.ГЕЛЬФАНД

РАЗГОВОРЫ ПОЭТОВ О ФИНИНСПЕКЦИИ

Поэт в России больше, чем поэт! — сказал поэт. Эта вполне справедливая формула за последние годы обрела необычайно широкое толкование. У нас сейчас и писатель — больше, чем писатель, и актер — больше, чем актер, и художник — больше, чем художник... Все труженики духовной сферы — больше, чем труженики духовной сферы.

Говорят, это потому, что общество стало ужасно политизированным. Как начали шесть лет назад разбираться, спрашивать друг у друга — что ж за строй мы построили? как бы его перестроить половчее? — так и продолжаем. И, естественно, интересно знать, что об этом думают люди, проникающие в самую суть бытия. В конце концов в моменты общественных потрясений мастера культуры всегда возвышали свой голос. «Не могу молчать», — заявлял Лев Толстой. «Я обвиняю!» — гремел Эмиль Золя. Владимир Короленко писал письма Луначарскому.

Это понятно, и речь сейчас о другом.

Наши поэты, актеры, режиссеры и т.д., ощутив себя больше, чем поэтами, актерами, режиссерами и т.д., стали выдвигать идеи сугубо экономические. На худой конец — пересказывать чужие. Читаешь, слушаешь, смотришь — господи, кто ж это? Почему литератор рассуждает не о литературе, музыкант не о музыке, а исключительно о приватизации и финансовой политике, включая проблемы конвертируемости рубля? Даже американская балерина, правда, живущая в Москве, делится в газетном интервью мыслями не только о балете. Она рассуждает о необходимости земельной реформы в СССР, введения частной

собственности, о социальных проблемах советских военнослужащих. Я с ней, допустим, согласен, только все это я слышал от наших и не наших экономистов, чье мнение в данном случае мне кажется более весомым. И если бы, например, академик Николай Петраков стал вдруг публично размышлять о том, как нам реорганизовать отечественную балетную школу, я бы очень удивился. Но он, по-моему, не станет этого делать, хотя человек весьма образованный.

А помните, как год или полтора назад «больше, чем поэт» Станислав Куняев разоблачил страшную диверсию ученых-экономистов, которые, унижая честь и достоинство народа, придумали за один доллар давать шесть наших трудовых рублей? Глубокая куняевская мысль не потрясла умы, народ только плечами пожимал. Однако «разговоры с поэтами о фининспекции» продолжают. Журналисты их обязательно спрашивают, а те обязательно отвечают.

Конечно, не только служители муз грешат экономикой. Иные генералы, например, тоже высказываются. Но тут еще можно найти побудительные мотивы. В самом деле, вот дослужился человек до больших звезд, боевые награды имеет, ни разу при этом не пововав и одержав свою главную победу в битве «синих» против «зеленых» во время штабных учений. И ничего — учит других науке побеждать. А поскольку он когда-то неплохо освоил полковую бухгалтерию, то почему ж, думает, и экономистов не поучить? По-человечески это объяснимо.

Но скучно.

И с поэтами о приватизации — скучно. Неинтересно. С ними все-

таки интереснее о поэзии, как с режиссерами — о кино или о театре. Даже о политике — там, где она пересекается с проблемами человеческого бытия, совести и нравственности. То есть с теми категориями, которые веками питали все искусства, составляли его, так сказать, предмет.

Да, у нас есть литераторы, прекрасно разбирающиеся в экономике и столь же прекрасно владеющие пером. Но таких по пальцам можно пересчитать. Оставьте им это поле, а сами сейте разумное, доброе и вечное на другом. Уж чего-чего, а целины у нас хватает.

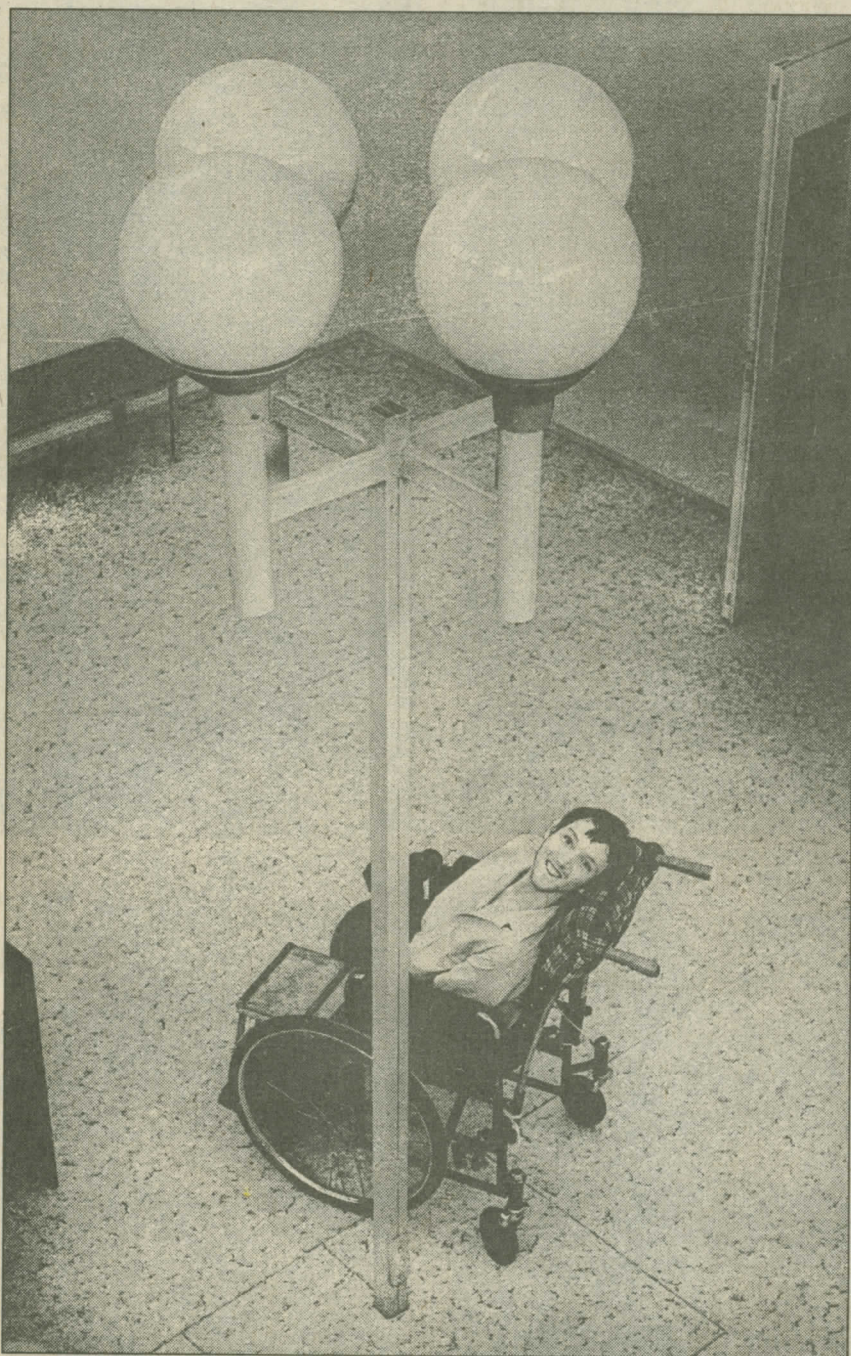
Попробуйте. Может быть, и в России поэт — это поэт. Ну, тот, что мыслит образами, а не формами собственности и конвертируемостью рубля...

Владислав СТАРЧЕВСКИЙ

Рис. В. Иванова

ЖИЗНЬ ВСЕГДА СТОИТ ТОГО, ЧТОБЫ ЖИТЬ

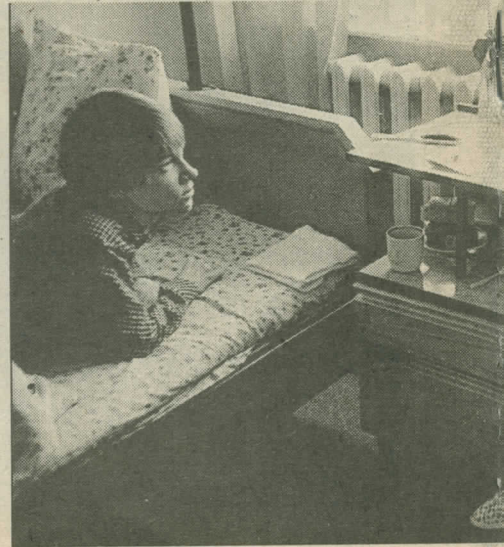
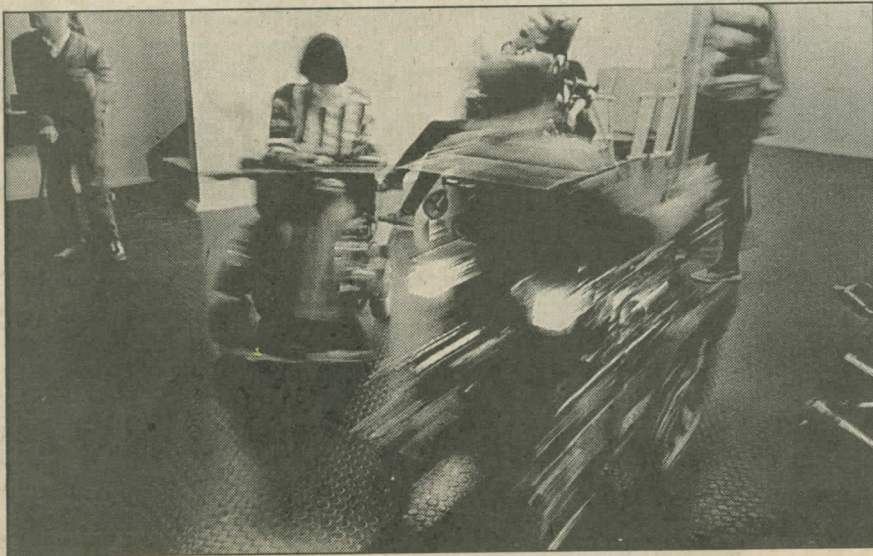
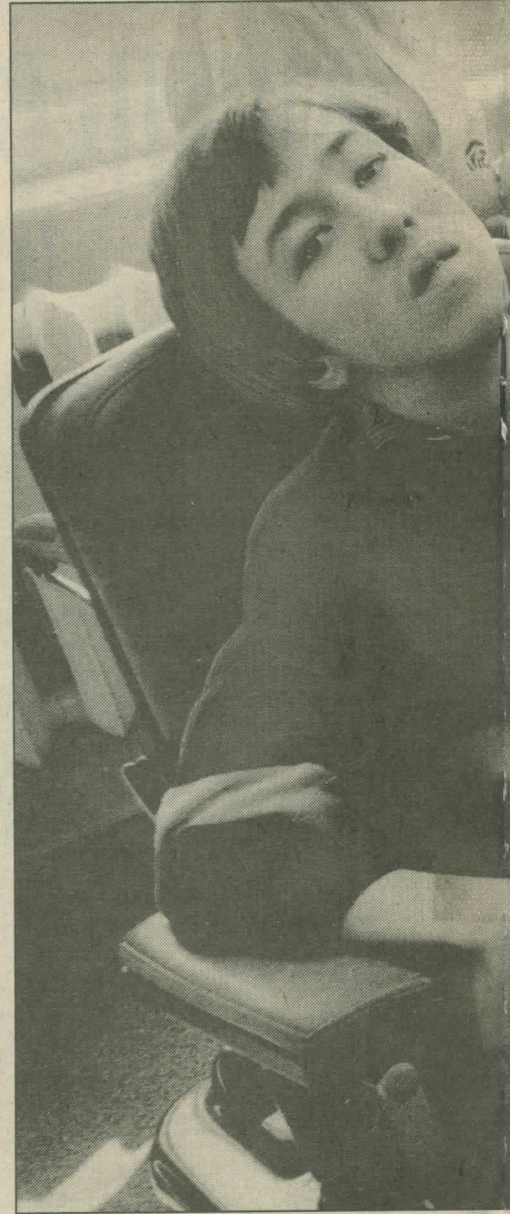
Жизнь всегда стоит того, чтобы жить. Но это приходит слишком поздно.

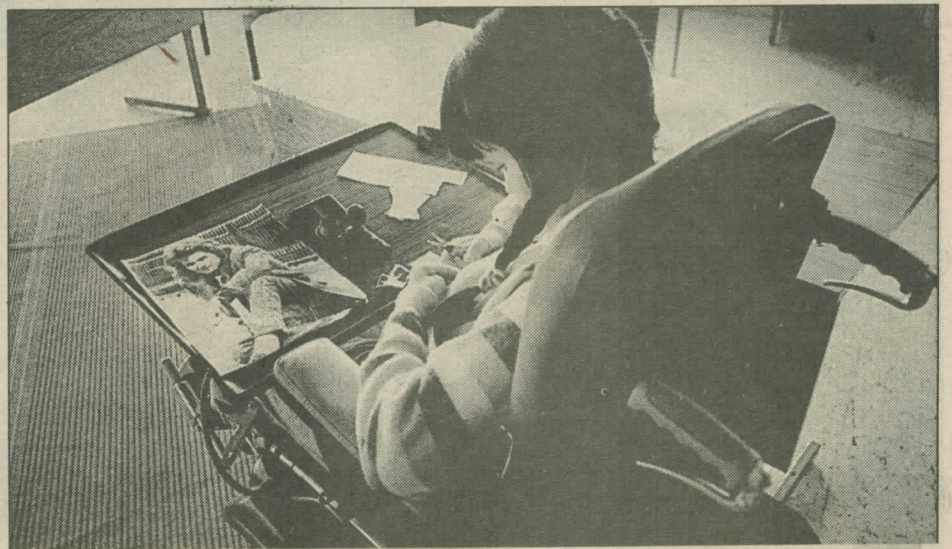
Мы избегаем подводить итоги нашей российской втянутости в будущее. До самой последней черты не заговариваем о том, что же получилось, что имеем и чего добились. Важен не результат, а процесс. Например, процесс ожидания. Итог ударяет только когда пласты терпения состарятся, придут в движение, разломятся... Но на это не смотрят долго, потому что существовать можно только ожидая. И вот уже — готово. Становись в новую очередь. Ждать можно терпеливо или суетясь, но в ожидании безусловно смысл нашей жизни.

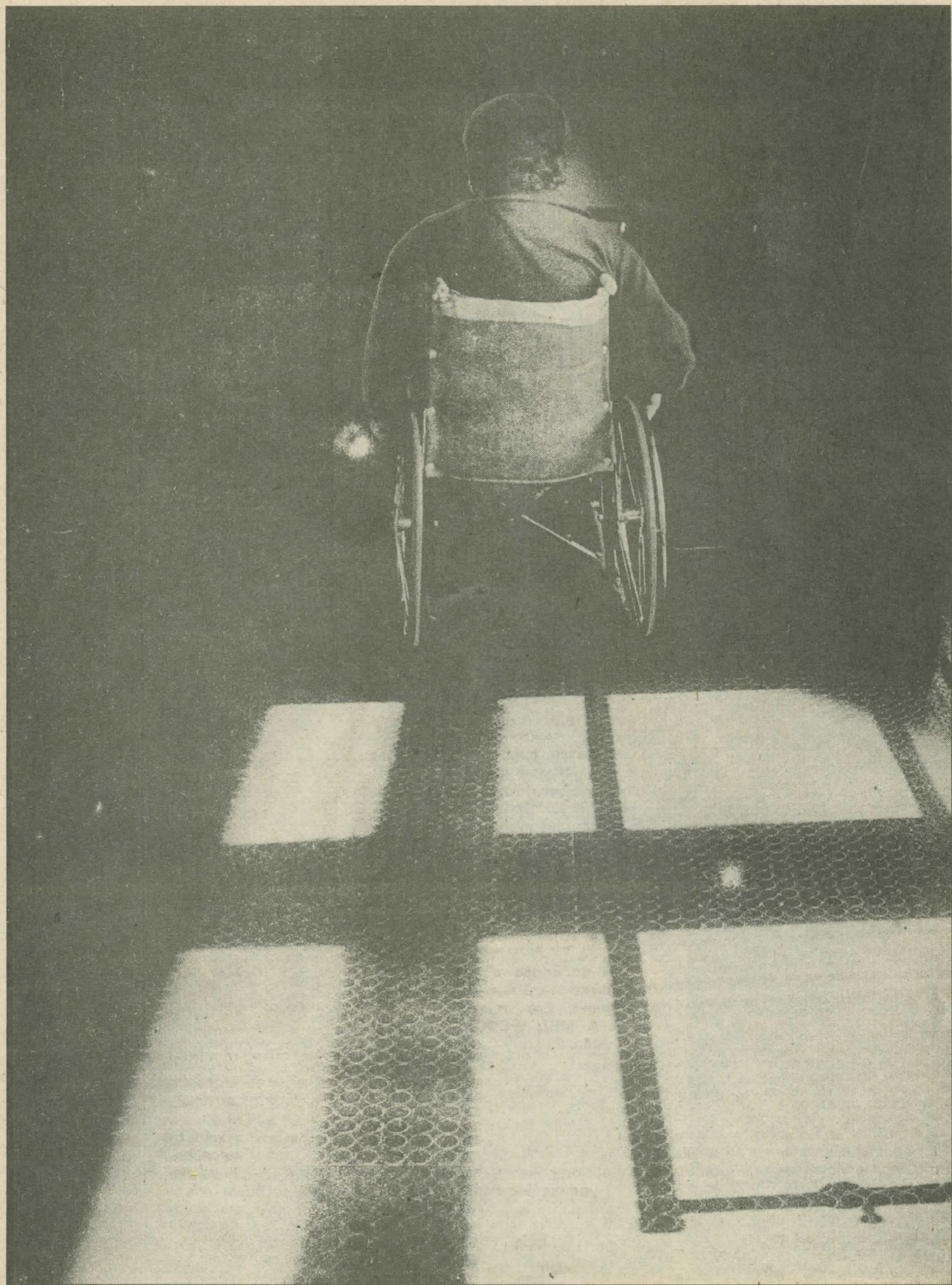
Так во всем — в большом и малом и почти у всех — больших и малых. Сама по себе жизнь и нужна-то для того, чтобы, встав на нее, как на ступеньку, заглянуть в завтра. Как там — скоро ли? То, что лучше, — очевидно, иначе к чему все это? Если страна — то не важно, какая она на самом деле есть, а какой она станет. Если ребенок — не важно, как он смеется и плачет, но что из него выйдет. Если лес — то не в том дело, как он цветет, а в том, что он будет стоять, когда нас не будет. И страна, оказывается, не такая, как ждали, и ребенок не похож, и леса нет, а мы все живем.

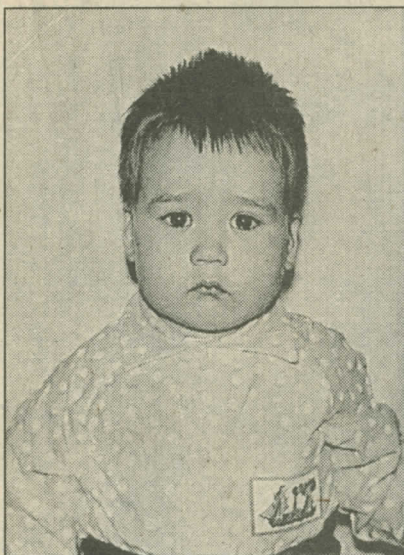
Можно разочароваться быстрее или медленнее, смеяться над вчерашним или быть к нему равнодушным, но нельзя терять энергии ожидания. И мы проживаем жизнь дважды, так и не почувствовав ее и не ощутив. Сначала — глядя вперед. Потом — вспоминая, как все это было.

Тот, кто чувствует иначе, — ненормален. Их находят в доме скорби. И они смеются.

5. Этого малыша утром 29 апреля 1987 года принесли новорожденным в милицию на вокзале Куйбышева. Неизвестная молодая женщина дала поддержать мальчика случайной соседке и больше не вернулась. Может, это была мать, которая так распорядилась судьбой сына, а может, малыша украла.

6. Девчужке повезло еще меньше — ее просто выбросили в мусорный контейнер в ночь на 26 декабря 1989 года на Советской улице Магнитогорска. Все-таки повезло — девочка жива и растет здоровенькой. В казенном доме, разумеется.

ИЩЕМ РОДИТЕЛЕЙ

Мы продолжаем акцию «Ищем родителей», начатую в № 21 публикацией четырех фотографий по материалам МВД РСФСР. Напоминаем: дети, изображенные на снимках, найдены при загадочных обстоятельствах. Их родители до сих пор не установлены, а между тем много детей в стране числится во всесоюзном розыске.

Мамы и папы, не потерявшие надежды! Вглядитесь в эти фотографии. Эти дети живы и воспитываются в детских домах. Вдруг вам улыбнется счастье, и вы узнаете черты родного лица?

Еще раз обращаемся к местным изданиям. Перепечатайте, пожалуйста, ту информацию, которая касается вашего региона.

Просим также откликнуться всех директоров и главврачей детских воспитательных учреждений. Если среди ваших воспитанников есть дети, родители которых не установлены, сообщите об этом поскорее в МВД. Инициатор розыска — Олег Андреевич Рублевский. Его телефон: 229-59-64. Адрес МВД РСФСР: Москва, ул. Огарева, 6.

Продолжение через две недели.
Публикацию подготовила Елена САЛИНА

Фото В. Косарина

7 и 8. В Тверской области ждут своих родителей эти два ребенка: трехлетний мальчик Эдик и девочка Эльвира НУРИЕВА, которой сейчас 2 года 7 месяцев. Их приютила добрая женщина, беженка из Баку. С родителями она не знакома, детей ей передали в спешке, во время известных бакинских событий, чтобы спасти.

М В Д С С С Р

Главное
управление внутренних дел
исполнительного комитета
Московского городского Совета
народных депутатов

2 полк патрульно-постовой
службы милиции

г. Москва

24.4.91г. № 67/249

на № _____ от _____

Главному редактору
журнала " Столица "

Сообщаю Вам, что на Ваши фотоматериалы, опубликованные в журнале " Столица " № 5 " Ошибочка вышла ", командованием полка была проведена служебная проверка.

Факты нанесения телесных повреждений сотрудниками полка несовершеннолетнему Каборгину Р. подтверждения не нашли.

5.1.1991 года отец Каборгина написал заявление на имя командира полка, что претензий к сотрудникам полка не имеет, ранее написанное заявление считать недействительным.

Командир полка

В.В. Жидиков

— Фото Ю. Штукина

ПОВЕСЕЛИЛИСЬ...

Ребята, мы никогда не сомневались, что в милиции работают остроумные люди, но здесь явный перебор.

Если уж вы действительно затеяли служебную проверку (на которой, кстати, редакция не настаивала, просто констатировала факт: в любом деле, увы, случаются ошибки), приобщили бы к делу две пленки, отщелканные нашим фотокорреспондентом прямо на месте происшествия. Что уж документальнее! Как это — объясните, пожалуйста, — лицо разбито, а «телесных повреждений нет»?

Неужели вы до сих пор полагаете, что для спасения пресловутой «чести советской милиции» пригодны любые сомнительные способы? Или по привычке всех нас считаете идиотами...

Самим-то не смешно?

Отдел права и морали

Антун Вргоч после возвращения из русского плена

ОБ АНТУНЕ ВРГОЧЕ И ЕГО «ВОСПОМИНАНИЯХ»

Эти воспоминания — не совсем обычные для исторических публикаций последнего времени. Их автор — офицер австро-венгерской армии, хорват по национальности, Антун Вргоч. Он попал в русский плен 26 октября 1914 г. недалеко от Львова; его путь из России домой начался 2 августа 1920 г. на борту парохода «Гималаи», отплывшего из Владивостока. Львов,

Киев, Самара, Омск, Томск, Тара (городишко на берегу Иртыша), Иркутск, Харбин, Владивосток — вот основные вехи его странствий и мытарств по стране за шесть лет.

В основе «Воспоминаний о первой мировой войне», большая часть которых посвящена событиям в России, лежат дневниковые записи. Автор вел их все эти годы. Его не назывешь сторонним наблюдателем: он живо сопереживал нашим соотечественникам, выучил русский язык, выписывал в сибирскую глушь российские газеты всех направлений — от «Нового времени» до «Правды». И хотя некоторые данные, приводимые автором, и исторические эпизоды нуждаются в дополнительном подтверждении, перед нами, несомненно, яркое свидетельство современника и участника событий.

Быть может, «Воспоминания» Вргоча не имеют литературных достоинств «Окаянных дней» И. Бунина или «Черной тетради» З. Гиппиус, лишены политико-детективной интриги мемуаров Р. Б. Локкарта. Они ценны для нас прежде всего как историко-психологический документ, показывающий будни революции и гражданской войны в глухой провинции глазами обычного человека. Предлагаемые читателю мемуары ценны прежде всего тем, что показывают, как те или иные действия «сильных мира сего» отзываются в сознании людей, живущих далеко от столицы, как решали в одночасье их судьбы Февраль и Октябрь, Брестский мир и восстание чехов.

Отсутствие стилистических красот искупается скрупулезностью описания болезни и точностью диагноза, поразившей наше общество в те далекие годы. До странности совпадают некоторые характеристики нашего сегодняшнего психологического портрета и отдельные события. Кампания за переименование Петербурга, повальное увлечение знахарями и хиромантами, обесценение денег, припрятывание товаров, одуряющая пропаганда и озверение митингов — не наши ли это сегодняшние черты? А. Вргоч, будучи свидетелем нашей жизни и в дореволюционное время, показывает в своих «Воспоминаниях», как постепенно изменялось сознание народа и отдельных людей, как личная порядочность и гражданская доблесть уступали место страху и покорности перед вооруженным хамом независимо от его «красноты» или «белизны», хамом, ненавидящим царизм и «богатых буржуев» и привыкшим на фронте не ценить ни свою жизнь, ни тем более чужую.

Редакция выражает признательность семье А. Вргоча и профессору М. Хрибар-Ожеговичу, предоставившим текст «Воспоминаний».

Антун ВРГОЧ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О МИРОВОЙ ВОЙНЕ

1914 — 1920.

(...) Из деревни, где начальник русского караула разместил нас на своей квартире, и до самого Львова мы ехали на телегах. Так мы доехали до старой австро-русской границы; дальше в Киев нас повезли уже по железной дороге. Почти все конвойные русские солдаты были людьми лет сорока—пятидесяти, рассудительными и неторопливыми. На всем пути от Львова до Киева я не помню с их стороны ни одного враждебного слова, а тем более поступка.

Начальник конвоя шел рядом с моей телегой и все время спрашивал, не хочу ли я пить, а если хочу — то что предпочитаю — воду или яблоки. (...) На первом привале он отвел меня в сторону и предупредил, что за ужином будет много водки, поскольку здешний командир очень гостеприимен по отношению к пленным, а значит, угостит и меня. Нас очень удобно разместили в каком-то дворце и принесли вкусный ужин. Русского офицера, однако, не было... Вечером к нам пришли русские солдаты, и мы разговаривали о том о сем. Всякий разговор кончался тем, что они ругали своих офицеров и поносили царизм. Они бранили офицеров за кражи, коррупцию и всяческие другие безобразия. Ругались почти все. (...)

Солдаты, а позднее и штатские, с которыми мне приходилось сталкиваться, ненавидели и всячески поносили царизм, но при этом любили Россию. Они сознавали, что Россия — страна неисчерпаемых богатств, что в ней есть все, что ни пожелаешь. Бессознательно они распространяли самые невероятные слухи с фронта; это получалось произвольно. Еще по Берну я знал, как ловко коммунисты агитируют при помощи слухов. На первый взгляд, вся русская армия была пронизана их нитями.

Мы прибыли в Киев 4 ноября 1914 г. Там нас поместили в какие-то старые казармы. Перед тем как мы разошлись, нас тщательно обыскали. У нас отобрали все ценности, все газеты, всю бумагу, заметки и блокноты. Перстни и часы оставляли. Начальник казармы лично присутствовал при досмотре и непрерывно орал и ругался. Один из обыскивающих непременно менял хорошую обувь и плащи на плохое русское обмундирование.

(...) Вдруг я почувствовал, что меня кто-то трясет, потом поднимает с кровати и выносит. Я приоткрыл глаза и не сразу понял, что со мной происходит. Меня вели под руки двое русских санитаров — так я ослаб — не мог идти сам. На мои вопросы они ответили, что эшелон стоит в Самаре и что меня им приказали снять с поезда. Я сказал им, что в эшелоне есть несколько тяжелобольных, которых необходимо отправить в госпиталь. Они опять взяли меня под руки и почти понесли. Потом меня переложили на носилки и перенесли в зал ожидания третьего класса.

Как только меня туда внесли, вокруг собралась толпа. (...) С меня сняли наполозавшую на глаза фуражку. Какие-то женщины рыдали. Русский народ, русский крестьянин в большинстве своем беспримерно добр. Все меня жалели, а женщины, как обычно, думали о своих

близких, которые, возможно, выглядели в этот момент так же, как я. Множество рук залезло в карманы моего плаща, а некоторые даже и под него. Я страшно ослаб и не мог этому противиться. У меня ничего с собой не было, кроме швейцарских часов «Омега». Они лежали в маленьком кармане брюк, куда никто не залез. Больше взять у меня было нечего. Я никак не мог понять, почему они лезут мне в карманы, что все это должно означать.

У кровати с помощью сестры милосердия я снял плащ и ощупал карманы. Мне не терпелось понять, почему столько людей туда залезло. Я вынимал и вынимал: хлеб, солонину, кусок пирога, сладости, сигареты, даже какую-то мелочь — пол-копейки, одну, пятак.

(...) Наташа — моя сестра милосердия — выдала мне на дорогу килограмм кускового сахара, кулек чая, два платочка и подарила роман Толстого «Война и мир» в четырех красиво переплетенных томах. Эта книга должна была постоянно напоминать о ней. В кармане у меня болталось копеек десять, на которые, между прочим, я мог закупить много всякой всячины. На прощание она сказала, что хотела бы еще раз встретиться со мной хоть однажды. После отъезда из Самары я никогда больше ничего не слышал о ней. (...)

Я ехал в купе второго класса с бархатными сиденьями. Моим спутником был офицер родом откуда-то из Австрии. (...) На больших станциях днем мы получали только обед, так же как и сопровождавшие нас русские солдаты. Еда была очень хорошая, иногда даже великолепная. На питание нам в день выделялся, если не ошибаюсь, один рубль. Ужина обычно не было, иногда, впрочем, и обеда. Когда мы не получали горячей пищи целый день или получали только ужин, нам должны были выдавать этот рубль целиком или часть его за вычетом ужина. В большинстве случаев нам ничего не выдавали. Для нас, привыкших к порядку, такие поступки стали первым тяжелым испытанием. Нам некому было жаловаться. Мы зависели от милости начальника.

Еду очень дешево можно было купить на любой станции в любых количествах. Особенно много было масла в небольших бочонках и выложенного горками разной величины на тряпках. На досках горами лежали булки. Продавали жареных гусей, кур, колбасы, свинину, пироги с сыром и без него. Всего было полно — совсем как у нас дома до войны. Сибирь очень богатый край! А раньше я представлял ее дикой и бесплодной землей, на которой заключенные и политические ссыльные умирают от голода и холода. А вместо этого — повсюду мирная и богатая жизнь. (...)

...Почувствовал и я на себе тяжелую руку русского царизма и его холопов, рассказывал я писарю. Мой товарищ вел меня, раненого. Ко мне подошел русский солдат. Чтобы не потерять равновесие, я схватился за него. Без какой бы то ни было причины он вдруг ударил меня по лицу, сначала с одной стороны, а потом с другой. Меня, нуждавшегося в помощи! (...)

...Русские были столь гуманны, что разрешили дамам

Пленные первой мировой войны.
Справа — автор «Воспоминаний».

из общества посещать нас. Они приносили всевозможную еду и питье. Большинство надеялись выведать что-нибудь у нас о своих близких, с которыми мы могли случайно встретиться. Мы всем им рассказывали, как один сумасшедший солдат пощечинами «лечил» больного пленного неприятельского офицера. На третий день в казарму неожиданно нагрянула русская офицерская комиссия. Они спросили нас по-русски, не здесь ли случайно находится офицер, который получил пощечину. Я им сообщил, что это я. Тогда старший из них по чину спросил меня по-немецки, могу ли я опознать его. Мы с товарищем ответили утвердительно. Сразу прозвучала тревога, и, когда все солдаты выстроились, мы обошли строй. Мы сразу указали нападавшего. Офицеры тотчас вывели его из строя и куда-то увели. Мне неизвестно, что с ним случилось.

...Свержение царизма Тара отметила торжественно. Повсюду были вывешены красные флаги, кое-где — русские знамена. Солдаты в парадной форме шествовали по городу, горожане и крестьяне из окрестных деревень высыпали на улицу. Дисциплина в армии падала, солдаты палили без приказов — когда вздумается. Потом начали стрелять и горожане.

После нескольких дней всеобщего ликования в Таре стали появляться неизвестные типы подозрительного вида; они терроризировали население, грабили прохожих. Царских жандармов или убивали, или по приказу властей заключали в тюрьму. Старая власть была разрушена, а новой еще не было. Занятия с солдатами прекратились. Подобно стаду овец или свиней, они, пьяные, бродили по улицам с оружием и орали. На их лицах бы-

ло дикое выражение. Это была уже не армия, а сборище пьяных обезумевших людей, озлобленных против всех и вся.

Революция начала показывать свое истинное лицо! Разбой, кражи, ограбления, убийства, поножовщина и поджоги в деревнях стали обычным делом. Первой жертвой в Таре оказалась солдатка, жившая в маленьком домишке на окраине города со своими пятью или шестью детьми. В одну из ночей неизвестные злодеи перерезали всю семью. Весь город кипел от негодования: безжалостно вырезали ни в чем не повинную бедную семью, глава которой находился на фронте. Почти все население Тары — и русские, и татары провожали траурную процессию. Когда она проходила мимо моих окон, у меня сжалось сердце от тревоги за свою семью. Будут ли и другим жертвам оказаны такие же почести, как и этим первым? Вызовут ли новые жертвы такое же всеобщее сочувствие?

Но последующие жертвы провожало все меньше и меньше людей. Сочувствия было все меньше и меньше. В конце концов погибших хоронили только родственники, а о неопознанных никто не заботился. Совсем как у нас на фронте. Не существовало ни следствия, ни тюрьмы, ни суда. Все правовые нити были разрезаны. Произвол и оружие стали единственными судьями.

...Весь период правления Керенского был временем борьбы министерств и солдатской организации «совета солдат и рабочих». Новая гражданская власть издавала распоряжения, пытаясь прекратить анархию и беспорядок и восстановить силу закона. Распространялась озлобленная агитация против «богатых» и «буржуев». «Буржуями» в глазах солдат выглядел просто хорошо одетый человек. Совет в Таре саботировал большинство правительственных распоряжений; их либо не исполняли вообще, либо делали как раз наоборот. На первый взгляд, власть находилась в руках правительства, фактически же — в руках Советов. Из-за борьбы между ними, из-за постоянных конфликтов клубок не распутывался, а запутывался ту же и ту же. Это происходило по всей России.

Серебряные и золотые деньги исчезли из обращения — их стали прятать. Керенский распорядился печатать новые бумажные деньги, в основном пятидесятирублевыми банкнотами. Они обесценивались, и все автоматически дорожало. Пропали из продажи полотно, сукно, чай, сахар.

Пленные в сравнении с жителями Тары были в большей безопасности. Перед нашим домом круглые сутки стоял часовой, а по ночам — и во дворе. Русская военная администрация опубликовала сообщение военных министерств Турции, Германии и Австро-Венгрии о том, что за одного убитого пленного в России будут расстреляны двое русских пленных.

Это сообщение подействовало, и в Таре не убили ни одного пленного. Без преувеличения можно сказать, что пленные были больше спокойны за свою жизнь, чем граф Бестужев, которого одинаково любили и штатские, и солдаты. (...)

...Нам в Таре не было ничего известно о событиях в Петрограде. Почти не было. Солдаты, успокоившиеся было после свержения царя, стали еще более невыносимыми и наглыми, если вообще существует градация этого понятия. Всю Тару они «скрутили в козий рог». Они были подлинными хозяевами и ждали только подходящего момента, чтобы формально взять власть в свои руки. Вся Тара сидела как на иголках.

Однажды поутру появилось воззвание о переходе власти в городе к Советам. Совет рабочих и солдатских депутатов сам себя провозгласил единственным органом государственной власти. Солдаты были на его стороне, а горожане вынуждены были молчать. В главных ролях выступали самые бесстыдные, и они-то и принимали все решения. Начались расправы. Всех известных сторонников царизма или правительства Керенского посадили в тюрьму. Самых опасных отправляли в Омск. Этим несчастных конвой доводил только до леса, где, как говорили, они пытались бежать и погибали от пуль в спину.

Комиссар был и властью, и администрацией, и судом. Учитель Закона Божьего в женской гимназии, старый православный священник, был изгнан со службы. Его назначили чистить отхожие места. Этому священнику было за пятьдесят. У него была большая семья, в том числе и дочь-красавица, за которой ухаживали многие пленные офицеры. Его обвинили в растлении гимназисток. Он был наказан очень унижительно и без всякого суда. Все население Тары содрогнулось.

Совет назначил графа Бестужева командиром. Назначенный на его место прапорщик был по отношению к нам услужлив, любезен и вежлив. Даже комиссар не чинил нам никаких несправедливостей. Мы получали все, чем нас обязаны были обеспечить по Женевской конвенции. Позднее вышло известное воззвание, провозглашавшее пленных свободными. Поэтому у нас за квартиру стали удерживать часть нашего месячного содержания.

Все старые учреждения были ликвидированы, во всех областях государственного управления, суда и армии издавались новые декреты. Новые декреты не могли в один день создать новое общество, и наступил хаос. В этом коммунисты обвиняли неугодных людей. Их судил революционный суд, для которого не существовало никаких законов, кроме его собственного решения. Большинство обвиняемых приговаривались к смерти. Замерла торговля, встал транспорт, поскольку Советы взяли их в свои руки. Они провозгласили торговцев ворами и организованными разбойниками. На выборах в Совет торговцы не получили права голоса.

Население перестало платить налоги. А поскольку государство не могло просуществовать без средств, были наложены контрибуции на дома и землю. Рядом с нашим стоял дом, хозяин которого кое-что отложил себе на старость. С выгаращенными глазами он прибежал ко мне и рассказал, что от него требуют почти немедленно уплатить две тысячи рублей. Да весь его дом больше не стоил!

Воевавшей армии необходимо было поставлять продукты и лошадей. Государству было нечем платить, и оно решило просто отнять у крестьян некоторое количество коров, свиней и лошадей. Это всколыхнуло крестьянство. Это была первая так называемая реквизиция. Деревни сговорились между собой не отдавать государству скот. Чтобы силой отнять необходимое количество скота, были направлены особые красные отряды. Крестьяне, звавшие об их прибытии, перерезали в окрестностях Тары весь скот. Позднее я узнал, что так было по всей России. За пару дней была уничтожена почти треть всего домашнего и тяглогового скота.

Коммунисты изображали эти меры как неизбежное зло, необходимое для окончания войны.

...Половина венгров, некоторые австрийцы и треть немцев вступили в Красную Армию либо обманутыми,

либо насильно.

Большевики набрали для своей армии достаточное количество солдат. Она насчитывала более миллиона человек. Четверть из них были австрийскими немцами и пруссаками, 200000 — венграми, 100000 — латышами, 100000 — пленными разных олаванских национальностей, четверть миллиона — русскими и еще четверть — китайцами. Они могли опереться на эту армию, поскольку, с одной стороны, это были добровольцы, которые скорее умрут, чем отдадут оружие врагу, а вторых, большинство этой армии составляли опытные солдаты-фронтовики.

...В Таре и ее окрестностях все бурлило. Волнения перекинулись на город Белые по ночам проникали в город и расклеивали по стенам домов листовки — призывы к восстанию. Крестьяне были озлоблены против большевиков больше, чем против царя.

Советы, конечно, знали об отношении к ним, но не принимали его всерьез. Все важнейшие населенные пункты вдоль сибирской железной дороги были заняты венгерскими отрядами Советской Армии, перемешанными с немцами. Китайцев в основном перебросили в европейскую часть России. В Сибири Советы не чувствовали себя в безопасности — сибирские крестьяне были настроены против них из-за различных реквизиций. Поэтому-то царя из Тобольска перевезли в Екатеринбург еще до наступления осени.

Русские офицеры — и кадровые, и резервисты — казались Советам наиболее опасными. Огромное их большинство не пожелало вступить в Красную Армию и составило костяк сопротивления. Его необходимо было сломить. Всем офицерам было предписано явиться в один и тот же день в казармы. Там переписали их имена, после чего объявили арестованными. Так в одночасье большевики избавились от большинства своих врагов. Меньшая, наиболее активная часть офицерства не пожелала явиться, а предпочла скрыться от преследований и начала создавать подпольные организации.

Приблизительно в то же время в Таре были проведены реквизиции пшеницы. Поскольку власть не полностью доверяла Красной Армии, из Омска были вызваны отряды немцев и венгров. Полагали, вероятно, что те более пунктуально и безжалостно выполнят приказ. Пшеницу реквизировали, но трудно было найти деревню, в которой не было бы казенных.

...С берега Иртыша доносились выстрелы — это белые салютовали уходу красных. Вновь зазвонили колокола, но не набатно, а будто приглашая прихожан на праздничную службу. Все высыпали на улицу, плакали, смеялись, кричали. Все пространство от нашего дома до центральной площади было забито народом. Из подполья вышли офицеры в царской форме; из тайги вышли отряды белых партизан. Все радовались свободе и кипели ненавистью к красным. (...)

С площади доносился гул голосов, постепенно приближавшийся к нашему дому. В середине толпы везли телегу. На ней сидели женщина и несколько арестованных. Толпа начала кричать: «Шпионы! Лазутчики! Венгры!» Гул нарастал. Людской поток остановился под моими ногами. «Венгры! Шпионы! Большевики!» — неслось со всех сторон. «Убить их! Прикончить этих венгров!» Людская река почти остановилась, вода как бы перестала течь. А стоячая вода, как известно, портится, дурно пахнет, мутнеет и становится опасной для здоровья. Напряжение достигло апогея.

Я смотрел в окно на лица людей. Они были возбуж-

дены и искажены ненавистью. Крестьяне, сторожившие пленных, сохраняли суровое спокойствие. Женщина стояла рядом с телегой подобно призраку. На ее лице был смертельный ужас. Из соломы на телеге извлекли труп мужчины лет тридцати. Он упал рядом с ней. Женщина запричитала: «Мой муж! Да это же мой муж! Я латышка, а не венгерка!» «Прикончить всех латышей и венгров!» — раздалось в ответ. Дело в том, что часть латышей, служивших в русской армии, сразу же перешла на сторону большевиков, как и часть пленных венгров. Раздалось несколько выстрелов, которыми убили и латышку.

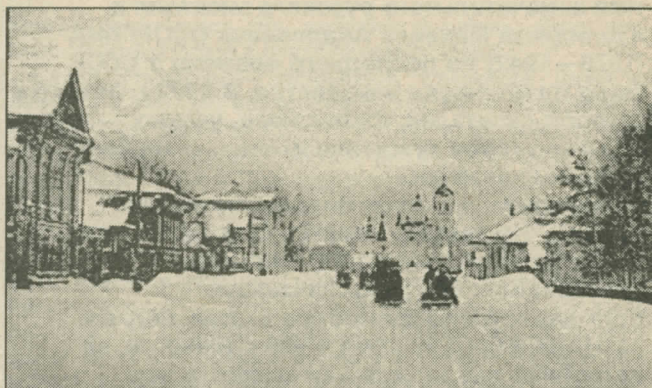
Чехи наскоро расправились с коммунистами-венграми: они просто убивали всех, кто попадался к ним в руки. Коммунисты скрылись в тайгу. На них началась охота. Чехи вооружили оставшиеся от красных суда и на них приплыли в Тару. По пути они причаливали около деревень в поисках венгров. Чехов ждала вся Тара. Горожане их сердечно приветствовали, а наши пленные подготовили целый торжественный концерт.

(...)Вся большевистская власть была упразднена. Трудно было найти людей, способных взять в свои руки управление: наиболее знающие были ликвидированы во время предыдущих событий. Вновь наступил хаос(...)

Коммунистов истребили повсеместно, за исключением самых крупных городов — Омска, Томска, Владивостока и рудников Нерчинского края. В деревнях их убивали крестьяне.

...В Омске было создано правительство во главе с социалистами-революционерами. Оно пользовалось доверием и горожан и крестьян, и левых и правых противников царизма и было встречено с воодушевлением. Главная его задача состояла в том, чтобы привлечь на свою сторону крестьянство, что ему и удалось. Было очевидно, что в гражданской войне победит та партия, сторону которой примет большинство крестьянства. Но правительство социалистов-революционеров в Омске свергли, а верховным правителем Сибири был провозглашен адмирал Колчак. Мне кажется, что назначение Колчака было самой большой ошибкой, какую только могли совершить в Сибири политики. Большинство русских увидело в этом знак возвращения царизма. Люди были озлоблены против Колчака еще и за то, что он держался силой чужаков — французов и в какой-то степени чехов, которые — и это правда — сыграли большую роль в сокрушении коммунизма в Сибири, но все же не смогли даже косвенно навязать свою волю русскому народу. Правительство Колчака распорядилось реквизировать пшеницу, масло, другие пищевые продукты, а позднее объявило мобилизацию. Было тревожно. Некоторые люди выступали против Колчака, и в Таре была расквартирована чешская часть. В деревни направлялись офицерские роты и бывшие царские жандармы для выполнения приказов о реквизиции и мобилизации. Крестьян заставляли отдавать скот по самым низким ценам, а взамен давали расписки. Власть, которую поддерживали крестьяне, выступила теперь против них. Колчака они возненавидели так же, как и большевиков.

...Некоторые деревни были со всех сторон в окопах — из них крестьяне обстреливали колчаковских офицеров. Против таких деревень высылались карательные экспедиции, состоявшие в основном из казаков и бывших царских офицеров. Они с ужасающей жестокостью умирляли крестьян. За четыре месяца настроения крестьян изменились коренным образом. Они вместе с горо-

Тара. До «смутного времени».

жанами бежали на север, в тайгу, создавали шайки и грабили поезда. Они обстреливали их из ружей и подкладывали на пути мины. Трагедии на железной дороге стали обыденным делом.(...)

Я был зачислен прапорщиком в югославянский полк. Я опять стал солдатом, на этот раз — французским легионером. Польский, финский, эстонский, латышский, румынский и югославянский полки напрямую подчинялись французскому генералу Жанину, который командовал и чехословацкими частями. Все эти полки были созданы по французскому образцу, а финансировала их французская военная миссия в Сибири.(...)

«Международная шайка» — так нас называли все русские — и белые, и красные, и нейтралы. Белые и красные сражались между собой до полного уничтожения. У них не было между собой ничего общего, их ничего не связывало, кроме ненависти к нам. Белые, вероятно, ненавидели нас больше всех. Те из нас, кто выходил в одиночку или без оружия, никогда не возвращался больше в свой отряд. Неважно, кого встречали они на своем пути — белых или красных, — каждый нападал на нас.

...Некоторые отряды армии Колчака задержались в Нижнем Удинске. Новое правительство социалистов-революционеров сразу же подчинило их себе. У солдат было много золотых и серебряных монет. Мы им за хорошие деньги продавали одежду, обувь и еду. Говорили, что скоро прибудет эшелон самого Колчака с двадцатью шестью вагонами золота. Ходили слухи, что эти солдаты разграбили один вагон этого эшелона.

Генерал Жанин издал приказ о задержании этого эшелона в Нижнем Удинске. Наш батальон был в полной боевой готовности. Около ста пулеметов с миллионным патронов только ждали приказа. С нами на вокзале был и чешский батальон, который и разоружил Колчака. Он был передан революционно-социалистическому правительству в Иркутске. Чехи, вероятно, заключили с большевиками какую-то сделку: они задержат и разоружат Колчака вместе со свитой и передадут золото правительству, в обмен на это всем полкам будет разрешен беспрепятственный проезд через всю Сибирь. 4 января правительство Колчака пало.(...)

Перевод с сербо-хорватского
и подготовка публикации
кандидата исторических наук С.Романенко

Имя замечательного русского писателя и публициста Михаила Андреевича ОСОРГИНА (1878—1942) до последнего времени в СССР было практически неизвестно. В 1922 г. вместе с группой писателей, философов, ученых — тех, кто смел «свое суждение иметь», — он был выслан из России.

Надо отдать должное большевикам: они ведали, что творят. Осоргин был их последовательным и непримиримым противником. Его разоблачающие большевистскую демагогию статьи, полные неподдельного чувства и убежденности, не оставляли равнодушными никого, в ком сохранялись хоть крохи обыкновенной — не классовой — морали.

В молодости сам Осоргин (тогда еще юрист и мало кому известный литератор Ильин) был членом эсеровской партии. В 1905 г. за участие в революционной деятельности сидел в Таганской тюрьме. После освобождения он эмигрировал и с тех пор никогда, ни за границей, ни в России (куда он вернулся в 1916 г.), не примыкал ни к каким партиям, ибо, по его собственным словам, пришел к выводу, что «судьбы мира решаются не спорами гигантов мысли, а трудовыми усилиями средних и малых единиц. А также просвещенностью и нравственным обликом этих самых «единиц».

Однако именно годы революционной деятельности дали Осоргину исключительно богатый материал для художественного осмысления действительности. Об эсерах, о величии и тщете их подвига написаны, быть может, лучшие романы Осоргина:

«Свидетель истории» (Париж, 1932) и «Книга о концах» (Берлин, 1935). К этой же теме Осоргин постоянно обращается в своих очерках, воспоминаниях, эссе, рассыпанных по страницам эмигрантской печати.

В журнале «На чужой стороне» (1924 г., № 6) появился цикл небольших мемуарных очерков Осоргина — «Венок памяти малых» — о рядовых членах эсеровской партии, среди которых были

и безымянные герои, и люди, потерявшие нравственные ориентиры. Очерк, публикуемый ниже, привлёк наше внимание тем, что в нем с фотографической точностью воспроизведен портрет того люмпена, который, впервые заявив о себе в 1905 году и положив начало злосчастному «роду Шариковых», к 1917-му стал едва ли не самым типичным представителем низового слоя революционеров.

Михаил ОСОРГИН

ГРИША — ЧЕРЕПОДРОБИТЕЛЬ

Если бы я хотел в своих воспоминаниях льстить памяти тех, с кем встречался, и окружать ореолом больших и малых подвижников революции, — я воздержался бы от описания встречи с тем, кого мы называли Гришей-Череподробителем. Кстати, вряд ли кто вспомнит об этом юноше, случайно вошедшем в ряды революцио-

неров и внезапно исчезнувшем; его могли в Москве знать лишь очень немногие. Но он мне нужен так же, как родственник ему «товарищ Павел»; я в нем вижу прообраз революционеров октябрьского призыва, нами не угаданных и не понятых, но широко использованных теми, кто сейчас правят Россией.

Гриша — молодой рабочий, лет восемнадцати, высокий черноглазый красавец, с усмешкой на губах (пожалуй — усмешкой над нами, интеллигентами), приехал в Москву из провинции. Кто и почему направил его ко мне — не помню. В Москве он никого решительно не знал. Было это, кажется, в октябре или ноябре 1905 года. Я заинтересовался, почему Гриша бросил свой родной город.

— Там мне оставаться неудобно было. И делать нечего, да и обидели меня очень. Несознательные у нас.

— А что случилось?

— Завелся у нас на фабрике свой шпик. Рыжий такой, тоже из рабочих; все его знали. Сначала сомневались в нем, а потом и доказательства получили. И все он у нас проваливал, всякую работу. Очень разнахалился, даже не скрывал. Ну, я его устранил.

— Как устранили?

— А просто. Сидели мы на лавочке, я его камнем по башке — он скovyрнулся. Конечно, у меня сила в руках большая. И все бы ладно, а только в газетах написали, будто рабочего рыжего черносотенцы убили. Ну, я этой обиды не стерпел — уехал. Невозможно работать в несознательном городе!

— А что вы хотите здесь делать?

— Хотел бы по части террора, по специальности.

Долго я объяснял Грише, что «по части террора» его не примут, что лучше бы ему поучиться в кружках, почитать, подумать; что нельзя по собственному выбору и суду бить первого попавшегося камнем по башке, что это не террор, а убийство, и вообще убивать человека — дело страшное и великое несчастье. Он прервал меня:

— Да я же не человека, я — шпика!

В заключение беседы Гриша обещал мне, что устроится на фабрике и будет посещать кружки, учиться.

— Конечно, мне учиться нужно. Хоть и читал разные произведения, а знаю я мало. Я это понимаю, сознательный все же.

Я познакомил Гришу с кем-то из партийных рабочих, и ему помогли устроиться на фабрике. С месяц я его не видел. И вот, однажды, он опять зашел в праздник «посидеть-поговорить».

— Ну как, устроились?

— Конечно, устроился. Силы у меня много, на любой фабрике — нужный человек.

— А в кружках бывали?

— Конечно. Но только не по моей это части; скучно там очень, и все нам уже известное. Разговоры одни, а настоящего дела никакого.

— А вы что хотите?

— Мне бы вот по части террора, чтобы прямо за дело.

Опять длинный разговор. Кстати объясняя Грише, что я ему все равно «по его части» не могу быть полезным, что я даже не знаю, есть ли в Москве террористическая организация и, если есть, как в нее войти. Человека неизвестного, неиспытанного никто туда не допустит. Слушает, улыбается, потом откровенно признается:

— Я тут сам устроил одно дело.

— Какое?

— По части террора! Невозможно с ними иначе. Во-первых, шпики нас одолели, а потом еще полицейские урядники под Москвой, эти новые, которых по рабочей части назначают. Ну, я все-таки управился с двоими. Уж очень мерзавцы! Одного чай пить в чайную позвал, а с

другим ссору завел. Ну, конечно, я потом обоих уложил. У меня же сила в руках чрезвычайная.

Сидит передо мной спокойный, улыбается. Даже не поверил я ему. Но после навел справки — действительно, рабочие рассказали, что кто-то в их районе убил шпиона и стражника; предполагали, что сделать это мог только Гриша-Череподробитель. Я просил их заняться Гришей, удержать его от таких выстулений, втянуть его в серьезную компанию.

Но, говоря по правде, вряд ли могли и мои, и их доводы подействовать на Гришу в этот момент обострившейся борьбы — перед самым декабрьским восстанием, — когда полиция вооружала банды черносотенцев, нападавших и порознь и кучками на студентов, интеллигентов и заподозренных в революционности рабочих. Приближались дни страшные. Если в моих глазах Гриша своими сепаратными выступлениями мог опорочить революцию, то в глазах рабочих он был, скорее, героем. И кто из нас был более логичен — не знаю. Знаю только, что Гриша в моем представлении был антиподом тех идейных террористов, каких я знал и перед страдальчеством которых преклонялся.

В последний раз я видел Гришу в дни восстания. Он зашел ко мне довольный и возбужденный, рассказывал о баррикадах, о столкновении рабочих с отрядом семеновцев, о пресненских делах. Все это было «по его части». Сидел не долго — ушел; под пальто у него висел маузер с прикладом — гордость баррикадиста.

Наводил о нем справки позже, и вот все, что узнал. Гришу видели на улице в схватке дружинников с патрулем солдат. Он отстреливался и успел убежать. Так как за ним гнались, то он, выбрав момент, махнул где-то через невысокий забор — и попал прямо в обширный двор, где скрывался в засаде большой наряд городских. Больше о нем никто ничего не слышал. В тюрьме, куда многие из нас попали в момент ликвидации восстания, Гриши не было. Людей же, по тому времени, убивали с такой простотой — и в участках, и в Охранке, и на улице, — что судьба Гриши мне более или менее ясна. Но возможно, конечно, что каким-нибудь чудом он и уцелел.

Вот и все о Грише. Для революции 1905 года, чисто интеллигентской по характеру, это был новый человек; он родился слишком рано; настоящее место было ему в красных кадрах октябрьской революции — или, может быть, в рядах партизанцев против них. Вряд ли он смог бы разобраться сам, — вернее был бы с теми, с кем случайно завел дружбу. Гриша-Череподробитель, при всем его личном бескорыстии, при всей его искренней революционности, был по темпераменту — боец, по характеру — авантюрист. Призванием его была «работа по специальности». Из таких людей вербуются с одинаковой легкостью и герои, и бандиты.

Публикация Л.ПОЛИКОВСКОЙ

НЕ УЧИТЕ ЖИТЬ ДРУГ ДРУГА

— Послушай, — сказал Генри, молодой профессор из Беркли, прошедший со своей семьей несколько месяцев в Москве, — знаешь, что больше всего поразило меня в Советском Союзе? То, что у вас все учат друг друга. Вот, например, идя со своей пятилетней Кейт по московскому парку. Подходят ко мне какие-то женщины и начинают выговаривать: «Почему вы так легко одеваете вашу дочь? — сегодня очень холодный день» или «Зачем вы часто разрешаете ей сидеть у вас на плечах — она ведь привыкает, так и будет всю жизнь сидеть...»

Действительно, учить на каждом шагу друг друга совсем не американская черта. Уважительно здесь относятся не только к взрослым, но и к детям. Американские малыши, конечно, и суп на пол разливают, и игрушки портят, и родителям докучают многочисленными вопросами, но их никто не дергает. «Не кричи, а то...», «Отстань со своими глупыми вопросами, а то...», «Не ломай, а то...».

Не подумайте только, что отношения в американских семьях сродни спартанским. Воске нет. Родители любят, обожают своих детей, даже балуют их иногда, но без чрезмерностей, без тошнотворного сюсюканья. И дети вырастают в самостоятельных мужчин и женщин.

Когда мой приятель из Беркли, тот самый, который не любит, когда его учат, задал мне вопрос: «А что тебя больше всего поразило в Америке?», я, не задумываясь, ответил: «Взаимоотношения между людьми». Мне довелось ежедневно «от сих до сих» наблюдать за работой американцев в различных университетах, архивах, библиотеках.

Наблюдая за отношениями между коллегами по работе, что называется, в процессе труда, где бы я ни был, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь повысил голос на другого, я не говорю, накричал — это просто ЧП, во всеулышание выговорил, выругал другого. Начальник не позволяет себе грубости, не выходит из себя, держится в рамках, даже если у него есть все основания для разноса подчиненного. Опоздавшему молодому человеку директор архива весьма прозрачно намекнул, что его отсутствие не осталось незамеченным. И все, без всяких оргвыводов. Молодой человек, видимо, уловил в этом намеке весьма серьезное предупреждение и с тех пор приходил чуть ли не раньше других.

Весьма странным казалось и то, что никто не говорил о ком-нибудь дурно в его отсутствие; ни словом, ни брезгливой гримасой отсутствующего не оскорбляли.

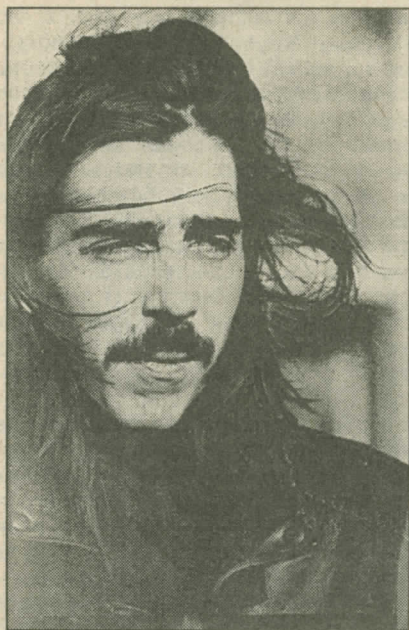
Не считите это за идеализацию отношений американцев между собой. Уверен, что многие недолюбливают, презирают, может, даже ненавидят друг друга, тем более тех, с кем ежедневно встречаются на работе, но эти свои чувства они держат при себе, не унижаясь до открытых столкновений, ругани, склок. Нужно долгое время знать американца, может быть, стать его другом, чтобы он вдруг откровенно сказал что-нибудь вроде: «Ненавижу Билла! Мне отвратительна его манера держаться высокомерно».

Точно так же от американца редко можно услышать жалобы на болезни, семейные неурядицы и т.д. На традиционный вопрос «Как твои дела?» непременно следует не менее традиционное бодрое: «Прекрасно!» Даже несмотря на то, что, может быть, в этот день у него крупные неприятности и ему свет не мил. Вы будете слышать бодрое «ОК» неделями, месяцами, и только, когда к вам появится доверие, вдруг неожиданно-негаданно услышите в ответ на тот же вопрос: «Как дела?» — «Да так, ничего, бывает и лучше. Вот что-то сегодня печень побаливает».

Кажущаяся на первый взгляд закрытость объясняется не только нежеланием раскрыться, обнажить свою душу, но и отвращением к навязыванию себя, своих бед и проблем. Своим поведением американец как бы говорит: «Это мои проблемы, никто не может мне помочь разрешить их, а потому не стоит ими беспокоить других». Проще всего это можно было бы объяснить традиционным американским индивидуализмом, если бы здесь не примешивалось иное — уважение к себе подобному. Описанное выше характерно для всех слоев, для людей любого достатка, вплоть до миллионеров и миллиардеров. Так, наверное, и надо относиться и к взрослым, и к детям — с уважением, не унижая достоинства других и не роняя своего. Но я, кажется, сам склоняюсь к поучению...

Марк ЛАПИЦКИЙ

«РОК-Н-РОЛЛ» И... ГЕТЕ

Длинноволосый заклепанный рок сегодня даже не ругают. Переключают на другую программу — и вся любовь. Просто «достал» уже этот многотиражный рок-протест против сами забыли чего. Эстрада — это вообще как мороженое. Но без сливок. Никакой пользы от него, кроме вреда, организму. Нам так хочется сладкого в нашей остроспецифической жизни. И при этом и в дрему не погрузиться, и в политпомешательство не впасть.

Об этом — разговор нашего корреспондента А.Ефимовой с «отколовшейся половинкой» одной из самых вчера у нас звездных рок-групп «Наутилус Помпилиус» Дмитрием УМЕЦКИМ.

— Все-таки ты не совсем типичный для нынешней музыкальной ситуации человек. На концертах имя «Умецкий» не услышишь, а новость откуда взялись песни и клипы Умецкого, которые вдруг попали в хит-парады и даже в советский этап международного конкурса видеоклипов — в девятку программы «Супершоу». Ты что же — в некотором роде рок-отшельник?

— Нет, аскетизмом я похвастаться не могу. Я скорее перестраховщик. Уязвимое место в советском шоу-бизнесе — его ориентация на концерты. Жесткая прокатная система; надо быстро записать некий удобоваримый музыкальный мате-

риал, прогнать его по радио и ТВ, чтобы завлечь народ, а потом — потребительский рынок у нас колоссальный — оперативно, пока тебя помнят, ехать на концерты, под фонограмму, на заработки. Наши ведущие рок-группы, и «Алиса» и «ДДТ», например, не работают под фонограмму, играют сплошь «живые концерты». В этом их сила и огромная трата сил. И, между прочим, заработанных таким образом денег хватает, что называется, «на жизнь». На хорошую, с хлебом, с маслом, с машиной, квартирой с мебелью, но это только работа на сегодняшнее самообеспечение, завтрашнего дня в ней не просматривается. Даже на то,

чтобы посидеть-подумать два-три месяца в студии, эта сумма не тянет.

— Ты-то как «высидел» свою новую музыку?

— Ну, это история долгая. Она началась еще с «Нау». В Москву мы въехали, как и замыслили у себя в Свердловске, только на белом коне. Тогда, в 1987 году, мы были еще весьма непрофессиональны. С первых шагов в Москве я стремился не в рок-н-рольные тусовки, не ко встречам с мэтрами проката, не в рок-лабораторию, а к людям, которые могли бы серьезно подвинуть команду на новый уровень сознания. Так я сошелся с интереснейшими людьми творческого объединения «Эрмитаж». Они были первые, кто на третьем (!) году перестройки выставлял Неизвестного, Оскара Рабина и мечтал создать в Москве культурный центр по аналогии с центром Помпиду в Париже. Из этого общения я и вынес для себя идею о синтезе искусств. Причем тогда не было ничего невозможного. Рок выступал провокатором культурной ситуации в обществе, способным привлечь экспериментаторов от искусства. Потом все стало приобретать другой смысл. Началось, когда молодые художники из «Эрмитажа» и наши рок-группы работали на «Ассе», не разобравшись сперва, что участвуют едва ли не в профанации...

— Как? «Асса», легализировавшая, можно сказать, подвальный советский рок?!

— И отчасти скомпрометировавшая его. Потому что сама картина — неправда. Можно было бы превратить соловьевское даже кино в сказку, но чтобы характеры были точно выдержаны. Не мог реально рок-н-ролльный музыкант играть в ресторане. Именно в тот период. В кочегарку он пошел бы, но Цой, занимающийся на работу в ресторан, — это уже не Цой. Это ложь. Вечер он поет в ресторане, потом дает концерт на площадке: «Перемен мы хотим, перемен». Каких перемен? Ребят, понятно, резко выдернули из андеграунда, для них заманчиво было оказаться в новой творческой среде, с другими людьми. Но нельзя бросаться с головой в омут, можно попасть «в оцип». Как и получилось на «Ассе».

— Какое же твой личный, опробованный вариант реабилитации рока в глазах публики?

— Необходим был определенный период накопления информации. Но... мои коллеги-музыканты захотели играть концерты. Сочли, что имени «Наутилус» хватит где-то на год, и пора косить большие деньги, пока всходы свежие. Слава Бутусов поддержал эту позицию. Дальше мне уже было неинтересно. Я ушел.

Мы примирились со Славой через полгода. К тому времени сформировалась мысль о необходимости играть другую музыку, использовать живой звук, а не только электронные инструменты. Работать в союзе с людьми иной творческой логики. Рок-н-ролльная идея объединить таких людей уже не могла. Я предложил идти в кино, хотя имелся опасный соловьевский пример. В основу проекта мы заложили очень простую и очень обобщенную историю человека, от рождения до смерти, со всеми надеждами и разочарованиями. Но, увы, два лидера в команде — ситуация редко долговременная. Весь проект рассыпался, когда мы со Славой окончательно расстались.

— Теперь-то, когда у тебя выходит альбом на «Мелодии», идут переговоры о твоём будущем фильме с А.Миттой, думаю, не просто ты намерен в одиночку повторить то, что не вышло в дуэте с Бутусовым. До некоего того искомого НОВОГО ты все-таки доразмышлялся, «отсидевшись» положенное время в студии?

— До того, что мне близка философия постмодернизма. Я не искусствовед, я говорю о своем понимании этого термина. Для меня это — тип сознания, особо актуальный сегодня. Для рока, музыки вообще, для культуры, для всех нас, вместе взятых.

Я понял, что «Нау» интуитивно уже использовал в своем творчестве постмодернистские принципы. Но, по сути, наше сознание и отношение к окружающему миру все еще было модернистским. Мы противопоставляли себя людям, о которых пели. Шло четкое деление на гения и массу. При всей демократичности рок-н-ролла. В нашей стране, где огромный опыт доведения всего до абсурда, социальность уже вызывает у людей аллергию. Именно у нас модернизм приобрел ярко выраженную форму соц-арта. Хотя социальный протест — это далеко не всегда модернизм. И наоборот.

Когда я ушел из «Нау», я твердо решил отказаться от прямой социальности. Было сильно искушение взять свои 4 песни из последнего совместного со Славой альбома «Человек без имени». Но то был концептуальный альбом, и выдергивать куски не имело смысла. Я начал писать с нуля. Много сделал адаптаций и переводов из Борхерта, немецкого поэта, не имевшего никакого отношения к рок-н-роллу. Меня привлекли в нем глубокий смысл и предельная простота. «Попробуй быть хорошим. Встань в середине дождя. Поверь, капли его из крестильной купели. Войди в его шум. И попробуй быть хорошим». Вообще, метод постмодернизма — работа со стереотипами. Как средством выражения авторской мысли. Нужен Софокл — цитируй, нужен Моцарт — преломляй. Никаких комплексов. Постмодернистская идея для меня — это обязательно добрая идея. Должен быть непременно положительный заряд. Не значит, что исключаются «чернушные» моменты, но чтобы общий результат шел «в плюс». Не в соцреалистическом, конечно, смысле. Человечество столько раз стояло на грани, могло погибнуть — в войнах, катастрофах, — и все-таки люди рожали детей, и писали вечные книги, и звучала музыка.

Я проводил параллели между разными молодежными движениями. Они похожи во все эпохи. Скажем, Гете и Бюргер. У них был свой «рок-

н-ролл» — «Штурм унд Дранг». Но Готфрид Август Бюргер так и остался на уровне социального протеста, Гете застрелил своего Вертера, но сам стреляться не стал, отошел от этой борьбы, включил ее опыт в свое творчество, обратившись уже к общечеловеческой истории, а не к частным ее случаям. Это позволило ему понять окружающих людей, тех же бюргеров и аристократов, и написать, наконец, «Фауста». И получается, презренная «обывательская» мораль есть то самое, за что стоит бороться... Те самые десять заповедей.

Постмодернистское сознание, на мой взгляд, тесно смыкается с религиозным. Когда человеку с детских лет «на пальцах» объясняют сложные и вечные вещи: есть Бог, и он един в трех лицах, есть добро и зло, есть понятие греха... И вообще «ничто не ново под луной», в том числе и «новое мышление». Запад давно к этому пришел, занялся построением Европейского Общего Дома. И мы потихоньку туда же идем.

— Но ведь вечные истины столь очевидны, бесспорны, банальны даже, что непонятно, зачем громоздить в искусстве, в том же твоём роке эти многоэтажные конструкции, эти постмодернистские дебри?

— Если к тебе подойти и сказать «Не убий», ты пожмешь плечами: я, мол, и так не очень-то. А получается, ни с того ни с сего взял топор и зарубил старушку. Искусство же старается придать ветхим истинам конкретное содержание, новизну и привлекательность. Те же убийцы, как правило, люди с минимальным воображением. Они не в состоянии перенести на себя чужое страдание. Почувствовать боль другого — этому надо учиться. Об этом я сейчас пою и именно поэтому назвал свой альбом — «Другой».

Фото И. Стомахина

Дневник У.

ПОСМЕРТНЫЙ ДИСК

Сергей Самойлов.
«Пришельцы»
Пластинка ВПТО
«Мелодия»

На черном фоне конверта пластинки нотные линейки образуют кардиограмму останавливающегося сердца. Останавливающегося, чтобы никогда не забиться вновь. При жизни замечательного ленинградского музыканта Сергея Самойлова успел выйти лишь один диск — «Антигравитация» 1987 года. Лишь один, хотя программ он подготовил немало. Трудно определить кратко, в каком жанре работал Сергей — он писал электронную музыку (именно она и представлена на его посмертном диске), и балеты, джазовые композиции и песенные циклы, симфонические поэмы и заставки к «Пятому колесу», рок-н-рольные пьесы и музыкальные пародии. Несмотря на все это, а может быть, именно поэтому, он не принадлежал ни к какой группировке, ни к какой музыкальной тусовке. Концертов тоже было куда меньше, чем он того заслуживал: хоть зрители, один раз на него попавшие, чаще всего приходили потом снова и снова, «верняком» для организаторов концертов он никогда не был — то ему была нужна балетная труппа, то симфонический оркестр, а то — пара магнитофонов. Может быть, именно из-за музыкальной неоднозначности и не прошел на худсовете «Мелодии» песенный цикл, который он предлагал. В итоге второй альбом Самойлова вышел лишь через год после его смерти. Я знаю, что он не был особенно близок ни с кем из музыкантов. И я не знаю, будут ли достаточно настойчивы его друзья, чтобы добиться записи и выпуска той музыки, что осталась после него, — как этого добились друзья А.Башлачева, Ю.Визбора,

К.Носова, В.Агафонова. Очень бы хотелось на это надеяться.

А. Г.

КОВАРСТВО ЦЕНТРА

«ФИРЮЗИНСКАЯ ВЕСНА»

II фестиваль молодых кинематографистов Средней Азии и Казахстана

Вот сейчас в Москве дождь, и идет он с таким выражением, будто продлится до того момента, когда выйдет журнал с этой статьей. Увы, погода — быстро меняющийся образ. А в Ашхабаде уже в апреле была жара, что в контексте московских осадков казалось даже приятным. Ближе к полудню «гости из центра» отправлялись в прохладный просмотровый зал и принимали посильное участие в работе фестиваля. Ничто, кажется, не может так отпугнуть зрителя, как картина с выходными данными «Киргизфильм», или «Таджикфильм», или — см. Атлас СССР, раздел Средняя Азия, прибавляя слово «фильм». И какой же искренней была радость критиков, готовых за прелестную погоду и радушный прием к страданиям от восточной пытки восточным кинематографом, когда оказалось, что им предлагается хорошее кино.

Конечно, не все подряд хорошее, но в программе каждой республики обнаруживался хотя бы один хороший фильм. А иногда и несколько! «Бежала собака» из Киргизии, «Твердолобой» и «Последний таймунщик» из Туркмении, «Гум-Гум» из Узбекистана... Не стоит перечислять — все равно их не увидит никто, так как прокат бежит от продукции этих студий еще шустрее, чем сам наивный зритель. И последнее — было стыдно предстать перед авторами этих лент как «гость из центра». Раньше они только через этот «центр» могли узнать что-нибудь друг о друге, а теперь Москве на них наплевать. Правда, уже возникают пока слабые, но перспективные «горизонтальные» связи между республиками. Хорошей бы погоды на завтра!

Саша КИСЕЛЕВ

КАК НАЗЫВАЛАСЬ ЭТА РЫБА?

«Ревизор»

Театр-студия п/р О.Табакова, реж.С.Газаров

Про Ивана Александровича Хлестакова в комедии, между прочим, сказано: «И здесь — много-много всего». Вот и здесь — тоже много-много всего. Пресловутый «лабардан-с» падает с неба, сбитый пулей-дурой Хлестакова, которому чиновники, кроме всего, еще и охоту устроили.

Осип* как две капли воды похож на Пушкина, чье гравированное изображение висит в гостинице над лежанкой Хлестакова, — и Городничий поначалу не знает, перед кем более робеть. Блистательно сыграно спаивание важного гостя — а особо хорош пьющий с ним тет-а-тет гранеными стаканами «Пшеничную» почтмейстер Шпекин. Бобчинского и Добчинского — двоих! один! — играет, и замечательно, Авангард Леонтьев. Лекарь Христиан Иванович, совершенно по тексту, ни слова не знает по-русски, зато по-немецки чешет не останавливаясь. Это все, право же, очень смешно! Всех смешнее — Анна Андреевна и Марья Антоновна (Е.Германова и Т.Агафонова). Обыкновенно «Ревизор» ставится как бенефис двух ведущих актеров мужеского полу — в данном случае имеем подчеркнuto «женский» спектакль, так сказать, «эстетически» вступающий в один ряд с нашумевшими постановками Виктюка «Служанки» и «М.Баттерфляй»... Россия — явствует из спектакля — страна, где много и беспорядочно не только пьют, но и трахаются. Все это в «Ревизоре» С.Газарова есть, и всего этого — много-много. И, повторю, очень и очень смешно. Легко так, свободно! Спасибо, господа, спасибо!.. Временами, правда, кажется: что-то все-таки режиссеру и актерам мешает. Порой даже сильно. Пожалуй, это — текст Николая Гоголя.

М.П.

ТЕАТР — ЭТО ПУТЬ

«Лес».

«Творческие мастерские»
СТД РСФСР,
реж.М.Мокеев

У каждого, даже самого счастливого человека есть своя непрожитая жизнь. Герои этого спектакля забрели сюда вроде бы случайно, но давно ждали возможности разыграть пьесу, собравшись вместе. Их ненадолго пустили сюда, и они торопятся вспомнить и пережить то, чего были лишены и по чему, возможно неосознанно, тосковали, — игру, любовь, свободу, радость — каждый свое. Кому-то тесно внутри одной отведенной ему роли, и потому он примеряет разные амплуа, пробует то одну, то другую интонацию — не столько в поисках единственно верной, сколько радуясь открытию в себе способности к игре. Увлекаясь, могут сыграть и сцену из другой пьесы, подыскав подходящие ситуациям реквизит и костюмы за кулисами приютившего их «богатого» театра, чей призрак встает над спектаклем тяжелым бархатным занавесом с громадной «позолоченной» кистью. Отражившись в наших днях, пьеса не возвращается обратно во времена Островского, а задерживается где-то посередине; наполняясь мелодиями и приметами 20-х — 30-х годов. Режиссер чувствует за своей спиной тень Мейерхольда — и расставляет в спектакле ненарочитые напоминания о его «Лесе». Спектакль этот, в лучшие

свои моменты несущий редкую сегодня гармонию грубоватости и изящества, свидетельствует о значимости для режиссера идеи *необыденности* театра. Кто-то из древних заметил, что истина — это не результат, а путь. Для Михаила Мокеева высшая истина неразделима с театром, и поэтому его спектакли — никогда не итог, но всегда — путь.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

ЖЕРТВА ЭПОХИ Роман СЕМАШКЕВИЧ (1900—1937).

Живопись, графика,
документы.
Государственная
Третьяковская галерея

«Хочется уехать и солидно поработать над живописью, чтоб завершить построение соцреализма в нашем искусстве», — писал в одном из писем Семашкевич. Тогда, в 1934-м, он считал изобразительные искусства «намного отстающим участком». Соцреализм построили как раз к 37-му, когда его увели в ночь на 2 ноября, а через полтора месяца расстреляли, но никто так и не узнал — за что. Впрочем, разве мало того, что он был очень талантлив и дерзко нарушал академические каноны, а значит — уже искажал совдеятельность. Из его комнаты в коммуналке без описи и понятых чекисты вынесли все картины; через двадцать лет при реабилитации КГБ сообщил, что изъятые работы уничтожены. Те немногие, что чудом сохранились в запасниках

музеев и частных коллекциях, выставлены впервые за полвека в Третьяковке. Они уместились в одном зале, а ведь был Семашкевич невероятно плодовит, писал легко, и вот парадокс — чем быстрее, тем лучше, полчаса — портрет, несколько полотен за день. Сила и страсть — две главные составляющие его творчества. Сила эта есть и в лице его на автопортретах, страсть — во многих живописных и графических портретах его жены Надежды Васильевой. Я не узнала эту прекрасную молодую женщину в старушке в белом кокетливом костюмчике, которую встретила на выставке. Она приходит туда каждый день, стоит у собранных ею холстов покойного мужа, радуется каждому собеседнику и рассказывает, рассказывает, как он жил, как любил, как работал и как она ждала, надеялась, писала запросы. А потом разговор, конечно, переходит на день нынешний, и вот удивительно: годы, принесшие этой женщине столько горя, предстают светлым водворотом встреч с блестящими талантами, вспоминаются ностальгически вера в светлое будущее и энергия, с которой они перестраивали мир. Впрочем, что еще можно вспоминать о молодости и счастье, ведь тогда никто не ведал, «разбудили какого зверя, жадно дышащего в затылок».

Марина КАМИНАРСКАЯ

Р.Семашкевич. Уводят арестованного. 1932.

Дневник У.

Р.С.: ВИДЕО
Ведет Андрей
ГАВРИЛОВ

НАДО СМОТРЕТЬ

«Презумпция
невинности»,
США, реж.А.Пакула

С этой картиной нас уже познакомил коммерческий канал нашего ТВ. Правда, не со всей лентой, а с фрагментами и историей ее создания. И если можно и нужно спорить с телевариантом перевода названия фильма (они обозвали его «Считать невинным»), то нельзя не согласиться, что роль Расти Сэбича, подозреваемого в убийстве бывшей любовницы, оказалась одной из самых трудных в карьере знаменитого Харрисона Форда. И посмотреть фильм надо хотя бы для того, чтобы увидеть, как он с честью справился с этим нелегким испытанием. Если «Презумпция невинности» — не самый «крутой» детектив на наших видеозэкранах, то законы жанра в нем соблюдены на редкость тщательно, и мы действительно не знаем, чем все кончится до самой последней секунды экранного времени.

ЭХ, МЭЛ, МЭЛ...

«Авиакомпания
«Эйр-Америка»
США, реж.Р.Споттисвуд

Самое интересное в этой картине — финальные титры, которые рассказывают о дальнейшей судьбе главных героев. Это получилось неожиданно интересно и забавно. Неожиданно — поскольку ничто в этой довольно скучной и, в общем, бессмысленной ленте не давало повода надеяться на хоть какие-нибудь проблески остроумия. Мэлу Гибсону, исполняющему главную роль — американского пилота в Лаосе в 1969 году, — делать в фильме просто нечего. С ролью он, конечно, как всегда, справился блестяще, но все время не покидает ощущение, что он не может в последнее время найти сценарий, который хоть сколько-нибудь соответствовал масштабу его таланта.

Гарри БАРДИН

...ДОСМОТРЕТЬ ЭТУ СКАЗКУ ДО КОНЦА

Фото В. Шишова

«Брэк» — «Золотой голубь» в Лейпциге, «Выкрутасы» — «Золотая пальмовая ветвь» в Канне, «Банкет» — приз в Аннеси, и еще награды в Шанхае, Кракове, Загребе, Бильбао, Лос-Анджелесе, Штутгарте — всего не вспомнить. Это — кино Гарри БАРДИНА.

Кинотеатр «Баррикады» провел конкурс на лучший мультфильм

минувшего года. Молодое поколение выбрало «новый музыкальный пластилиновый фильм» киностудии «Союзмультфильм» «Серый волк энд Красная Шапочка», автор которого, в отличие от своего последнего творения, больше студии не принадлежит. Ушел. Свободен. Только рассказ о творческой свободе у этого веселого человека вышел довольно горьким.

Я пришел на «Союзмультфильм» в начале 70-х годов и помню — когда родился новый фильм, вся студия сбегалась, как на смотрины ребенка. Все тешкаются с ним, радуются и говорят комплименты родителям. Было общее дело, и людей спланивало творчество. Теперь все распалось — то, что творится в стране, как в капле воды повторилось в мультиплика-

ции: раздробление, желание уйти от центра, «групповуха». Наша студия разделилась на пять объединений. По какому принципу, спрашивается? В театре недавно он звучал так: «Вы против кого дружите?»

А началось с того, что кончилась уравниловка, зарождалась нормальная творческая градация. И мгновенно сработала советская психология, по которой все якобы

равны и всем нужны равные условия, но при этом считается, что талант сам пробьет себе дорогу. Да ведь не равны! Да ведь может и не пробить, потому что завалы на пути ему гарантированы и порой они превышают человеческие силы...

Теперь, когда все уже разодралось между собой до абсурда, решили опять воссоединиться, да не

клеится. Студийная атмосфера надолго разрушена характернейшим для нашего общества образом — «до основанья». Норштейн ушел доснимать «Шинель» под крышей Киноцентра для детей и юношества. Ушел супермастер, известный во всем мире, — студия не вздрогнула, даже не пожалела. Я не смог там работать, потому что... Впрочем, потому что так много и так непреодолимо, что лучше спокойно, не хлопая дверью, уйти.

Ушел и увел за собой всю свою группу — и ничего... Отговаривал меня лишь один человек — начальник отдела кадров.

Это то, что касается взаимоотношений с киностудией «Союзмультфильм».

А что же — Госкино? Отношение кинематографических инстанций к нам, мультипликаторам, всегда было, как к «братьям меньшим». Снижительно-потребительское.

Около 30 лет киностудия «Союзмультфильм» ожидала от Госкино строительства нового здания. И не дождалась. А теперь Госкино говорит: вы на хозрасчете, живите, как сможете. На «Союзмультфильме» всегда стоимость аппаратуры закладывалась в смету каждой картины. Как-то подсчитали, и вышло, что амортизация оборудования в среднем уже дошла до 500 процентов, то есть все давно окупилось с лихвой, а Госкино просто обирает «младшего брата», который остается в пожизненном долгу за морально и материально устаревшую аппаратуру перед «старшим»...

Сегодня вдруг оказалось, что продавать на Запад мы можем с успехом именно мультипликацию. Она

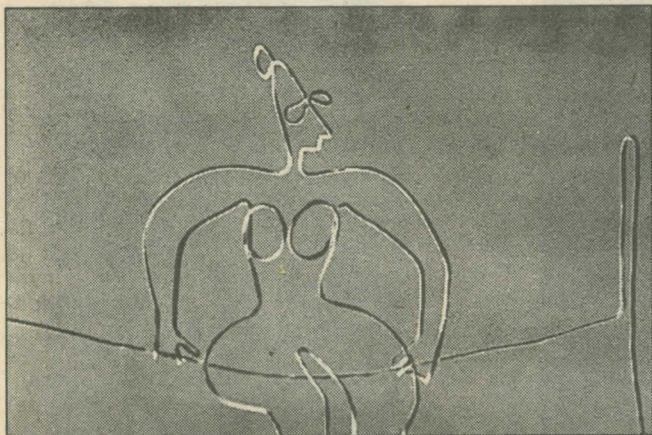
более конвертируема, чем игровое кино, поскольку ее язык — это некое эсперанто в искусстве. Но недомыслие чиновников «Совэкспортфильма» порождает просто шедевры бездарности в торговых сделках: мультфильмы до недавнего времени продавались чуть ли не на вес, как семечки. Теперь страну заполонили заезжие варяги, которые, скажем, имея три сотни долларов в кармане, умножают в уме эту сумму на 30 — вроде получается капитал. Привлекает сюда этих «бизнесменов» наша дармовая рабочая сила и ее, рабочей силы, высокий профессионализм. Наши мультипликаторы «продаются» на Запад по дешевке, уезжают от безысходности, оттого, что здесь не прокормить ни себя, ни семью. В итоге из нас получится колоссальная банановая республика... Отчего именно к нам обратились англичане с заказом на дайджест по Шекспиру? Из-за дешевизны. Сами они ничего бы подобного делать не стали. Лично мне претит уже сама идея этой постановки — неблагое, по-моему, намерение делать для умственно отсталых и любопытных мультипликационные выжимки из «Гамлета», «Отелло» и «Макбета». Каждый для себя решает сегодня проблему: как пройти между Сциллой и Харибдой, между коммерцией и художественностью. В идеале хотелось бы и капитал приобрести, и невинность sobлости.

Еще давно, на одной из конференций Союза кинематографистов, я говорил о том, что наша работа должна строиться на производстве и прокате. Тогда творцы очень пренебрежительно относились к прокату — плебс, мол, низший сорт ки-

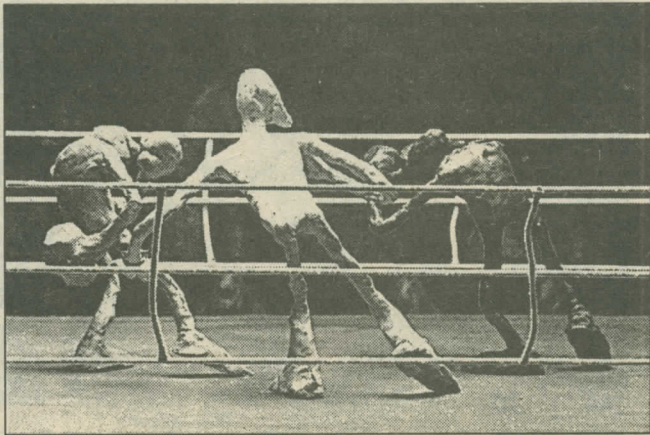
нематографистов. Но ведь «плебс» продавал продукцию этой рафинированной части! И если товар оказывался не так уж хорош, а торговец тем не менее его продавал, то такой талант тоже надо было уважать и ценить. Мы пустили прокат на самотек, и пришел Таги-заде. У всех на устах имя этого монополиста-кинопрокатчика. Творцы бьют челом в разные инстанции: спасите нас от АСКИНа. А он — гуляет по буфету в буквальном смысле слова, если вспомнить шабаш во Дворце съездов и «каннский десант». АСКИНом закуплено в США 300 художественных фильмов. Художественны они только по названию, главное их достоинство, что они дешевы. Американцы в ужасе от того, что их кинематограф мы узнаем по подобным образцам, но они же и руки потирают: пошел лежалый товар.

С другой стороны, я не могу осуждать деятельность Таги-заде. Выходит, объективно, он был востребован уровнем культуры сегодняшнего зрителя. Если кинотеатры выполняют план, значит, зритель получил то, что он хотел, а прокатчики — того, кого они хотели. В лице Таги-заде. Сожалеть можно лишь о культуре. Возможностью говорить открыто первыми воспользовались, к сожалению, не самые умные и не самые культурные. Бескультурие, которое раньше не прорывалось наружу в силу разных обстоятельств, теперь пошло лавиной. Бескультурие на всех уровнях, от уличного хамства до парламентских трибун. И если у А. С. Пушкина сказано: «Мне ваша искренность мила», то мне отнюдь не мила искренность хама, искрен-

«Выкрутасы»

«Брэк»

ность глупца, искренность антисемита.

Какое удовольствие слушать выступления отца Питирима, Д.С. Лихачева, А.А. Собчака, Г.В. Старовойтовой! Идеально, когда культура помножена на профессионализм. А у нас пока на всех уровнях часто на волне митинговой демагогии к власти приходят некомпетентные люди. Хотя, убей меня Бог, не знали раньше в России такого слова — некомпетентный. Ну не было никогда в русской сказке персонажа под названием Иван-некомпетентный.

От политики, как и все, устал. Но на митинги (демократические) хожу исправно. И не только в силу общественно-социальной своей профессии, а потому что интересно. Может быть, именно поэтому возникла идея снять мультфильм-пародию на программу «Время». Она это заслужила. И называться картина так и должна — «Время». Сперва я намеревался просто поёрничать, но теперь, когда тучи над нашими головами так сгустились, я понял, что настала пора говорить предельно жестко, даже зло. Иначе получится холостой выстрел.

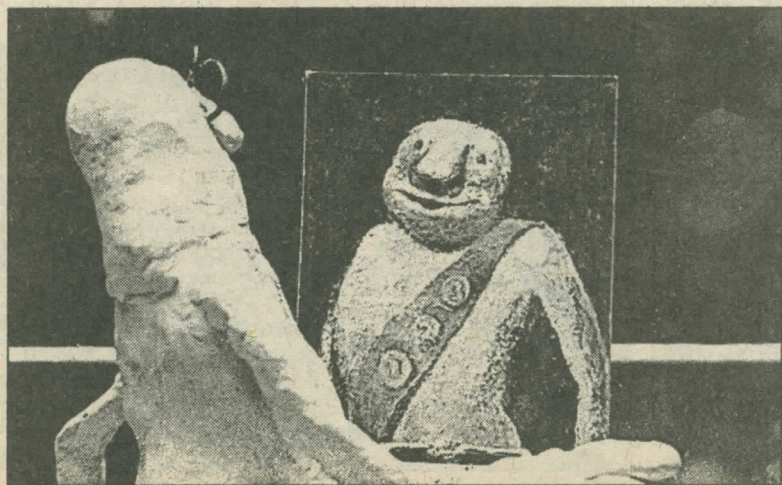
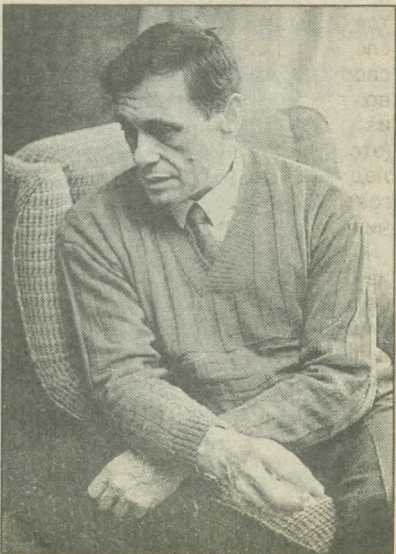
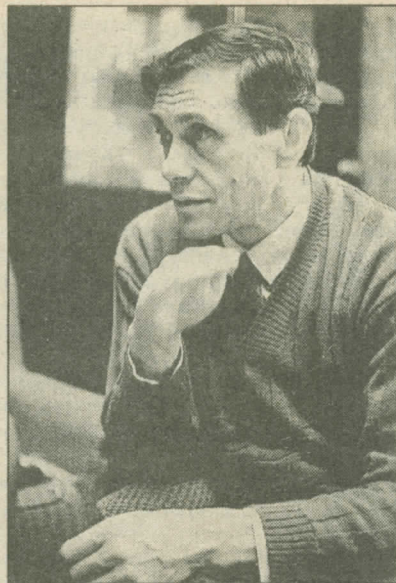
Пока мне негде снимать этот фильм. Нет павильона. К слову сказать, если среди читателей журнала есть председатель какого-нибудь райисполкома, где имеется помещение в 150—220 квадратных метров, мы бы вместе могли снять этот фильм и еще, надеюсь, с десяток. Потому что это уже будет студия. Я ходил по разным исполкомам. Меня вроде бы знают как режиссера. Лестно, конечно, ну а дальше что? Говорю: мне нужно такое небольшое

помещение. В ответ — вопрос: а что вы можете дать району? Прагматизм — дело полезное, но часто он оборачивается цинизмом. Получается, району мои фильмы не нужны. Значит, не нужны и Москве. Ну зачем, говорят, вы так круто. А с чего начинается Родина — не с картинки же, на самом деле, в твоём букваре, она начинается с района, с города. Если я год не работаю, это равнозначно простою маленькой электростанции. О том, чтобы я мог давать энергию, должен кто-то позаботиться. Но у нас этого «кого-то» нет.

А за границей у меня часто спрашивают: вы, наверное, человек богатый, ведь ваши фильмы показывают в Лондоне, в Париже, они получают международные призы... Нет, я с этого ничего не имею, даже не всегда меня ставят в известность, какая моя картина на каком фестивале какую пальмовую ветку получила. Но, как советский человек, я, естественно, этим горжусь. Это единственное, что нам всем оставили. И вот, чтобы можно было гордиться не только за собственную бедность с высоко поднятой головой, мы решили сплотиться и создать Ассоциацию мультипликаторов-аниматоров.

А почему я не уезжаю? Почему не уезжает Юрий Норштейн? Во-первых, потому, что здесь мой, наш зритель. Для него я снимал свои фильмы. Во-вторых, патриотизм принадлежит не только «Памяти». Но и мне — еврею. А в-третьих, живем мы сейчас, как в сказке. Только страшной. Я же — человек азартный, поэтому хочу досмотреть ее до конца.

Записала Аэлита ЕФИМОВА

«Брежнев»

Владимир МАКАНИН

Из цикла рассказов

«СЮР В ПРОЛЕТАРСКОМ РАЙОНЕ»

ИЕРОГЛИФ

Когда в душе улеглось, я думал: как это все на меня нашло? и почему вместо того, чтобы запальчиво метаться по улицам, я не поднатужился и не принес этим мальчикам и девочкам (добры ко мне) хороший большой кусок говядины? Кусок, конечно, обледенел, перчаток у меня в тот вечер не было, и я ловил мороженое мясо в пышном белом сугробе, а оно все выскальзывало (как во сне), царапало в кровь пальцы, ударяло, наконец я его ухватил. Чувство страха, в общем, бесформенно и более похоже на меняющийся иероглиф, нежели на понятную и читаемую букву. (Не знаю, не угадаю его природы — вдруг ближе к ночи прорывается, выскакивает, затем прогорает и столь же быстро сворачивается. И уже сильно потускнев, прячется в свои глубины. В наши глубины.) Начало было отчетливо: той зимней ночью я возвращался один. Возвращался из поздних гостей, где провел много часов и напился (это существенно). Падал снег. Под снегом лежал голый лед, так что ноги скользили. А впереди, во дворе многоэтажного дома, вырисовывалась темная фигура мужчины, который что-то такое прятал.

Силуэт четкий. Темный. Но не был он как вырезанный из черной бумаги, просматриваясь сквозь косенькие белые полосы летящего снега. Несколько насторожившимся ночным взглядом (при этом я продолжал идти) я видел, как мужчина там суетится и приподнимает из-под снега фанеру, точнее сказать, он оттягивал за угол большой лист фанеры и совал свое «что-то» под эту

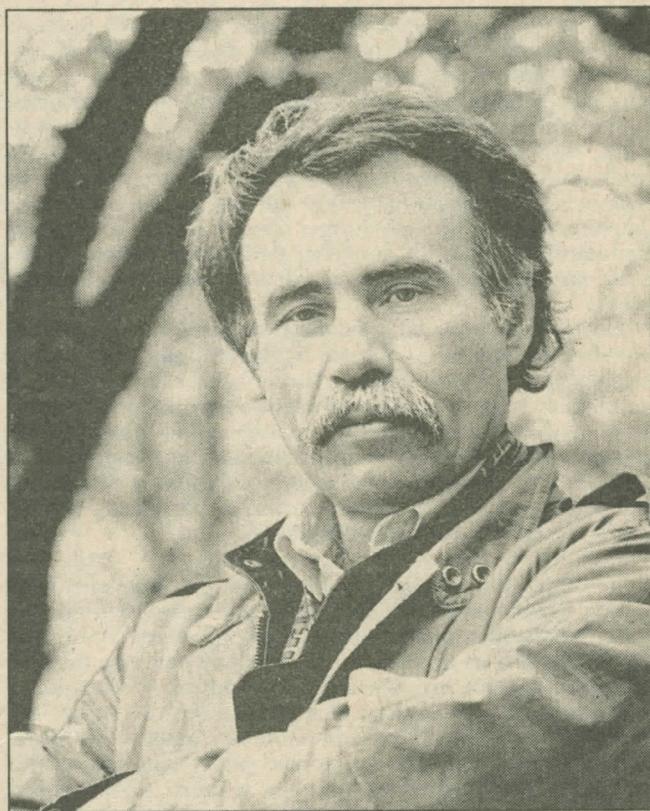

Фото А. Карзанова

фанеру, под снег. «Что-то» было большим: напоминало по форме старинную палицу или огромную булаву, длиной этак поболее метра. Мужчина ушел, исчез. А я двинулся в тишине (в тишине снегопада) московской зимней ночи своими пьяненькими зигзагами по скользкому снегу. Не слишком думая, я оказался стоящим прямо у места сокрытия: просто оно само оказалось на моем пути. Сугробы. Там и тут холмы снега, завораживающие своими неправильными объемами. И темный, со слабой подсветкой дом (в одном из подъездов, вероятно, мужчина скрылся). Посвистывая, я беспечно пошарил в снегу, нашел край фанерного листа, натужась приподнял. А затем вытащил «что-то», что оказалось коровьей ногой, хорошо подмороженной и по виду из тех стандартных говяжьих ляжек, с голенью, что в немалом числе висели когда-то в мясных отделах наших гастрономов. (Под фанерой был вовсе не род холодильника, напротив — мокрая теплая земля, труба и пар от теплой трубы, мясо бы там, разумеется, зачервивело и сгнило, и, стало быть, мужчина не припрятывал мясо, а выбрасывал, притом выбрасывал так, чтобы никто не видел, не знал. Мяса в магазинах нет, кто станет выбрасывать мясо?..) Я стоял покачиваясь; огромный кусок говядины, почти цельная коровья нога лежала возле меня на снегу. Я все еще насвистывал, но мысли мои становились все менее беспечны, а потом нашел страх.

Страх был прост: я почти воочию увидел, как толпа рвет продавца. Допустим, продавца из мясного отдела толпа прямо на улице рвет и топчет, после чего взрыв ярости распространяется на другого продавца, на третьего, а затем уже не только на продавцов, а на всех нас без разбора и смысла: ярость всех против всех.

Полностью цикл будет опубликован в журнале «Новый мир».

Выплеск уличных расправ, оговоров, репрессий (именно в последовательности), как джинн, вырвавшийся из бутылки, встал перед моими глазами — огромный, застилающий небо джинн злобы. Мысль моя не справилась (такое бывает). Я оказался напуганным. И так получилось, что, спасая от возможной расправы продавца (и всех нас), я потащил эту улику, это начало начал, эту замерзшую коровью ногу куда-нибудь подальше, с глаз долой — волок ее, нес, потом бросил рядом с большой проезжей улицей, на обочине. (Чтобы ее почти наверняка подобрал там водитель первого же, раннего грузовика.)

Моему позднему возвращению хозяева не удивились. «Мужик вернулся», — только и сказал один из молодых людей, открыв мне дверь. (Такой, мол, нынче гость.) С сигаретой в руке, он впустил меня. И тут же ушел в комнату: они там вполголоса говорили, музыки уже не слышалось. Меня знобило, я отправился в дальнюю комнату в глубине их квартиры, где никого не было, и повалился в постель, а добрая Маринка (жаль, не Маша) укрыла меня позже прокуренным одеялом.

Вероятно, в первую минуту я и сам сделался зол: здоровенную коровью ногу упрятать обратно под фанеру в снег я никак не мог. Она все время выпирала из-под снега, она торчала, как я ни бился над ней, как ни заталкивал. Руки мерзли. И было ясно, что утром ее обнаружат. Наверняка есть и штамп, магазинная или складская фиолетовая печать на коровьей ляжке — возможно, толпа уже утром выволочет продавца гастронома из постели и, если не разорвет, потащит его в милицию (что будет, быть может, как раз тем, что он заслужил), но ведь заботило вовсе не спасение некоего продавца от тюрьмы. Мои мысли уже набрали как бы космическую скорость. Легкая для продавцов доступность мяса ведет к тому, что, не успевая свои запасы съесть, продавец попросту меняет мясо в домашнем холодильнике на более свежее; холодильник тесен, так что залежавшееся надо выбросить (госцена и после повышения для мясника плевая, убытка тут ноль или почти ноль), однако же толпе в эти тонкости вникать нет нужды, толпа и без того, как наползающее возмездие, переполнена известной, все и вся сокрушающей злостью. (Толпа не поймет чьей-то личной вины. Как не поймет, скажем, чьей-то личной жизни.) К тому же толпа сама может надеть (законности ради) проверяющие красные повязки на руки. От какого-нибудь домашнего комитета повязки, от комитета ветеранов войны, какие угодно, но красные, с понятной тщательностью подделки, и сама же (после первого очевидного случая, после этой вот коровьей ляжки под снегом) начнет хватать всех мясников подряд или — шире — всех вообще продавцов, кладовщиков, подборных рабочих, обнаруживая у них в квартирах, в их холодильниках или мешках тот или иной вид сокрытого дефицита. И если их не будут рвать на части прямо на перекрестках, их будут судить, сажать и пришедших им на смену снова судить и снова сажать — толпа же будет стоять на улицах, требуя новых расправ. Пьяные мысли пугливы и скоры (я пытаюсь воспроизвести их скач замедленно и более внятно) — дальше, однако, в их логике темное пятно. Не помню. А дальше опять помню. Прерывисто, как пункт. Социальный ропот низов — страх в верхах — и (тут уже помню!) начнут забирать и сажать в тюрьмы (да, да, для равновесия) всяческое начальство, с которым кладовщики и продавцы в той или иной форме всег-

да делятся товаром. Тюрьма тоже как вариант равенства. Мол, забираем не только вас. (Мол, забираем и этих. Спокойно, товарищи. Спокойно... Снисходительная практика власти.) С этого ублажающего народ момента маховое колесо репрессий наберет полные обороты. Однако толпы людские с улиц могут уже не уйти, они ненасыщаемы, что поведет, наконец, к прямому подавлению и (тут опять в той логике темное пятно, но итог помню ясно) — к новой системе лагерей.

— Второй раз нам не выдержать, — тупо и с пьяным упорством повторял я, пихая коровью ногу под фанерный лист. (Уже в кровь исцарапав руки. То ли о фанеру. То ли о закраины мерзлого мяса. Суть не в том, насколько правдоподобна нарисованная всполошившейся мысль картина разверзания бездны, а в том, до какой степени эту мысль охватил испуг.) Но ведь вздор! чепуха! человек обнаружит замороженную коровью ляжку и тут же, рано поутру унесет ее к себе домой. (Тихо радуясь добыче.) Вот и все, уверял я себя, взывая к здравому смыслу. Взывая, в конце концов, к реальному отношению к великолепному куску говядины, которую простой наш человек унесет домой, как только обнаружит. Однако пьяные мысли гибки. А вдруг простой наш человек в ту минуту не один, вдруг вокруг и возле нашедшего мясо окажутся и другие люди? А вдруг рано поутру ее обнаружит как раз пенсионер-правдолюбец?.. Эпидемия сегодняшних уличных расправ (и, возможно, вслед — эпидемия репрессий) начинается во дворе и с малой крови. С разбитого носа, с разорванного пальто. Цепная ядерная реакция в бомбе начинается (или не начинается) с одной лишней молекулы, дающей критическую массу. Снежная лавина начинается с того, что кашлянул проходящий лыжник; с того, что его подружка лыжница сбросила машинально со своей синей шапочки малую пригоршню снега. (Умещающуюся в ее ладонь.) Мысли пронеслись в минуту-две, притом что, охваченный испугом, я уже тогда понимал, что средоточие моего галлюцинированного, и одновременно близкого к документальности, страха необязательно вовне меня. Страх мог быть моим личным страхом. Он мог в любую минуту отработать свое и, оставив во мне какой-то образ, испариться, уйти. (Но ведь не уходил.)

— Страх ищет себе метафору, — объяснял я (объяснял себе себя), волоча тяжеленную мерзлую ношу (я нет-нет и падал), но оговорки каким-то своим боком не расхолаживали, а даже дисциплинировали: и чем из большей глубины вырывался волна за волной накатывающийся испуг, тем старательнее тащил я эту мороженую коровью ляжку. Она была слишком тяжела, чтобы унести ее далеко, к тому же, пьяный, я шел нетвердо, и мысль, что ночные дежурящие милиционеры прихватят и станут выяснять, откуда пошатающийся гражданин несет мясо, — такая мысль тоже уже заботила. Но была ночь, и сильно мело. Снег валил. Ни милиционера и вообще ни души вокруг. Так что до улицы, до большой проезжей улицы с честным двусторонним движением я доволоч, бросив мясо на самом виду, на запорошенной снегом обочине. (Ранний водитель подберет.) Непременно подберет, куда ему деться! — уверял себя я, когда уже шел без ноши, несколько протрезвевший, но все еще заплетаясь ногами.

Я обнаружил, что я развернулся — иду не домой. Мох в те дни в Москве не было, и, чем возвращаться в пустоту квартиры (и, возможно, в продолжающиеся ночные страхи), разумеется, было лучше вернуться туда, где весь вечер пили и где все еще могли сидеть за пол-

ночь говорливые люди. Ненасилие над собой. Ноги выбрали направление раньше, чем сознание.

Молодые люди частью разошлись, но сколько-то их сидели, курили.

— Дороги не нашел, — сказал один из них про меня посмеиваясь.

Другой добавил:

— Хорошо, что не замерз!.

Пройдя на кухню (не смог пойти к ним, чужие пределы, что-то остановило), я сел у стола и, отыскав, налил себе водки. На душе становилось скверно (стыдно?) оттого, какой нехороший панический страх меня охватил и ведь совершенно лишил разума (простенькое соображение унести мясо к себе домой не пришло мне в голову) — часть сознания, как ни пьяна она была и как ни напугана, иронизировала, наблюдая уже со стороны отважный ночной поступок: таскание гражданином по городу мороженой коровьей ноги. «Отечество в опасности», — мысленно повторял я себе, думая обрести иронию, но обретая все тот же страх и впридачу что-то постаревшее и блеклое, сползшее, как шелуха, с этого страха. (И заодно чувствуя себя постаревшим, усталым, уже сошедшим с круга. Такая минута.) Я пил одну и другую стопку водки со злым желанием себя добить: «Вот тебе! вот тебе еще!..» — и ощущение вырвавшейся из-под спуда беды не покидало, и, в обход иронии, все еще была страшна та лавина, которая уже завтра захочет и покатится, начавшись, как с малого комка снега, с оставленного мной посреди проезжей улицы куска мяса — оттащить бы его подальше, оттащить и бросить, скажем, с берега в Москва-реку, в полынью, где впадает теплый ручей заводских отходов. (Где подымается пар над темным незамерзающим пятном воды и где плавают окруженные ледяной кромкой стойкие утки, единственные свидетели. Где мясо плюхнуло бы в воду — и нет его.)

Из кухни я прошел в дальнюю темную комнату их квартиры, там никого не было, и там, не раздеваясь, свалился в постель. (На кровати, как всегда, ни белья, ни подушки, матрас да пропахшее куревом одеяло.) Лежал. И полоска света под дверью. И отдаленные молодые голоса из той комнаты, где длилось их ночное бдение.

«Второй раз нам не выдержать!», — повторил я.

— Ну-ну. Не страдай, Игорь.

Она назвала меня по имени, я, видно, говорил вслух, бормотал. Знобило. Маринка сидела на кровати со мной рядом. Самая малорослая из них, простецкая, с привычкой чудовищно мазаться косметикой. Голос хриплый. Она не затевала никаких отношений: принесла еще одно одеяло, набросила на меня. Мужик перепил, бывает.

Сквозь снег смутно просматривалась впереди стоянка такси, разумеется, без единой машины. Через пустое пространство я видел их силуэты

— мужчина и женщина в снегу, в ожидании хоть какого-то транспорта. И возле них небольшой чемоданчик. Их силуэты, кажется, и навели на мысль — как выгляжу я? (Возможно, я, с мясом в руках, все еще опасался свидетелей и расспросов.) Каков для этой пары силуэт появившегося вдали человека: человека покачивающегося и взмахивающего руками, чтобы удержать равновесие? И взмахивающего еще чем-то огромным, что человек тащит в руках? (Через расстояние им не угадать, что я несу.)

Мужчина был с сумкой через плечо. Женщина с ма-

ленькой сумочкой. Их чемодан на снегу. Их тихие зимние фигуры, застывшие и упрощенные своей слишком понятной целью: ждать и ждать. Так они выглядели, в этом смысле я был богаче — я был в движении: движущийся, меняющийся силуэт.

Издали человек, уже сам по себе шаткий, поскользываясь на снегу и нет-нет взмахивая руками, представляет собой подвижный рисунок человеческого тела с несимметричным выпячиванием то рук, то ног. (Пляшущий человечек. Иероглиф.) Но тонкая с одной стороны и сильно утолщенная с другой мороженая коровья нога, которую этот человек, пошатываясь, несет то на правом плече, то на левом, а то и прижав к груди, усиливает асимметрию и именно схожесть с меняющимся во времени иероглифом. Облик человечка напуганного (и одновременно пытающегося спасти не себя). Иероглиф страха, если не иероглиф боли. И косенькая штриховка падающего снега, если смотреть на человека издали. Белый фон.

Кстати сказать, если не иероглиф страха и боли, то можно счесть и за иероглиф любви, у которой ведь тоже свои права на истолкование. Любви к *ним*, то есть любви опять же не личной (но, может быть, и личной. Здесь опять неопределенность. Хромота терминов.) Трудовая масса, вульгарная в наш век прежде всего из-за грубо потревоженного в ней социального инстинкта, готова плевать на интеллигента, как бы не делающего никакого дела, но потому-то любовь российского интеллигента к народу и прекрасна, и плодоносна. Любовь без взаимности. (И без расчета на взаимность.) И потому, как ни нелеп и как ни смешон человек, несущий ночью и нет-нет роняющий мороженую коровью ногу, иероглиф этого несения и роняния не нелеп и вовсе не смешон. Под ногами проваливались снежные холмы, неправильная и такая прекрасная геометрия сугробов. Российскому интеллигенту никогда не донести эту коровью ногу до проруби с теплым ручьем заводских отходов. Ему ее не спрятать и не выбросить. Ему от нее не

избавиться, как не могут люди избавиться в своей каждодневной жизни (ни даже в своих сновидениях) от чувства тоскливой собачьей вины.

Под тяжестью мороженой ноши я оступился (меня повело вбок, к стене дома) — и увидел пьяного. Завалившись чуть набок, человек сидел в снегу. Струйка под задом, обычная у пьяниц на улице, была занесена снегом, но все же приметна. Он что-то бубнил. Я оступился еще раз и, сместившийся, оказался уже в шаге от него. Объемный все тем же космическим страхом и все той же любовью, я стал объяснять ему, как дорого время, так дорого, что даже помочь ему и оттащить его, бедолагу, до ближайшего дома, до теплого парадного, я никак не могу. Пьяный себе бубнил и мычал, а я отвечал ему: «Нет, нет. Не могу. Сейчас драгоценны даже минуты, потому что главное — предотвратить лавину. Второй раз нам не выдержать». Пьяный мычал свое. Или вдруг слышно выговаривал: «Да-ай!» — вероятно, просил сигарету (мне же казалось, он упрекает меня). К этой минуте я вполне выбился из сил, так что остановка, я свалился в снег с ним рядом, тяжело дышал. «Дай», — выговаривал пьяный, а я отвечал, сидя, как и он, в снегу: «...Ты должен понять. Ты замерзнешь — это нестрашно. Я замерзну — нестрашно. А вот остановить лавину...

И — надо было идти. Тяжело подняв из наметенного сугроба мерзлую палицу-ногу, ухнув, я вскидывал ее на плечо, брел дальше. Следующий привал был возле двух сварных гаражей: в образовавшемся там углу намело много свежего мягкого снега. Было там скользко, я упал и барахтался с холодной коровьей ногой в обнимку, то я ронял ее, то она меня. В снегу я решил было сколько-то полежать, передохнуть, но ведь я не мог себе позволить заснуть и замерзнуть, не дотавив ноши. «Встаю. Встаю. Уже встаю...» — униженно оправдывался я, жалко и с готовностью отчитывался перед кем-то, строго наблюдающим за мной со стороны.

НЕСУММНЫЕ

И в соответствии с логикой победивших, те, кто набрал голосов больше, шумно перебираются в самые первые ряды и кресла зала (иногда они перебираются подчеркнуто скромно — оттенок шума), а зал, возбуждаясь от всякой перемены, гудит. Собрание не кончается. Собрание, в сущности, и не может кончиться, так как люди не могут и просто не в силах, да и не в обычае прийти к чему-то раз и навсегда единому: люди как люди. Ряды кресел заполнены (в проходах одиночные внесенные стулья: не хватает мест). Ораторы подчас сталкиваются у микрофона, но, к счастью, их идеи более пластичны и вытесняют одна другую не сшибаясь. Идеи медлительны. Идея может стоять над головами, над умами, как летнее облако над лесом, — долго. И чем ценнее и нужнее для других людей внесенное тобой предложение, тем более в передних и в более слышных и видных

рядах ты сидишь — ты и твои товарищи. Группа твоя тем самым передвигается значительно ближе к сцене, к президиуму, а то и, вдруг, при особо ценном предложении, исходящем от вас, и особо удачном голосовании захватывает и сам президиум, стремительно вскакивая из первых рядов и занимая места за столом с красным сукном, где микрофоны (строго по числу стульев в президиуме), а также обязательный старомодный высокий графин с водой и с карандашом рядом, чтобы постукивать им о графин, требуя внимания и, желательно, тишины.

Разумеется, людские судьбы повязаны с переменами; у лидера есть свита, деловое его окружение, сподвижники, вся его живая аура должна теперь переместиться назад (если они не перебежчики) или, напротив, — продвинуться. Кресло впереди пусто. Оставший его,

еще недавно большой человек, подняв голову, уходит, как значительные все еще его шаги! Выбравшись из ряда, он удаляется куда-то в тылы, в темноту зала (он, возможно, вообще покинет собрание, он раздавлен, поднятая голова горделива только на эту вот, одну-единственную выходящую минуту) — там и тут освобождаются близости кресла, его люди уходят в тень, а из тени им навстречу (к свету уже на полпути) движутся, посверкивая глазами, сбившиеся в стайку крепкие неуверенные люди, удачники. Но не все же групповщина, есть и одиночки. Есть те, кто сами по себе. Освободившееся кресло — хороший шанс и для вольного стрелка. Быстрей! Бегом!.. он летит по проходу, чтобы первым успеть к месту, отвоеванному, быть может, самой природой ему и для него. Он ведь так верил в нынешнее время (и в бога!). Те, кто честно спешат группой, негодуют на торопливого, но ведь такова суть вольного стрелка и, главное, такова суть места — занял, оно твое. Во всяком случае, до следующего голосования. А уж если вольный усидит на занятом при голосовании, то место надолго (относительно, разумеется) становится его местом. Настолько его, что кресло уже можно за собой закрепить, бросив для вида и для знака на сиденье кресла плащ или оставив на сиденье свой портфель. Можно даже попросить (с глянцевым холодком в голосе) соседей: «Занято. Мною занято. Предупредите, если кто сюда кинется...» — и если соседи из тех, что в отношениях честен, а в стабильности заинтересован, можно сравнительно спокойно, пока кто-то неглавный из президиума выступает, выражая в стертых народных словах очередное предложение, — да, да, можно позволить себе выйти на спокойную минуту и покурить. В фойе приятно курить. Клетчато-шахматный огромный пол фойе дает простор и воздух, там и тут, пожалуйста, перламутровые пепельницы на столиках и бутылки с минеральной водой. Некоторым все равно что пить, но иные — только «Боржоми», ничего другого не надо.

Вновь голосование. Скорее в зал. Уже подняты руки с белыми мандатами, значит, обошлись без табло: из президиума (ага!) подымается полный мужчина, с ним вместе отходит, откатывается назад вся его поджарая команда, освобождая чуть не целый (ага!) второй ряд и часть третьего и еще половину четвертого ряда, это ж все замечательные места! — выигравшие голосование немедленно поднимаются, вольные (эти всегда на чеку) тоже снялись с места, позволяя себе неприличную торопливость. Встречное движение и интерес, чтобы обойти, приводит в узких проходах к тихой коммунальщине, к столкновениям или оттиранию плечом; обмен ироническими репликами, грубое словцо, смех. Человек вдруг опрошен. Он так мило несложен. Он как бы в обнимку со своей двойственной природой: самоутверждение дает ему посыл изнутри, не зарывай, мол, талант, грешно, а власть манит его извне. Власть сзывает поклонников. Не только тех, грубиянов, что меряют всякую высь материальными благами, но и других, верных ей до гроба, с бледными лицами и с особенной печатью в облике, которая только и дается людям с хорошо скрытой страстью повелевать. Власть своих отыщет. (И благородных. И мясников.) Бок о бок с ними тысячи неотличимых, усредненно тщеславных, пробирающихся вперед во сне и наяву, то равнодушных, то цепляющихся за передние кресла пальчиками так, что обламываются ногти. Иногда ведь и вовсе ничего не надо, только бы ощущать свою скромную власть каждый день (хотя бы час один, хотя бы несколько минут, но каждый день).

Чтобы иметь возможность на миг встать и оглянуться на сидящих сзади и, как ни короток тот миг, увидеть, как опускают глаза, а то и гнут шеи под твоим взглядом, так как не желают оказаться не уважающими тебя или не уважающими твое кресло. (Или не уважающими тот миг, на который ты привстал, продолжая заполнять кресло телом.) Но, конечно же, кто-то крикнет из неопознаваемой полутьмы зала: «Сядьте! Сядьте! за вами не так уж хорошо видно!» — мужчина тоже может, но особенно женщины смелы, женский высокий голосок взвился, взлетел, вдруг крикнул: «Не был ли ваш отец стекольщиком?!» — как водится, хамство сошло ей за смелость. Смолкла, обеспеченная темнотой в тылах зала и задиристостью, мол, чего же ты, толстый, молчишь, если уж привстал и не даешь нам видеть (если уж так случилось, что твой папаша не сумел заделать тебя прозрачным!..) Аа-аа. Гу-уу. Гы-ыы, — вновь покатылся собирательный гул. Но вот и новая идея: воздушная громада. И, стало быть, будет голосование. (Голосовать! Голосовать! — требует зал, накаляясь.) ЗА...ПРОТИВ...ВОЗДЕРЖАЛИСЬ...ВСЕГО... — и вновь к линейной светящемуся сверху табло с цифрами прикованы взгляды всех (и вытянутые шеи всех). Всех ли?.. Да, да, всех. Если, конечно, не считать тех утомленных, кто на самых плохоньких местах, в одном из последних рядов.

Там тоже сидят люди, их всего два человека (иногда их трое) — эти люди внимательно слушают, однако мало что понимают. Они оба устали, глаза их слипаются. Они никому не хлопают, не аплодируют, но ведь они никому и не кричат, не топают ногами, прогоняя от микрофона. Они тихо сидят, и можно сказать, что сидение их бесконечно, потому что, когда кончается собрание здесь, они переходят в соседний зал, где тоже идет собрание (потом еще в актовыв зал, что на втором этаже), — надо присутствовать; надо слушать и надо хотя бы немного вникать. Они практически не спят. Удастся ли им вернуться домой? — удастся, но редко, на час-другой. У них есть, здесь же в зале собрания, свой маленький начальничек с красным пьяненьким лицом, и когда он откуда-то из средних рядов зала поворачивается к ним — это знак, это как красный круг светофора: стоп!.. (стоп расслабленности — пора работать!). Они следят за его пьяненьким взглядом и на линии взгляда видят выходящих из зала людей. Скупой жест пальцев, и они понимают: вот те двое. Они уже встали. Они не идут к примеченным ими людям, они как бы вяло плетутся за ними. Но уже не теряют из виду, двое за двумя. В фойе с огромным клетчато-шахматным полом, где там и тут стоят курящие люди и где на столах достаточно перламутровых пепельниц, они перехватывают тех двоих — пройдемте, пожалуйста! — показывая мельком свои потертые книжечки, если вдруг на лицах испуг и недоумение. Они выводят двоих из подъезда, сажают в закрытый микроавтобус. Хлопнула дверца. Движения их простые, согласованы давностью — они с полуслова понимают друг друга, как с полувзгляда понимали в зале своего краснолицего начальника. В машине один из двоих (увозимых для выяснения неких подробностей) начинает вдруг говорить, возмущаться, даже чего-то напористо требовать, но и тут они, профессионалы, спокойны, у них есть жесты и слова, которые уже отобраны практикой, которые на сквозном чувстве и точно попадают в самую десятку психосознания увозимых в закрытой машине — да ладно, мужик! брось дергаться! — или так: да ладно тебе дергаться, не мальчик ведь! ну что ты,

вэй-богу! — слова их так скупы, так выверены опытом и нешумны, и жесты их так спокойны (и так проста посадка шофера, и так ровно гудит мотор), что увозимые молчат, постепенно попричихнув и погасив всплеск возмущения в нише собственного то ли доверия, то ли фатализма.

За городом, едва свернув в лес, они быстро выводят из машины и приканчивают свои жертвы, двое — двоих. Они только на мгновение помедлили и задержались, дав проехать по шоссе (шоссе видно через деревья) машине скорой помощи; свидетели ни к чему, тем более с медиками надо держать ухо востро. (Проехали мимо. Пора.) Они приканчивают жертвы, одного и второго, ударами больших ножей, которые по виду напоминают короткий меч римлянина былых времен. Нож острый и тяжел, в опытных руках безотказен. Кроме того, в рукоятки ножа вмонтирован мощный аккумулятор, собравший ток, которого хватит, чтобы уложить быка. Удар! Рука сама собой (невольно, при ударе) стискивает рукоять, а этого достаточно, чтобы произвел контакт и вместе с ним электрический разряд через лезвие. Конечно, некоторая избыточность, но на всякий случай голова раскраивается и обычным ударом; ямы тут есть, лес и ямы, и усталые люди быстро закапывают убитых. Никто, разумеется, не узнает, пропали как пропали, и поэтому особенно опасны нынешние медики, которые выслеживают свежие трупы для своих целей (иной раз даже выкапывают, чтобы использовать для пересадок почки, сердце, печень, теплую кожу, что угодно. Внутренние органы человека еще несколько часов после смерти живут сами по себе). Конечно, медики производят расчленение и изъятие противозаконно и потому сами молчат как рыбы, а все же возможны у них накладки, случайности, информация может просеяться, если не просочиться. Так что оглянься лишней раз. Так велят. Взять у убитых можно мелочь из карманов (на голосование больших денег с собой не берут). Одежда у них хороша, но одежду забирать категорически запрещено, может быть узнана на улице, опознана. Поэтому только сигареты да карманная мелочька — они выгребли жалкие рубли, червонцы, часы нельзя. Да, можно закапывать.

Обратный путь. Они торопятся вновь на собрание. В их работе нет конца. (Как и в работе заседающих.) Но все-таки что-то сделали, и некоторая завершенность в деле, пусть даже не окончательная, располагает их к общению, к выходу чувства наружу — им хочется негромко поговорить меж собой.

— Что у тебя с жильем? — спрашивает один. — Да ли?

— Хрен там дадут.

Первый то ли вздохнул, то ли тихо зевнул:

— Да-а...

И вновь смолкли. Они не говорюны, да ведь и говорить им особенно не о чем. Работая вместе, они и без того по крупицам знают все о жизни друг друга. Оба бедны, много трудностей. Один из них давно уже подал заявление на улучшение жилья: он живет со своей семьей в коммуналке, каждый вечер с соседями, собачится с ними, ну а как при скудности жизни избежишь ругни?.. Другой — тоже семейный, квартира у него все же отдельная, но маленькая и притом на последнем этаже: протекает крыша.

— Как дождь на улице, так и у меня дождь, — кривится он в улыбку.

Он объясняет про свою тесноту: теперь их живет в квартире не семь, а восемь человек. У старшего сына

дочка родилась, Галька, совсем беленькая, а назвали Галочкой... В прошлый день был дождь, в люльку налило.

— Прямо на маленькую?

— Ну да. Она рот разевает. Думает, каплет ей сладкое чего. А оно капает чуть выше, в лобик. Мимо капает. Она разевала, разевала — да как заорет...

— Понимает!

Они смолкли. Сидят молча. Приехали. Машина встает у парадного подъезда большого здания. Но, как выясняется, нужно в этот раздерганный час не сюда. Шофер кричит им — эй, вы! К рации вас зовут!.. Оба вылезли из кузова, подходят к кабине, некоторое время оба нерешительно смотрят на шофера. «Ну, давай смелей!» — поторавливает шофер. Он нарочито небрежно трясет трубкой: рация это как телефон, обычный телефон, и нечего ее пугаться. Один из них снимает свою плохонькую пролетарскую шляпенку, приставил ухо к трубке. Слушает. Потом сплевывает, тьфу ты! — и говорит второму:

— В вестибюль велят. На Кедровой улице...

Они вновь залазят в кузов машины, вновь едут. Через десять минут они уже там, на Кедровой, где длится собрание. В вестибюле — это означает не входить в шумный, полный людьми зал и не сидеть, томясь, в последних рядах, а сесть сразу где-нибудь возле гардероба, притом близко к входу. Обычно тут зеркала, человек сидит и смотрит на самого себя, что тоже, конечно, неинтересно. Но можно подремать. Жизнь идет. Один из них ушел поискать привилегированный буфет — в том направлении, где шум и гул голосов (и вдруг грохочущий обвал аплодисментов, чья-то речь особенно удалась).

Он возвращается с двумя бутылками томатного сока.

— Ишь, хлопают! ладоши им не жалы! — говорит он и добавляет:

— А я вчера пиво пил.

— Жигулевское?

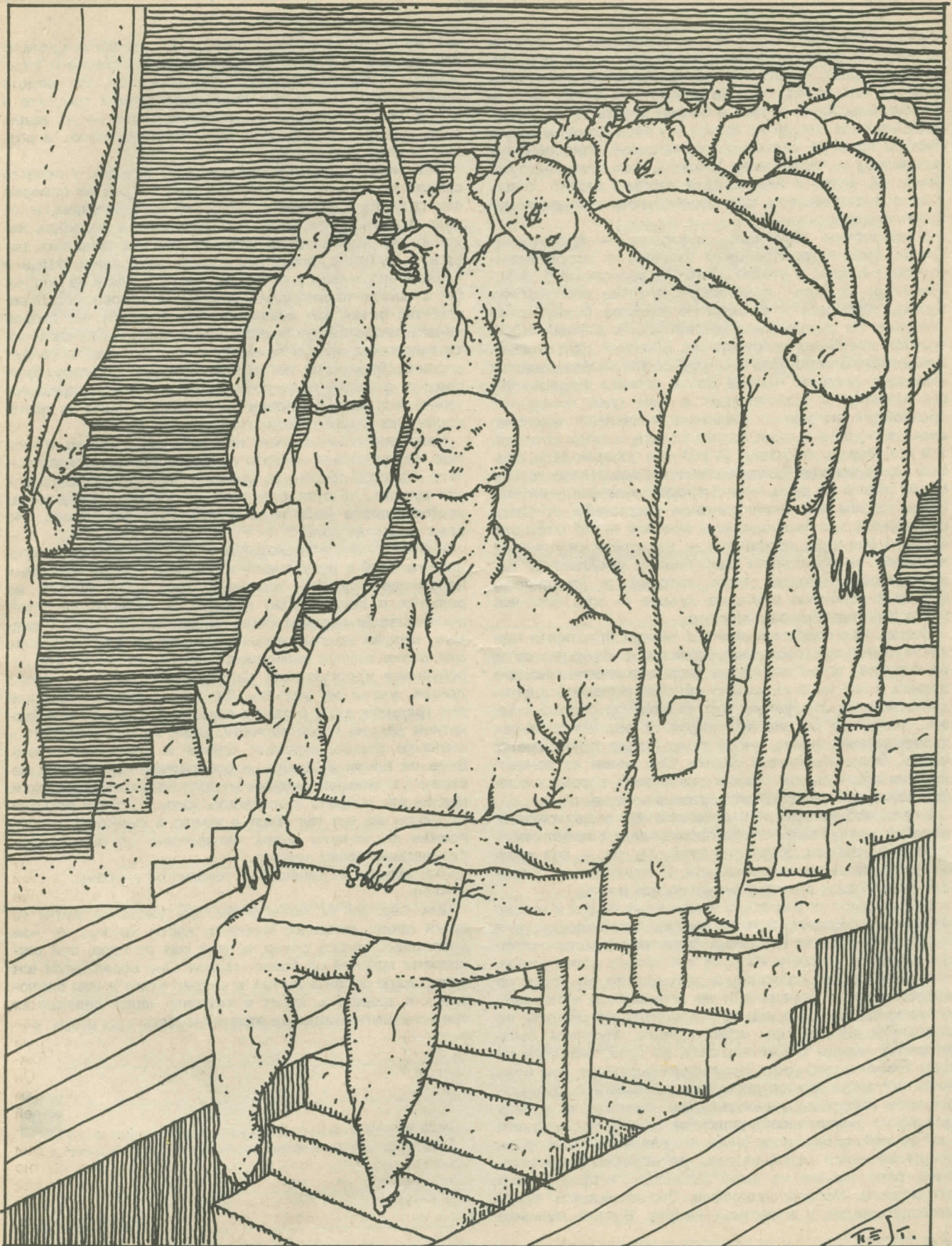
— Хрен там. Разве найдешь... В магазинах все хуже и хуже. Какой-то ржавой воды налили — и то спасибо.

Они бедны. Это так. И никакого улучшения или продвижения в жизни для них (и, значит, для их семей) не будет, да они продвижения и не ждут. Не ждут, вот и все. Без нытья. Возможно, в самой глубинке своей души они надеются, но надеются неопределенно, как то огромное большинство людей, которые почему-то хранят старинную мысль, что им всем получше хотя бы к концу жизни. (Может ведь и привалить счастье.) — Сын старший чего-то приболел... — начинает один из них, но второй уже не слушает.

— Посплю малость.

Он свешивает голову себе на колени, со стороны посмотреть, вроде бы не спит, задумался, но, конечно, он дремлет. Второй сторожит его сон. Надо уметь отключить себя, не то долго не протянешь, падать на улицах начнешь. Шарф у склонившего голову мало-помалу выбил, висит концами вниз до самого пола. Тот, который не спит, заметил: он подымает концы шарфа и осторожно подтыкивает их спящему товарищу в карманы. Он заботлив, пусть спящий уловит свою минуту сна. Сам он сидит прямо. Смотрит, вперяясь в шумливых людей спокойным невидящим взглядом.

Они оба не злы и, уж конечно, не загадочны: они обыкновенны. Нехитрые умом, они честны. Они честно выполняют порученное им, а большего, чем выполнять, увы, не умеют. Они люди, каких много, — человек делает свое дело именно потому, что его такому делу научили,

вернее, к такому делу приставили, сам же он выбрать не умел, ни раньше молодым, ни теперь, когда уже придавил возраст. Впалые щеки. Всегдашний вестибюль. Один из них, правда, иногда мечтает, но мечты его так же нешумны, как и он сам, и совсем просты — он, к примеру, мечтает никуда не ходить и у себя дома, на кухне, чистить крупную картошку (посматривая одновременно телевизор), и чтобы жена хвалила, мол, вот ведь как помог ей, когда у нее сегодня столько забот; брось туда еще морковки и, как закипит, лавровый лист, суп будет, поедим.

В вестибюле означилось движение — спрашивают плащи, бросив гардеробщику звонкий, с костяшечным стуком, номерок, и уходят. Гневные, распаренные, выходят люди из зала; едва набросив плащ или дорожную куртку, торопятся к выходу. Но стойкое большинство осталось. Из распахнутых дверей зала в вестибюль доносится всеобщее возбуждение. Широкий фронт накачивающей волны звуков — шууу, гууу и прорывающиеся знакомые вскрики: «Слова! Дайте слова!..» Надвигается голосование. В соответствии с ним (уже ожидаемо) произойдет очередная перемена: захлопают освобождаемые сиденья кресел, затопают ноги, и люди устремятся кто вперед, кто назад. (А кто-то и поперек зала, особый такой маневр, когда человек продвигается только вдоль своего же ряда, ничего вроде бы не меняя и оставаясь на том же неконкурентном расстоянии от стола президиума, где микрофоны и красное пятно скатерти. Он идет без цели, просто так — известный срединный характер, он движением мало-помалу искушает (и одновременно страхует) себя, готовый к умеренному броску и перемене места на лучшее — как, впрочем, и к стремительному отступлению.)

Второй уже подремал немного, зевнул, приоткрыл глаза — они вполголоса разговаривают о будущем лете, об отпуске, таком коротком, с детьми ехать никакого отдыха, а как их оставишь? а кто посидит летом с внучкой?.. Молчат. Нешумные, они становятся совсем тихи: это ожидание. Вот-вот их минута. В вестибюле вновь возбужденные голоса, вновь люди (после голосования? уже?..). Оба продолжают сидеть. Они ничем не приметны. Они сидят рядом, совсем одинаковые, первый в плонхонькой шляпенке, а тот, кто дремал, в кепке.

Вот и краснолицый. Он появился. Он ведет глазами пеструю группу людей — оба прослеживают за его взглядом: прочитывают. Этот? или эта?.. Ах, так — эти двое! (И показ прицеленным взглядом, и прочтение его просты, примитивны. Немного внимания, вот и все.)

Они следуют чуть впереди намеченных людей и только на самом выходе — правило вестибюльной засады, технология — один из нешумных берет под локоть мужчину, а другой женщину. Их руки так просто делают свое, так неотвратно спокойно и твердо, что те даже не вздрагивают, — женщина, с ее повышенной чуткостью, отпущенной ей природой, не вскрикнула, не ойкнула, не повернула головы: так сразу поняла. Мужчина было напрягся, мышцы стали твердеть, но рука, его державшая, тут же и отпустила. На мгновение раньше, чем мужчина мог инстинктивно дернуться и, возможно, рвануться, рука отпустила, похлопала его легонько по рукаву на уровне локтя и взбурившейся мышцы — мол, что ты? зачем?.. и, похлопав, вновь его взяла. Так они прошли до закрытой серой машины, до коробки микроавтобуса, сели. Ничего не было сказано, и шофер ничего не спросил. Машина тронулась. Значительность предстоящего ведет к известной немоте. Взятый мужчина

все же заговорил (присутствие здесь женщины сделало его сколько-то ответственным), нарочито громко и с вызовом он поинтересовался, что это, мол, мы вместе едем и куда? — на что последовал вздох того, кто в кепке, усталая улыбка и негромкие слова — да ладно тебе, мужик; не дергайся, веди себя достойно... и ровный, ровный шум мотора.

Оба сидят, каждый напротив своей жертвы. У первого совсем заспанные глаза, вчера ночью едва не померла его соседка, сердечница, приступ за приступом, а ее муж, старый пенек, весь в радикулите, а телефон, конечно, не работал (наш сервис!), так что пришлось побегать. Вызывал лихую неотложку в два ночи, потом в четыре, потом еще в половине шестого. Так и не поспал. Он и всегда-то молчал, а сегодня совсем бессловесен, так устал. Он свешивает было голову, но второй начеку, касается рукой его колена: нельзя. Сейчас и пяти минут нет, чтобы смежить глаза, вот что означает касание. (И минуты не улучшить, потерпи.) В лесу, едва свернув с шоссе под кроны деревьев, они высаживают мужчину и женщину возле ям и прикалывают их двумя короткими ударами своих тяжелых ножей.

Ножи они обычно носят под легоньким пальто, в чехах. Чехлы нельзя назвать ножнами, они из кожзаменителя, простой формы и вместительные, так что нож и вся рукоять, по сути, болтаются в глубине мешка, и при необходимости нож надо рукой там нащупывать. Но опыт упрощает дело.

Убитые лежат в нескольких шагах друг от друга, мужчина головой к лесу, она — к дороге. Один из нешумных напоминает своему товарищу, что, мол, убитых не разъяри, а ведь таково правило (и правила не отменишь). Чтобы кому-то было спокойнее. И чтобы, скажем, медики не пытались искать почку или селезенку для своих тайных пересадок. Тот кивает — да. Не прекуривая и продолжая работу, они раздевают обоих догола, иначе не разъять. Те лежат голые. Женщине лет тридцать пять, в самом соку, тело крепкое и в бархатном загаре, груди торчком. Один из них подходит к женщине ближе, спускает брюки и прикает к ней. Ведь ее почки и печень, и все прочее еще живое, настолько живое, что медики и через пять с лишним часов готовы это забрать и заставить жить в другом организме (жаль же, вот так сразу в землю, в сырую-то землю), поимев ее, минуты через четыре-пять он подымается. Его дыхание сбито, тяжело.

— Сладкая. Не хочешь? — говорит он второму.

— Не.

Они берутся за ножи и быстро, уверенно рубят на куски обоих лежащих. Какие-то куски крупны, но нож достаточно тяжел, остр, и, еще раз оглядев, они расчленяют крупное на более мелкое. Они сбрасывают все в яму, дело заканчивается, а шофер стоит к ним спиной шагах в двадцати, курит и смотрит через деревья на все же заметный отрезок шоссе.

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ,

мы предлагаем сегодня эту анкету, потому что хотели бы больше знать о том, что Вам нравится и что не нравится в нашем журнале; о том, как Вы относитесь к актуальным проблемам сегодняшней по-

литической, социальной, культурной жизни.

Заполнять анкету несложно: **перечеркните**, пожалуйста, **цифру** против того варианта, который совпадает с Вашим мнением. Если оно не предусмотрено, изложите его, пожалуйста, на оставленной для этого свободной строке.

Ответив на все вопросы, вырежьте анкету и отправьте ее по адресу редакции:

101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22.

Результаты опроса будут опубликованы.

ЗАРАНЕЕ БЛАГОДАРИМ ВАС!

I. Как к Вам попал этот номер журнала?

- 1 — получил по подписке
- 2 — купил в киоске «Союзпечати»
- 3 — купил с 10-копеечной наценкой у распространителя на улице, около метро, в подземном переходе
- 4 — _____

II. Если Вы уже успели прочитать материалы этого номера, то что Вам понравилось больше всего?

III. А не могли бы Вы назвать что-нибудь запомнившееся из предыдущих номеров?

IV. Какие газеты и журналы Вы выписали в этом году?

V. Какие еще газеты и журналы читаете?

VI. Какие издания наиболее объективно, с Вашей точки зрения, отражают происходящие в стране события?

VII. Существуют ли источники информации, которым Вы не склонны доверять?

- 1 — да
- 2 — нет

VIII. Если такие есть, назовите их, пожалуйста:

IX. Этот вопрос — к нашим подписчикам. Собираетесь ли Вы продлить подписку на 1992 год?

- 1 — да, безусловно
- 2 — нет, слишком все подорожало
- 3 — нет, потому что разочаровался в журнале
- 4 — _____

X. Мы надеемся, что «Столица» Вам очень нравится. А какие еще периодические издания (тонкие журналы, еженедельники) отвечают Вашим вкусам?

XI. От подписки на какие издания Вы собираетесь отказаться в следующем году?

Отвлечемся немного от проблем журнала.

XII. Много — наверное, слишком много — было написано в последнее время о Невзорове. Нам хотелось бы знать мнение не только людей пишущих, но и читающих. Ваше отношение:

- 1 — положительное
- 2 — отрицательное
- 3 — мне он безразличен
- 4 — _____

XIII. Оцените, пожалуйста, по 10-балльной системе деятельность перечисленных ниже

ученых, публицистов	деятели культуры,	политических, государственных, общественных деятелей
Явлинский	Исаковский	Крючков
Кургинян	Лебедев-Кумач	Яковлев
Пияшева	Фатьянов	Андропов
Янов	Долматовский	Шеварднадзе
	Добронравов	Калугин

XIV. Как Вы относитесь к смертной казни?

- 1 — необходимо сохранить
- 2 — следует отменить
- 3 — не думал об этом

XV. Ваше отношение к гомосексуализму:

- 1 — это болезнь, и ее надо лечить
- 2 — эта склонность дана от природы, и здесь следует проявлять терпимость
- 3 — это преступление, и за него надо наказывать

XVI. На что в первую очередь должна быть направлена деятельность КГБ в современных условиях?

- 1 — на борьбу с экономическим саботажем
- 2 — на предотвращение международных конфликтов
- 3 — на защиту государственных интересов от внешних врагов
- 4 — на борьбу с организованной преступностью, racketом
- 5 — масштабы деятельности КГБ в любом случае должны быть сокращены
- 6 —

XVII. Как Вы относитесь к проблеме Курильских островов?

- 1 — их следует немедленно вернуть Японии
- 2 — их нельзя отдавать ни в коем случае
- 3 — острова следует передать за соответствующую компенсацию
- 4 — не надо спешить: лучше искать пути постепенного решения проблемы
- 5 —

И в заключение — несколько вопросов о Вас.

XXIII. Ваш пол: 1 — женский, 2 — мужской

XXIV. Возраст (число исполнившихся лет) _____

XXV. Образование _____

XXVI. Род занятий _____

Анкета анонимная, но если Вы согласны время от времени участвовать в наших опросах, укажите, пожалуйста, Вашу фамилию и адрес. Они будут использованы только в научных целях. Большое спасибо!

XVIII. Многие статьи в нашем журнале содержат резкую критику КПСС. Нужна ли эта критика? Не ломимся ли мы в открытую дверь?

- 1 — эту линию журнала следует продолжать, печатая больше подобных материалов
- 2 — эта позиция неконструктивна, она ведет лишь к разжиганию страстей
- 3 — эта тема себя исчерпала
- 4 —

XIX. Как Вы относитесь к приватизации собственности КПСС?

- 1 — положительно
- 2 — отрицательно
- 3 — эта идея несвоевременна
- 4 —

XX. Кто, с Вашей точки зрения, виноват в происходящих межнациональных конфликтах?

- 1 — это — наследие сталинской национальной политики
- 2 — они неизбежны, это заложено в человеческой природе
- 3 — такие конфликты провоцируются руками тех, кто в этом заинтересован
- 4 —

XXI. Как Вы оцениваете деятельность руководства Моссовета?

- 1 — положительно
- 2 — отрицательно
- 3 — затрудняюсь ответить

XXII. Как Вы относитесь к переименованию московских улиц, станций метро, площадей?

- 1 — положительно
- 2 — отрицательно
- 3 — все это выглядит несерьезно, как смена декораций
- 4 —

XXVII. Семейное положение _____

XXVIII. Количество детей _____

XXIX. Где Вы родились?

- 1 — в Москве
- 2 — в Ленинграде, столице союзной республики, большом городе
- 3 — в небольшом городе
- 4 — в поселке городского типа, в деревне

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

КЛУБ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ КАЛЕК

Обед на огнедышащем кратере вулкана с последующим спуском на дельтаплане, прыжки с мостов и крыш небоскребов, плавание в Арктике на яхте... Виды «спорта», которыми занимаются отчаянные члены этого клуба, поражают уже одними своими названиями. А речь идет о «Клубе опасного спорта», основанном в Англии в 1979 году 41-летним преуспевающим бизнесменом Дэвидом Кларком.

Первые шесть членов были приняты в клуб у края отвесных прибрежных скал в Шотландии. Это событие все они отметили прыжками со скал в ледяные волны. Сейчас в этом необычном клубе — пятьдесят членов, для которых, кажется, нет ничего невозможного. Они спускались с Альп, сидя верхом на ледяных глыбах, пролетали, нарядившись гориллами, на дельтапланах над Вестминстером, прыгали, привязавшись эластичным канатом к перилам, со всевозможных мостов. Любимыми их «номерами» являются прыжки с крыш небоскребов. «Это рискованно, но мы руководствуемся точнейшими расчетами и используем совершенную технику», — говорит Кирх, бессменно в течение двенадцати лет остающийся председателем клуба.

Несмотря на то, что в результате своих отчаянных проделок многие члены клуба не раз ломали себе ноги или руки, они остаются верными своему «спорту». Сейчас они планируют прыжок в Ниагарский водопад... на автобусе, переоборудованном в «амфибию».

«Наша страна», Израиль

МИКРОБЫ УНИЧТОЖАЮТ УРАН

Английские ученые открыли микробы, которые уничтожают радиоактивные металлы. Таким образом, они могут быть использованы для уничтожения отходов, содержащих уран и, возможно, плутоний.

«Фрайе прессе», ФРГ

МИЛЛИОНЫ ИЗ-ПОД КОВРИКА

Как показывают многочисленные факты, состояние можно скотлотить на чем угодно. «Даже отправляя автомобиль в утиль», — мог бы добавить 60-летний Жан Леонар из Франции. Этот торговец старым железом приводит такую статистику: ежедневно водители и пассажиры теряют в автомобилях как минимум по одной монетке. «Однажды, когда мне надо было срочно позвонить и я не нашел подходящей мелочи, я приподнял коврик в своей машине и обнаружил там монет гораздо больше, чем требовалось. И тут меня осенила гениальная идея: учитывая, что я каждый день посылаю под пресс в среднем по 250 автомобилей, сколько же можно было насобирать в них денег!»

За пять лет Жан Леонар их насобирал довольно много — 150000 франков (или 30000 долларов). Все найденные деньги он пожертвовал на нужды ассоциации «Диабет, солидарность, молодость», президентом которой он является. Вот так. И нет необходимости грабить банки, достаточно лишь приподнять коврик в салоне своего автомобиля...

«ВУАСИ», Франция

РЕЦЕПТ МОЛОДОСТИ

Недавно в одном из тибетских монастырей был обнаружен рецепт молодости — гомеопатического средства, способствующего очищению организма от отложений жира и извести. Возраст рецепта — 4—5 тысяч лет. Вот он: 350 граммов чеснока размельчить, залить 96-процентным спиртом, 10 дней настаивать в темном месте. Принимать перед едой в течение 11 дней, добавляя несколько капель этой настойки в 1/4 стакана молока.

«Фюр дих», ФРГ

БЕЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ В МЕНЬШИНСТВЕ

По последним данным, белое население Нью-Йорка оказалось в меньшинстве. Согласно последней переписи населения, проведенной в 1990 году, оно составляет чуть более 43% от 7,3 млн. жителей города. В 1980 году этот показатель равнялся 52,4%. Такая тенденция объясняется прежде всего переселением белых жителей в пригород, а также увеличением числа жителей японского происхождения. Число жителей, происходящих из испаноговорящих стран Американского континента, увеличилось за последнее десятилетие с 380 тысяч до 1,78 млн.

«Лейпцигер фольксцайтунг», ФРГ

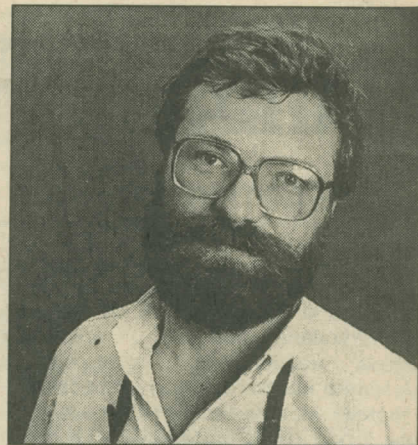
БЫЛА ЛИ ПАДАЮЩАЯ БАШНЯ СПЛАНИРОВАНА С НАКЛОНОМ?

Тревога за судьбу падающей Пизанской башни, доступ в которую запрещен уже в течение 13 месяцев из-за опасности ее падения, по всей видимости, является преувеличенной. Ученый с именем, профессор истории архитектуры Гильельмо Де Анжелис д'Оссат считает, что башня не сможет упасть, так как она намеренно построена с наклоном.

Эксперт полагает, что пизанские архитекторы в XII веке намеревались создать своего рода средневекового «монстра», способного своей неповторимостью приковать к себе внимание посетителей. Теорию Де Анжелиса подкрепляет целый ряд наблюдений. Так, например, дверь, за которой находится винтовая лестница, встроена в том единственном месте, где, несмотря на наклон строения, она без особого труда открывается и закрывается. И наконец, наиболее убедительным доказательством теории историка является тот факт, что на пергаменте того периода чертеж башни выполнен с наклоном.

«Нойе рур-цайтунг», ФРГ

ГЕНИАЛЬНЫЙ ТУСОВЩИК БОРИСОВ

Я знаю, что все равно не смогу написать о Сергее Борисове так, как надо. Для этого необходимы слова и идиомы, которыми, увы, не владею. И причина тому не возраст (сегодня немало пятидесятилетних мужчин с косичками и серьгами в ухе), а некая закрепощенность мышления, окованного как христианской моралью, так и догмами традиционного логоса.

Художник Гия Абрамишвили из знаменитой теперь группы «Чемпионы Мира» так излагает кредо, близкое и нашему мастеру: «В сущности, мы не занимаемся искусством как таковым — просто предлагаемый нами тип расчленившего действия в условиях технократической формации может существовать пока лишь в областях, пограничных со сферой искусства, что и является на сегодняшний день наиболее приемлемым объяснением зарождения «блуждающего» постиндустриального сознания.

Нас интересует все, что не может быть объяснено категориями здравого смысла во всех его проявлениях; все, что является нелепым с точки зрения политики, бессодержательным с точки зрения науки и сомнительным с точки зрения искусства. Нас интересует новый мировой рекорд».

«Мировой рекорд» интересует и Борисова. И, пожалуй, он к нему близок, если понимать мировой рекорд вне категорий здра-

вого смысла, хотя некий синтетический смысл здесь безусловен есть.

Это красивый сорокалетний человек, который одновременно по-юношески увлечен и предельно серьезен в своих устремлениях, касается ли то роскошных западных автомобилей или его главной темы — собирания картин андерграунда. Здесь он многолик: выступает как арт-менеджер, организующий за рубежом выставки опекаемых им художников, как дизайнер, ставящий таинственное действие перформанса, как меценат, поддерживающий начинающих и отрываемые им таланты, как дилер от искусства, умело рекламирующий и продающий советский андерграунд на Западе.

Однако мне лично Борисов интересен прежде всего как фотограф. Уже много лет назад его снимки украсили обложки таких престижных журналов, как «ФЭЙС» (Англия) и «ТЕМПО» (ФРГ). Его считают одним из родоначальников нового оформления пластинок и плакатов наших рок-певцов, оформления, которое сделало из примитивных объявлений подлинные атрибуты рекламы со своим дизайном, своим концептом, смыслом, который может передать только нечто целостное и художественное.

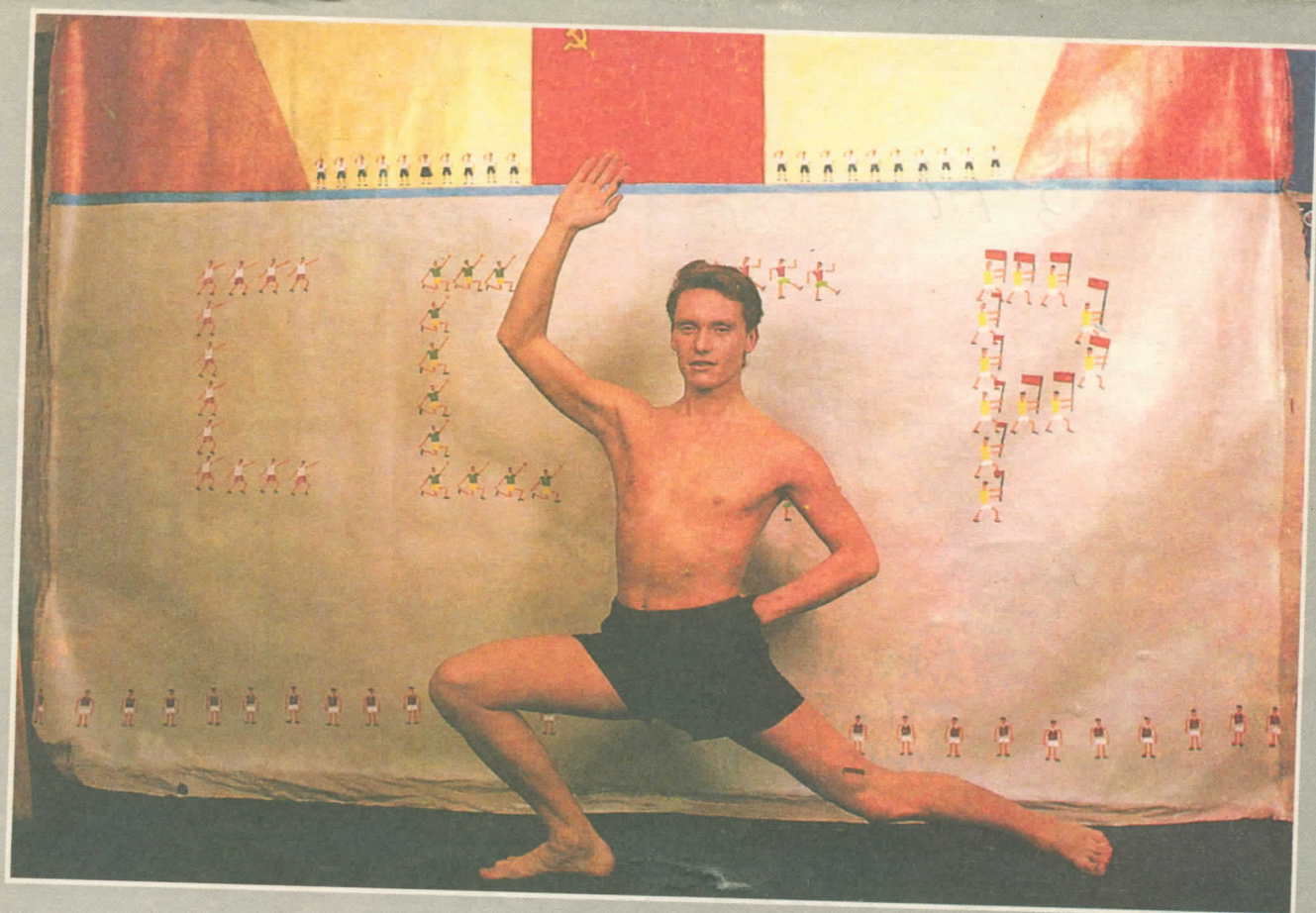
Как человека Борисова отличает необычайная толерантность — терпимость и понимание всего сущего, ангажирован-

ность идее и независимость от любых, самых популистских мнений. Лет десять назад он, собиравший вокруг себя молодых художников андерграунда, сказал мне: имеет смысл обратиться к сталинскому китчу в живописи — он скоро исчезнет и станет «непреходящей ценностью». Действительно, когда еще человеческое сознание заблудится в такой бредятине...

Или о Невзорове: «Не надо его убирать, должен же быть хоть один правый независимый журналист!» Должен, конечно. Только не зависимый...

В общем, Борисов умеет разное — снимать (не только фотоаппаратом, но и телекамерой), задавать идеи художникам-прикладникам, работающим с ним над пластинками и плакатами, вести жесткую коммерцию в арт-бизнесе, многое другое. Однако, если спросить у людей из его окружения про его главное качество, большинство ответит: он гениальный тусовщик. На более понятном языке это — гений общения. И в его студии, находящейся хоть и в подвале (вспомним: андерграунд — это и есть подвал!), но зато у самых стен Кремля, можно встретить самых разных знаменитостей, отечественных и зарубежных. Здесь всегда идет доброжелательный и приятный разговор, тусовка, в центре которой неизменно Сергей Борисов.

Владислав ЯНКУЛИН

3, 4 стр. обложки фото С.Борисова.

3-198

